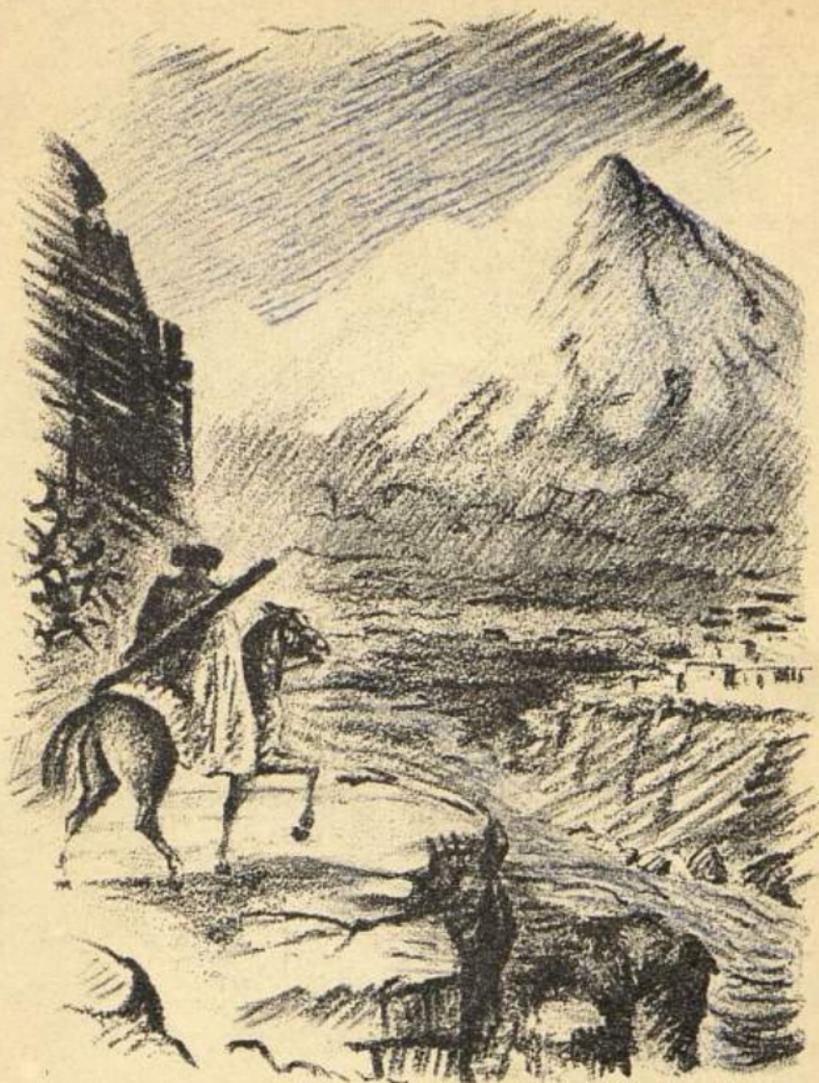
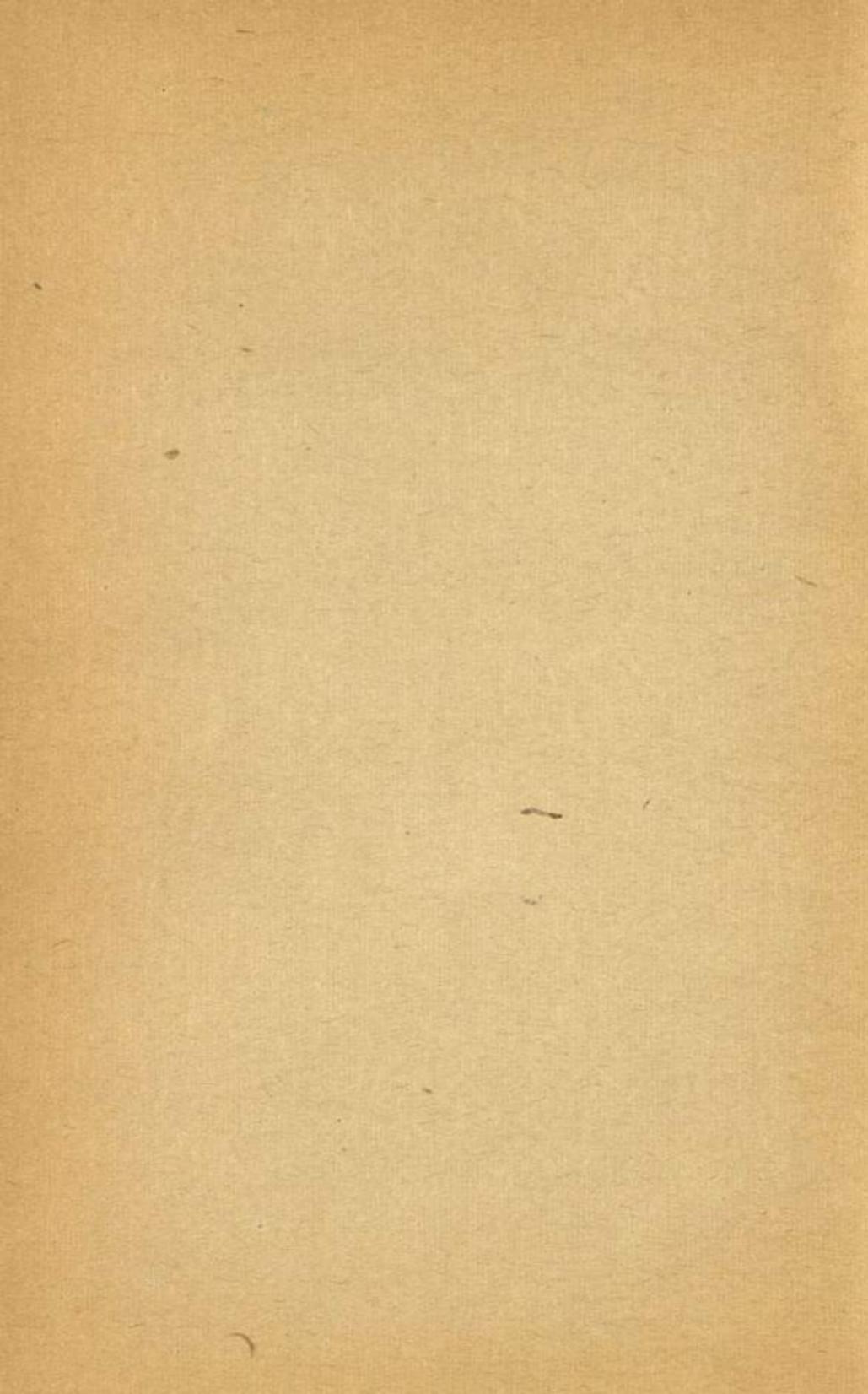

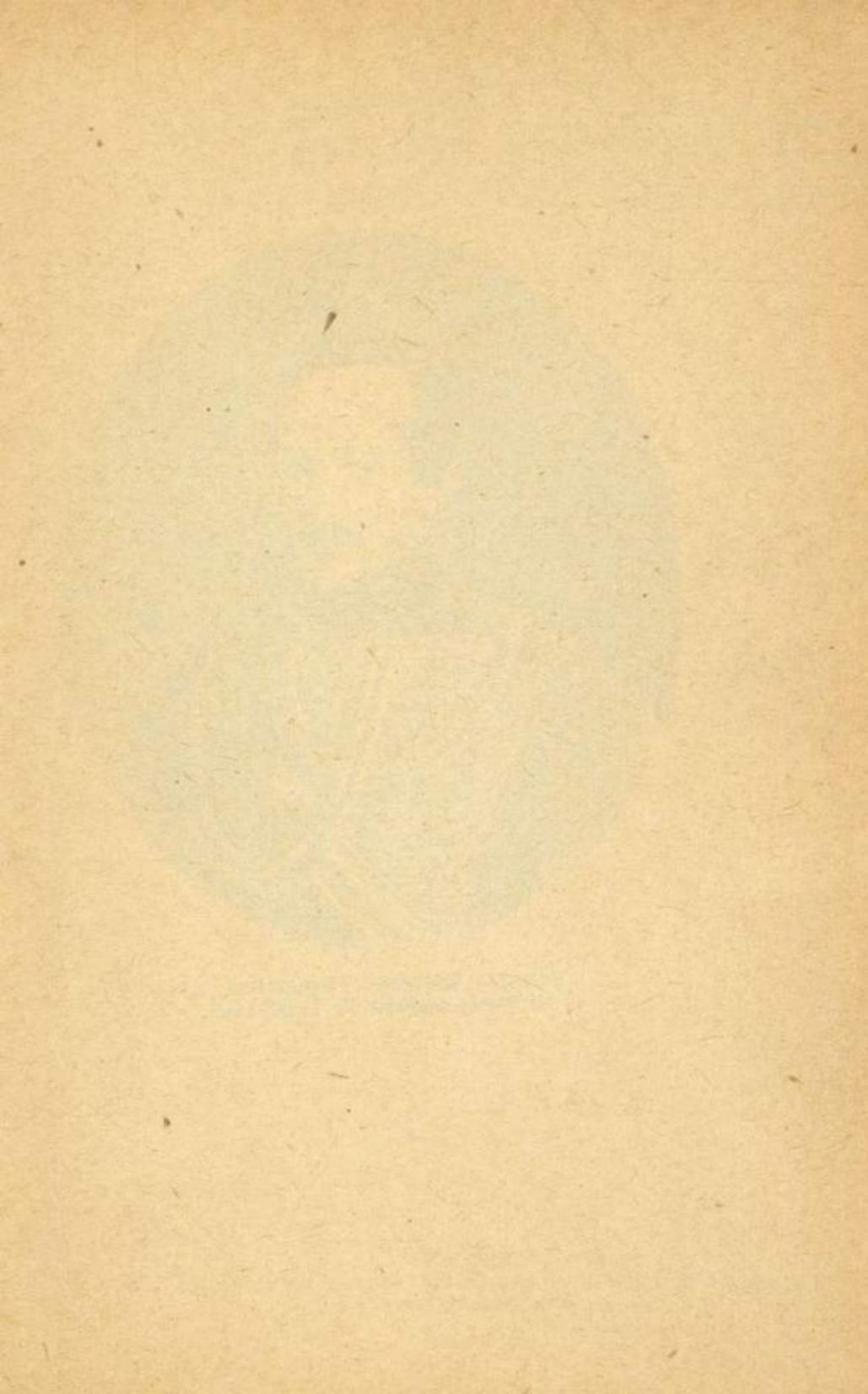
М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

СТИХИ
ПОЭМЫ

ДЕТГИЗ

Михаил Юрьевич Лермонтов.
С портрета работы К. Горбунова.

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

Л 492

**С Т И Х И
П О Э М Ы**

ИЗБРАННЫЕ

НАРКОМПРОС РСФСР
Государственное Издательство Детской Литературы
Москва 1942 Ленинград

Комментарии Б. Эйхенбаума

~~22661~~

1957-58 г.

~~НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТМИЗ~~

681453 КХ-редк

Российская государственная
детская библиотека

С Т И Х И

1829

БАЛЛАДА

Над морем красавица-дева сидит;
И, к другу ласкаясь, так говорит:

«Достань ожерелье, спустился на дно;
Сегодня в пучину упало оно!

Ты этим докажешь свою мне любовь!»
Вскипела лихая у юноши кровь,

И ум его обнял невольный недуг,
Он в пенную бездну кидается вдруг.

Из бездны перловые брызги летят,
И волны теснятся, и мчатся назад,

И снова приходят и о берег бьют,
Вот милого друга юни принесут.

О, счастье! он жив, он скалу ухватил,
В руке ожерелье, но мрачен как был.

Он верить боится усталым ногам,
И влажные кудри бегут по плечам...

«Скажи, не люблю иль люблю я тебя,
Для перлов прекрасной и жизнь не щадя,

По слову спустился на черное дно,
В коралловом гроте лежало оно.

Возьми», — и печальный он взор устремил
На то, что дороже он жизни любил.

Ответ был: «О милый, о юноша мой,
Достань, если любишь, коралл дорогой».

С душой безнадежной молодой удалец
Прыгнул, чтоб найти иль коралл, иль конец.

Из бездны перловые брызги летят,
И волны теснятся, и мчатся назад,

И снова приходят и о берег бьют,
Но милого друга они не несут.

ВОЙНА

Зажглась, друзья мои, война,
И развились знамена чести;
Трубой заветною она
Манит в поля кровавой мести!
Простите, шумные пиры,
Хвалы достойные напевы
И Вакха милые дары,
Святая Русь и красны девы!
Забуду я тебя, любовь,
Сует и юности отрава,
И полечу, свободный вновь,
Ловить венки небренной славы!

ПЕРЧАТКА

(Из Шиллера)

Вельможи толпою стояли
И молча зрелища ждали;
Меж них сидел
Король величаво на троне;
Кругом на высоком балконе
Хор дам прекрасный блестел.

Вот царскому знаку внимают, |
Скрыпучую дверь отворяют,
И лев выходит степной
Тяжелой стопой.
И молча вдруг
Глядит вокруг.
Зевая лениво,
Трясет желтой гривой
И, всех обозрев,
Ложится лев.

И царь махнул снова,
И тигр суровый
С диким прыжком
Взлетел опасный
И, встретясь с львом,
Завыл ужасно;
Он бьет хвостом,
Потом:
Тихо владельца обходит,
Глаз кровавых не сводит...
Но раб пред владыкой своим
Тщетно ворчит и злится:
И невольно ложится
 Он рядом с ним.

Сверху тогда упади
Перчатка с прекрасной руки
Судьбы случайной игрою
Между враждебной цетою.

И к рыцарю вдруг своему обратясь,
Кунигунда сказала, лукаво смеясь:
«Рыцарь, пытаться я сердца люблю.
Если сильна так любовь у вас,
Как вы твердите мне каждый час,
То подымите перчатку мою!»

И рыцарь с балкона в минуту бежит
И дерзко в круг он вступает,
На перчатку меж диких зверей он глядит
И смелой рукой подымает.

Шиллер.

И зрители в робком вокруг ожиданье,
Трепеща, на юношу смотрят в молчанье.
Но вот он перчатку приносит назад,
Отвсюду хвала вылетает,
И нежный пылающий взгляд —
Недального счастья заклад —
С рукою девицы героя встречает.
Но досады жестокой пылая в огне,
Перчатку в лицо он ей кинул:
«Благодарности вашей не надобно мне!»
И гордую тотчас покинул.

ЖАЛОБЫ ТУРКА

(ПИСЬМО. К ДРУГУ, ИНОСТРАНЦУ)

Ты знал ли дикий край, под знойными лучами,
Где рощи и луга поблекшие цветут?
Где хитрость и беспечность злобе дань несут?
Где сердце жителей волнуемо страстями?

И где являются порой
Умы и хладные и твердые, как камень?
Но мощь их давится безвременной тоской,
И рано гаснет в них добра спокойный пламень.
Там рано жизнь тяжка бывает для людей,
Там за утехами несется укоризна,
Там стонет человек от рабства и цепей!..
Друг! этот край... моя отчизна!

Р. S. Ах! если ты меня поймешь,
Прости свободные намеки;
Пусть истину скрывает ложь:
Что ж делать? — все мы человеки!..

ЭПИГРАММЫ

1

Есть люди странные, которые с друзьями
Обходятся как с сертуками:
Покуда нов сертук, в чести — а там
Забыт и подарен слугам!..

2

Тот самый человек пустой,
Кто весь наполнен сам собой.

3

Стыдить лжеца, шутить над дураком
И спорить с женщиной, всё то же
Что черпать воду решетом: —
От сих троих избавь нас, боже!..

1830

КАВКАЗ

Хотя я судьбой на заре моих дней,
О южные горы, отторгнут от вас,
Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз:
Как сладкую песню отчизны моей
Люблю я Кавказ.

В младенческих годах я мать потерял.
Но мнилось, что в розовый вечера час
Та степь повторяла мне памятный глас.
За это люблю я вершины тех скал,
Люблю я Кавказ.

Я счастлив был с вами, ущелия гор;
Пять лет пронеслось: всё тоскую по вас.
Там видел я пару божественных глаз;
И сердце лепечет, вспомя тот взор:
Люблю я Кавказ!..

«В горах Кавказа». С картины М. Лермонтова.

БАЛЛАДА

В избушке позднею порою
Славянка юная сидит.
Вдали багровой полосою
На небе зарево горит...
И люльку детскую качая,
Поет славянка молодая...

«Не плачь, не плачь! иль сердцем чуешь,
Дитя, ты близкую беду!..
О, полно, рано ты тоскуешь —
Я от тебя не отойду.
Скорее мужа я утрачу.
Дитя, не плачь! и я заплачу!

Отец твой стал за честь и бога
В ряду бойцов против татар,
Кровавый след ему дорога,
Его булат блестит как жар.
Взгляни, там зарево краснеет:
То битва семя смерти сеет.

Как рада я, что ты не в силах
Понять опасности своей,
Не плачут дети на могилах;
Им чужд и стыд и страх цепей;
Их жребий зависти достоин...»
Вдруг шум, — и в двери входит воин.

Брада в крови, избиты латы.
«Свершилось! — восклицает он, —
Свершилось! торжествуй, проклятый!..
Наш милый край порабощен,
Татар мечи не удержали —
Орда взяла, и наши пали».

И он упал — и умирает
Кровавой смертью бойца.
Жена ребенка поднимает
Над бледной головой отца:
«Смотри, как умирают люди,
И мстить учись у женской груди!..»

Троице-Сергиевская лавра.

НИЩИЙ

У врат обители святой
Стоял просящий подаянья
Бедняк иссохший, чуть живой
От глада, жажды и страданья.

Куска лишь хлеба он просил,
И взор являл живую муку,
И кто-то камень положил
В его протянутую руку.

Так я молил твоей любви
С слезами горькими, с тоскою;
Так чувства лучшие мои
Обмануты навек тобою!

Не думай, чтоб я был достоин сожаленья,
 Хотя теперь слова мои печальны; нет!
 Нет! все мои жестокие мученья —
 Одно предчувствие гораздо больших бед.

Я молод; но кипят на сердце звуки,
 И Байрона достигнуть я б хотел:
 У нас одна душа, одни и те же муки, —
 О, если б одинаков был удел!..

Как он, ищу забвенья и свободы,
 Как он, в ребячестве пылал уж я душой,
 Любил закат в горах, пенящиеся воды
 И бурь земных и бурь небесных вой.

Как он, ищу спокойствия напрасно,
 Гоним повсюду мыслию одной.
 Гляжу назад — прошедшее ужасно;
 Гляжу вперед — там нет души родной!

1831

1831-го ИЮНЯ 11 ДНЯ

1

Моя душа, я помню, с детских лет
 Чудесного искала. Я любил
 Все обольщенья света, но не свет,
 В котором я минутами лишь жил;
 И те мгновенья были мук полны,
 И населял таинственные сны
 Я этими мгновеньями. Но сон,
 Как мир, не мог быть ими омрачен.

2

Как часто силой мысли в краткий час
 Я жил века и жизнь иную,
 И о земле позабывал. Не раз,
 Встревоженный печальною мечтой,
 Я плакал; но все образы мои,

Предметы мнимой злобы иль любви,
Не походили на существ земных.
О нет! всё было ад иль небо в них.

3

Холодной буквой трудно объяснить
Боренье дум. Нет звуков у людей
Довольно сильных, чтоб изобразить
Желание блаженства. Пыл страстей
Возвышенных я чувствую, но слов
Не нахожу и в этот миг готов
Пожертвовать собой, чтоб как-нибудь
Хоть тень их перелить в другую грудь.

4

Известность, слава, что они? — А есть
У них над мною власть; и мне они
Велят себе на жертву всё принести,
И я влачу мучительные дни
Без цели, оклеветан, одинок;
Но верю им! — неведомый пророк
Мне обещал бессмертье, и живой
Я смерти отдал всё, что дар земной.

5

Но для небесного могилы нет.
Когда я буду прах, мои мечты,
Хоть не поймет их, удивленный свет
Благословит; и ты, мой ангел, ты
Со мною не умрешь: моя любовь
Тебя отдаст бессмертной жизни вновь;
С моим названьем станут повторять
Твое: на что им мертвых разлучать?

6

К погибшим люди справедливы; сын
Боготворит, что проклинал отец.
Чтоб в этом убедиться, до седин
Дожить не нужно! есть всему конец;
Немного долголетней человек
Цветка; в сравненьи с вечностью их век
Равно ничтожен. Пережить одна
Душа лишь колыбель свою должна.

Так и ее созданья. Иногда,
 На берегу реки, один, забыт,
 Я наблюдал, как быстрая вода,
 Синяя, гнется в волны, как шипит
 Над ними пена белой полосой;
 И я глядел и мыслию иной
 Я не был занят, и пустынный шум
 Рассеивал толпу глубоких дум.

Тут был я счастлив... О, когда б я мог
 Забыть, что незабвенно! женский взор!
 Причину стольких слез, безумств, тревог!
 Другой владеет ею с давних пор,
 И я другую с нежностью люблю,
 Хочу любить, — и небеса молю
 О новых муках: но в груди моей
 Всё жив печальный призрак прежних дней.

Никто не дорожит мной на земле,
 И сам себе я в тягость, как другим;
 Тоска блуждает на моем челе.
 Я холоден и горд; и даже злым
 Толпе кажусь; но ужель она
 Проникнуть дерзко в сердце мне должна?
 Зачем ей знать, что в нем заключено?
 Огонь иль сумрак там — ей всё равно.

Темна проходит туча в небесах,
 И в ней таится пламень роковой;
 Он, вырываясь, обращает в прах
 Всё, что ни встретит. С дивной быстротой
 Блеснет, и снова в облаке укрыт;
 И кто его источник объяснит,
 И кто заглянет в недра облаков?
 Зачем? Они исчезнут без следов.

Грядущее тревожит грудь мою.
 Как жизнь я кончу, где душа моя

Блуждать осуждена, в каком краю
Любезные предметы встречу я?
Но кто меня любил, кто голос мой
Услышит и узнает... И с тоской
Я вижу, что любить, как я, — порок,
И вижу, я слабей любить не мог.

12

Не верят в мире многие любви
И тем счастливы; для иных она
Желанье, порожденное в крови,
Расстройство мозга иль виденье сна.
Я не могу любовь определить,
Но это страсть сильнейшая! Любить —
Необходимость мне; и я любил
Всем напряжением душевных сил.

13

И отучить не мог меня обман.
Пустое сердце ныло без страстей,
И в глубине моих сердечных ран
Жила любовь, богиня юных дней;
Так в трещине развалин иногда
Береза вырастает молода
И зелена, и взоры веселит,
И украшает сумрачный гранит.

14

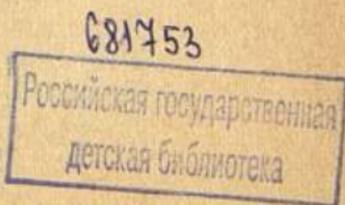
И о судьбе ее чужой пришлец
Жалеет. Беззащитно предана
Порыву бурь и зною, наконец
Увянет преждевременно она;
Но с корнем не исторгнет никогда
Мою березу вихрь: она тверда;
Так лишь в разбитом сердце может страсть
Иметь неограниченную власть.

15

Под ношей бытия не устает
И не хладеет гордая душа;
Судьба ее так скоро не убьет,
А лишь взбунтует; мщением дыша
Против непобедимой, много зла
Она свершить готова, хоть могла

М. Лермонтов в 1830—1831 годах.
С портрета работы П. Заболоцкого.

Составить счастье тысячи людей:
С такой душой ты бог или злодей...

16

Как нравились всегда пустыни мне!
Люблю я ветер меж нагих холмов,
И коршуна в небесной вышине,
И на равнине тени облаков.
Ярма не знает резвый здесь табун,
И кровожадный тешится летун
Под синевой, и облако степей
Свободней как-то мчится и светлей.

17

И мысль о вечности, как великан,
Ум человека поражает вдруг,
Когда степей безбрежный океан
Синеет пред глазами; каждый звук
Гармонии вселенной, каждый час
Страданья или радости для нас
Становится понятен, и себе
Отчет мы можем дать в своей судьбе.

18

Кто посещал вершины диких гор
В тот свежий час, когда садится день?
На западе светило видит взор
И на востоке близкой ночи тень,
Внизу туман, уступы и кусты,
Кругом всё горы чудной высоты,
Как после бури облака, стоят,
И странные верхи в лучах горят.

19

И сердце полно, полно прежних лет
И сильно бьется; пылкая мечта
Приводит в жизнь минувшего скелет,
И в нем почти всё та же красота.
Так любим мы глядеть на свой портрет,
Хоть с нами в нем уж сходства больше нет,
Хоть на холсте хранится блеск очей,
Погаснувших от время и страстей.

Что на земле прекрасней пирамид
 Природы, этих гордых снежных гор?
 Не переменит их надменный вид
 Ничто: ни слава царств, ни их позор;
 О ребра их дробятся темных туч
 Толпы, и молний обвивает луч
 Вершины скал; ничто не вредно им.
 Кто близ небес, тот не сражен земным.

Печален степи вид, где без препон,
 Волнуя лишь серебряный ковыль,
 Скитается летучий аквилон
 И пред собой свободно гонит пыль;
 И где кругом, как зорко ни смотри,
 Встречает взгляд березы две иль три,
 Которые под синеватой мглой
 Чернеют вечером в дали пустой.

Так жизнь скучна, когда боренья нет.
 В минувшее проникнув, различить
 В ней мало дел мы можем, в цвете лет
 Она души не будет веселить.
 Мне нужно действовать, я каждый день
 Бессмертным сделать бы желал, как тень
 Великого героя, и понять
 Я не могу, что значит отдыхать.

Всегда кипит и зреет что-нибудь
 В моем уме. Желанье и тоска
 Тревожат беспрестанно эту грудь.
 Но что ж? Мне жизнь всё как-то коротка,
 И все боюсь, что не успею я
 Свершить чего-то! Жажда бытия
 Во мне сильнее страданий роковых,
 Хотя я презираю жизнь других.

Есть время — леденеет быстрый ум;
 Есть сумерки души, когда предмет

Желаний мрачен: усыпленье дум;
Меж радостью и горем полусвет;
Душа сама собою стеснена,
Жизнь ненавистна, но и смерть страшна.
Находишь корень мук в себе самом,
И небо обвинить нельзя ни в чем.

25

Я к состоянью этому привык,
Но ясно выразить его б не мог
Ни ангельский, ни демонский язык:
Они таких не ведают тревог,
В юдном всё чисто, а в другом всё зло.
Лишь в человеке встретиться могло
Священное с порочным. Все его
Мученья происходят оттого.

26

Никто не получал, чего хотел
И что любил, и если даже тот,
Кому счастливый небом дан удел,
В уме своем минувшее пройдет,
Увидит он, что мог счастливей быть,
Когда бы не умела отравить
Судьба его надежды. Но волна
Ко берегу возвратиться не сильна.

27

Когда, гонима бурей роковой,
Шипит и мчится с пеною своей,
Она всё помнит тот залив родной,
Где пенилась в приютах камышей,
И, может быть, она опять придет
В другой залив, но там уж не найдет
Себе покоя: кто в морях блуждал,
Тот не заснет в тени прибрежных скал.

28

Я предузнал мой жребий, мой конец,
И грусти ранняя на мне печать;
И как я мучусь, знает лишь творец;
Но равнодушный мир не должен знать.
И не забыт умру я. Смерть моя
Ужасна будет; чуждые края

Ей удивятся, а в родной стране
Все проклянут и память обо мне.

29

Все. Нет, не все; создание есть одно,
Способное любить — хоть не меня;
До этих пор не верит мне оно,
Однако сердце, полное огня,
Не увлечется мнением, и мое
Пророчество припомнит ум ее,
И взор, теперь веселый и живой,
Напрасной отуманится слезой.

30

Кровавая меня могила ждет,
Могила без молитв и без креста,
На диком берегу ревущих вод
И под туманным небом; пустота
Кругом. Лишь чужестранец молодой,
Невольным сожаленьем, и молвой,
И любопытством приведен сюда,
Сидеть на камне станет июгда.

31

И скажет: отчего не понял свет
Великого, и как он не нашел
Себе друзей, и как любви привет
К нему надежду снова не привел?
Он был ее достоин. И печаль
Его встревожит, он посмотрит вдаль,
Увидит облака с лазурью волн,
И белый парус, и бегучий чёлн,

32

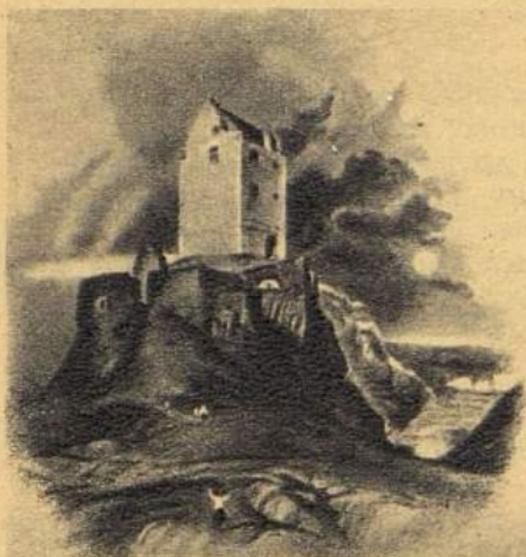
И мой курган! Любимые мечты
Мои подобны этим. Сладость есть
Во всем, что не сбылось, — есть красоты
В таких картинах; только перенести
Их на бумагу трудно: мысль сильна,
Когда размером слов не стеснена,
Когда свободна, как игра детей,
Как арфы звук в молчании ночей!

ЖЕЛАНИЕ

Зачем я не птица, не ворон степной,
Пролетевший сейчас надо мной?
Зачем не могу в небесах я ларить
И одну лишь свободу любить?

На запад, на запад помчался бы я,
Где цветут моих предков поля,
Где в замке пустом, на туманных горах,
Их забвенный покоится прах.

На древней стене их наследственный щит
И заржавленный меч их висит.
Я стал бы летать над мечом и щитом,
И смахнул бы я пыль с них крылом;

Шотландский замок.

И арфы шотландской струну бы задел,
И по сводам бы звук полетел;
Внимаем одним, и одним пробужден,
Как раздался, так смолкнул бы он.

Но тщетны мечты, бесполезны мольбы
Против строгих законов судьбы.
Меж мной и холмами отчизны моей
Расстилаются волны морей.

Последний потомок отважных бойцов
Увядает средь чуждых снегов;
Я здесь был рожден, но нездешний душой...
О! зачем я не ворон степной?..

(ВОЛЯ)

Моя мать — злая кручина,
Отцом же была мне — судьбина;
Мои братья, хоть люди,
Не хотят к моей груди
Прижаться;
Им стыдно со мною,
С бедным сиротою,
Обняться!

Но мне богом дана
Молодая жена,
Воля-волюшка,
Вольность милая,
Несравненная;
С ней нашлись другие у меня
Мать, отец и семья;
А моя мать — степь широкая,
А мой отец — небо далекое;
Они меня воспитали,
Кормили, поили, ласкали;
Мои братья в лесах —
Березы да сосны.

Несусь ли я на коне, —
Степь отвечает мне!
Брожу ли поздней порой, —
Небо светит мне луной!
Мои братья, в летний день
Призывая под тень,
Машут издали руками,
Кивают мне головами;
И вольность мне гнездо свила,
Как мир — необъятное!

АНГЕЛ

По небу полуночи ангел летел,
И тихую песню он пел,
И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.

Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов,
О бoге великом он пел, и хвала
Его непритворна была.

Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез;
И звук его песни в душе молодой
Остался — без слов, но живой.

И долго на свете томилась она,
Желаньем чудным полна,
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.

Мария Михайловна Лермонтова,
мать поэта.

**
*

Ужасная судьба отца и сына —
Жить розно и в разлуке умереть,
И жребий чуждого изгнанника иметь
На родине с названьем гражданина!
Но ты свершил свой подвиг, мой отец,
Постигнут ты желанною кончиной;
Дай бог, чтобы, как твой, спокоен был конец
Того, кто был всех мук твоих причиной!
Но ты простишь мне! Я ль виновен в том,
Что люди угасить в душе моей хотели
Огонь божественный, от самой колыбели
Горевший в ней, оправданный творцом?
Однако ж тщетны были их желанья:
Мы не нашли вражды один в другом,
Хоть оба стали жертвою страданья!
Не мне судить, виновен ты иль нет.
Ты светом осужден? Но что такое свет?
Толпа людей, то злых, то благосклонных,

Юрий Петрович Лермонтов,
отец поэта.

Собрание похвал незаслужённых
И стольких же насмешливых клевет.
Далеко от него, дух ада или рая,
Ты о земле забыл, как был забыт землей;
Ты счастливей меня; перед тобой,
Как море жизни, — вечность роковая
Неизмеримою открылась глубиной.
Ужели вовсе ты не сожалешь ныне
О днях, потерянных в тревоге и слезах?
О сумрачных, но вместе милых днях,
Когда в душе искал ты, как в пустыне,
Остатки прежних чувств и прежние мечты?
Ужель теперь совсем меня не любишь ты?
О, если так, то небо не сравню
Я с этою землей, где жизнь влачу мою;
Пускай на ней блаженства я не знаю,
По крайней мере, я люблю!

1830—1831

К ***

О, полно извинять разврат!
Ужель злодеям щит — порфира?
Пусть их глупцы боготворят,
Пусть им звучит другая лира;
Но ты остановись, певец,
Златой венец — не твой венец.

Изгнаньем из страны родной
Хвались повсюду, как свободой;
Высокой мыслью и душой
Ты рано одарен природой;
Ты видел зло, и перед злом
Ты гордым не поник челом.

Ты пел о вольности, когда
Тиран гремел, грозили казни;
Боясь лишь вечного суда
И чуждый на земле боязни,
Ты пел, и в этом есть краю
Один, кто понял песнь твою.

1832

Люблю я цепи синих гор,
Когда, как южный метеор,
Ярка без света и красна
Всплывает из-за них луна,
Царица лучших дум певца
И лучший перл того венца,
Которым свод небес порой
Гордится, будто царь земной.
На западе вечерний луч
Еще горит на ребрах туч, |
И уступить всё медлит он
Луне — угрюмый небосклон;
Но скоро гаснет луч зари...
Высоко месяц. Две иль три

Младые тучки окружают
Его сейчас... Вот весь наряд,
Которым белое чело
Ему убрать позволено.
Кто не знавал таких ночей
В ущельях гор иль средь степей?
Однажды при такой луне
Я мчался на лихом коне,
В пространстве голубых долин,
Как ветер, волен и один;
Туманный месяц и меня,
И гриву, и хребет коня
Сребристым блеском осыпал;
Я чувствовал, как конь дышал,
Как он, ударивши ногой,
Отбрасываем был землей;
И я в чудесном забытьи
Движенья сковывал свои,
И с ним себя желал я слить,
Чтоб этим бег наш ускорить;
И долго так мой конь летел...
И вокруг себя я поглядел:
Всё та же степь, всё та ж луна:
Свой взор ко мне склонив, она,
Казалось, упрекала в том,
Что человек с своим конем
Хотел владычество степей
В ту ночь оспаривать у ней!..

**
*

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.
Я раньше начал, кончу ране,
Мой ум не много совершит;
В душе моей, как в океане,
Надежд разбитых груз лежит.
Кто может, океан угрюмый,
Твои изведать тайны? кто
Толпе мои расскажет думы?
Я — или бог — или никто!

Байрон.

Я жить хочу! хочу печали
Любви и счастию на зло;
Они мой ум избаловали
И слишком сгладили чело.
Пора, пора насмешкам света
Прогнать спокойствия туман;
Что без страданий жизнь поэта?
И что без бури океан?
Он хочет жить ценою муки,
Ценой томительных забот.
Он покупает неба звуки,
Он даром славы не берет.

Приветствую тебя, воинственных славян
 Святая колыбель! Пришлец из чуждых стран,
 С восторгом я взирал на сумрачные стены,
 Через которые столетий перемены
 Безвредно протекли; где вольности одной
 Служил тот колокол на башне вечевой,
 Который отзвонил ее уничтоженью
 И сколько гордых душ увлек в свое паденье!..
 — Скажи мне, Новгород, ужель их больше нет?
 Ужели Волхов твой — не Волхов прежних лет?

.....

ДВА ВЕЛИКАНА

В шапке золота литого
 Старый русский великан
 Поджидал к себе другого
 Из далеких чуждых стран.

За горами, за долами
 Уж гремел об нем рассказ;
 И померяться главами
 Захотелось им хоть раз.

И пришел с грозой военной
 Трехнедельный удалец —
 И рукою дерзновенной
 Хватъ за вражеский венец!

Но улыбкой роковою
 Русский витязь отвечал:
 Посмотрел — потряхнул главою...
 Ахнул дерзкий — и упал!

Но упал он в дальнем море
 На неведомый гранит,
 Там, где буря на просторе
 Над пучиною шумит.

Примите дивное посланье
Из края дальнего сего;
Оно не Павлово писанье,
Но Павел вам отдаст его.
Увы! как скучен этот город,
С своим туманом и водой!..
Куда ни взглянешь, красный ворот,
Как шиш, торчит перед тобой;
Нет милых сплетен — всё сурово,
Закон сидит на лбу людей;
Всё удивительно и ново, —
А нет ни пошлых новостей!
Доволен каждый сам собою,
Не беспокоясь о других,
И что у нас зовут душою,
То без названия у них!..

И наконец я видел море,
Но кто поэта обманул?..
Я в роковом его просторе
Великих дум не почерпнул;
Нет! как оно, я не был волен,
Болезнью жизни, скукой болен
(На зло былым и новым дням),
Я не завидовал, как прежде,
Его серебряной одежде,
Его бунтующим волнам.

ПАРУС

Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом.
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?

Играют волны, ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит;
Увы! он счастья не ищет
И не от счастья бежит!

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой, —
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

1833 — 1834

**
*

На серебряные шпоры
Я в раздумии гляжу;
За тебя, скакун мой скорый,
За бока твои дрожу.

Наши предки их не знали
И, гарцуя среди степей,
Толстой плеткой погоняли
Недоезжанных коней.

«Маневры в Красном Селе». Рисунок М. Лермонтова.

Но с успехом просвещенья,
Вместо грубой старины,
Введены изобретенья
Чужеземной стороны;

В наше время кормят, холят,
Берегут спинную честь...
Прежде били — нынче колют!..
Что же выгодней? — бог весть!..

**
* |

Посреди небесных тел
Лик луны туманный: |
Как он кругл и как он бел,
Точно блин с сметаной!

Кажду ночь она в лучах
Путь проходит млечный: |
Видно, там, на небесах,
Масленица вечно! |

ЮНКЕРСКАЯ МОЛИТВА

Царю небесный!
Спаси меня
От куртки тесной,
Как от огня.
От маршировки
Меня избавь,
В парадировки
Меня не ставь.
Пускай в манеже
Алёхин глас
Как можно реже
Тревожит нас.
Еще моленье
Прошу принять —
В то воскресенье
Дай разрешенье
Мне опоздать.

Я, царь всевышний,
Хорош уж тем,
Что просьбой лишней
Не надоем.

1836

УМИРАЮЩИЙ ГЛАДИАТОР

I see before me the gladiator lie...
*Byron*¹.

Ликует буйный Рим... торжественно гремит
Рукоплесканьями широкая арена;
А он — пронзенный в грудь — безмолвно он лежит,
Во прахе и крови скользят его колена...
И молит жалости напрасно мутный взор:
Надменный временщик и льстец его сенатор
Венчают похвалой победу и позор...
Что знатым и толпе сраженный гладиатор?
Он презрен и забыт... освистанный актер.
И кровь его течет — последние мгновенья
Мелькают, — близок час... Вот луч воображенья
Сверкнул в его душе... Пред ним шумит Дунай...
И родина цветет... свободный жизни край;
Он видит круг семьи, оставленный для брани,
Отца, простершего немеющие длани,
Зовущего к себе опору дряхлых дней...
Детей играющих — возлюбленных детей.
Все ждут его назад с добычею и славой...
Напрасно — жалкий раб, он дал, как зверь лесной,
Бесчувственной толпы минутною забавой...
Прости, развратный Рим, — прости, о край родной...

Не так ли ты, ю европейский мир,
Когда-то пламенных мечтателей кумир,
К могиле клонишься бесславной головою,
Измученный в борьбе сомнений и страстей,
Без веры, без надежд — игралище детей,
Осмеянный ликующей толпою!

И пред кончиною ты взоры обратил
С глубоким вздохом сожаленья

¹ Я вижу перед собой лежащего гладиатора...

Байрон.

На юность светлую, исполненную сил,
Которую давно для язвы просвещения,
Для гордой роскоши беспечно ты забыл;
Стараясь заглушить последние страданья,
Ты жадно слушаешь и песни старины,
И рыцарских времен волшебные преданья —
Насмешливых льстецов несбыточные сны

РУСАЛКА

1

Русалка плыла по реке голубой,
Озаряема полной луной;
И старалась она доплеснуть до луны
Серебристую пену волны.

2

И шумя и крутясь, колебала река
Отраженные в ней облака;
И пела русалка — и звук ее слов
Долетал до крутых берегов.

3

И пела русалка: «На дне у меня
Играет мерцание дня;
Там рыбок золотые гуляют стада;
Там хрустальные есть города;

4

И там на подушке из ярких песков
Под тенью густых тростников
Спит витязь, добыча ревнивой волны,
Спит витязь чужой стороны...

5

Расчесывать кольца шелковых кудрей
Мы любим во мраке ночей,
И в чело и в уста мы в полуденный час
Целовали красавца не раз;

6

Но к страстным лобзаньям, не знаю зачем,
Остается он хладен и нем,

Он спит, — и, склонившись на перси ко мне,
Он не дышит, не шепчет во сне».

7

Так пела русалка над синей рекой,
Полна непонятной тоской;
И, шумно катясь, колебала река
Отраженные в ней облака.

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДИЯ

(Из Байрона)

Душа моя мрачна. Скорей, певец, скорей!
Вот арфа золотая:
Пускай персты твои, промчавшись по ней,
Пробудят в струнах звуки рая.
И если не навек надежды рок унес,
Они в груди моей проснутся,
И если есть в очах застывших капли слез,
Они растают и прольются.

Пусть будет песнь твоя дика. Как мой венец,
Мне тягостны веселья звуки!
Я говорю тебе: я слез хочу, певец,
Иль разорвется грудь от муки.
Страданьями была упитана она,
Томилась долго и безмолвно;
И грозный час настал — теперь юна полна,
Как кубок смерти, яда полный.

1837

БОРОДИНО

«Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые,
Да, говорят, еще какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!» —

«Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри — не вы!
Плохая им досталась доля:
Не многие вернулись с поля...
Не будь на то господня воля,
Не отдали б Москвы.

Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики: !
«Что ж мы? на зимние квартиры?
Не смеют, что ли, командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские штыки?»

И вот нашли большое поле:
Есть разгуляться где на воле!
Построили редут.
У наших ушки на макушке!
Чуть утро осветило пушки

Рисунок М. Лермонтова.

И леса синие верхушки —
Французы тут как тут.

Забил заряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!
Постой-ка, брат, мусью:
Что тут хитрить, пожалуй к бою;
Уж мы пойдем ломить стеною,
Уж постоим мы головою
За родину свою!

Два дня мы были в перестрелке.
Что толку в этакой безделке?
Мы ждали третий день.
Повсюду стали слышны речи:
«Пора добраться до картечи!»
И вот на поле грозной сечи
Ночная пала тень.

Прилег вздремнуть я у лафета,
И слышно было до рассвета,
Как ликовал француз.
Но тих был наш бивак открытый:
Кто кивер чистил, весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
Кусая длинный ус.

И только небо засветилось,
Всё шумно вдруг зашевелилось,
Сверкнул за строем строй.
Полковник наш рожден был хватом:
Слуга царю, отец солдатам...
Да, жаль его: сражен булатом,
Он спит в земле сырой.

И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! не Москва ль за нами!
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.

Ну ж был денёк! Сквозь дым летучий
Французы двинулись, как тучи,
И всё на наш редут.
Уланы с пестрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами,
Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут.

Вам не видать таких сражений!..
Носились знамена, как тени,
В дыму югонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась — как наши груди,
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...

Вот смерклось. Были все готовы
Заутра бой затеять новый
И до конца стоять...
Вот затрещали барабаны —
И отступили бусурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри — не вы.
Плохая им досталась доля:
Не многие вернулись с поля.
Когда б на то не божья воля,
Не отдали б Москвы».

СМЕРТЬ ПОЭТА

Отмщенье, государь, отмщенье!
Паду к ногам твоим:
Будь справедлив и накажи убийцу,
Чтоб казнь его в позднейшие века
Твой правый суд потомству возвестила,
Чтоб видели злодеи в ней пример.

Погиб поэт! — невольник чести —
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой!..
Не вынесла душа поэта
Позора мелочных обид,
Восстал он против мнений света
Один, как прежде... и убит!
Убит!.. К чему теперь рыдания,
Пустых похвал ненужный хор
И жалкий лепет оправданья? —
Судьбы свершился приговор!
Не вы ль сперва так злобно гнали
Его свободный, смелый дар
И для потехи раздували
Чуть затаившийся пожар?
Что ж? веселитесь... он мучений
Последних вынести не мог:
Угас, как свечеч, дивный гений,
Увял торжественный венок.

Его убийца хладнокровно
Навел удар... спасенья нет:
Пустое сердце бьется ровно,
В руке не дрогнул пистолет.
И что за диво?.. из далека,
Подобный сотням беглецов,
На ловлю счастья и чинов
Заброшен к нам по воле рока;
Смеясь, он дерзко презирал
Земли чужой язык и нравы;
Не мог щадить он нашей славы;
Не мог понять в сей миг кровавый,
На что он руку поднимал!..

И он убит — и взят могилой,
Как тот певец, неведомый, но милый,

Добыча ревности глухой,
Воспетый им с такою чудной силой,
Сраженный, как и он, безжалостной рукой.

Зачем от мирных нег и дружбы простодушной
Вступил он в этот свет завистливый и душный
Для сердца вольного и пламенных страстей?
Зачем он руку дал клеветникам ничтожным,
Зачем поверил он словам и ласкам ложным,
Он, с юных лет постигнувший людей?..

И прежний сняв венок — они венец терновый,
Увитый лаврами, надели на него:
Но иглы тайные сурово
Язвили славное чело;

Отравлены его последние мгновенья
Коварным шопотом насмешливых невежд,
И умер он — с напрасной жаждой мщенья,
С досадой тайною обманутых надежд.

Замолкли звуки чудных песен,
Не раздаваться им опять:
Приют певца угрюм и тесен,
И на устах его — печать.

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастья обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — всё молчи!..
Но есть, есть божий суд, наперсники разврата!
Есть грозный судия: он ждет;
Он не доступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

ВЕТКА ПАЛЕСТИНЫ

Скажи мне, ветка Палестины,
Где ты росла, где ты цвела,
Каких холмов, какой долины
Ты украшением была?

У вод ли чистых Иордана
Востока луч тебя ласкал,
Ночной ли ветер в горах Ливана
Тебя сердито колыхал?

Молитву ль тихую читали,
Иль пели песни старины,
Когда листья твои сплетали
Солима бедные сыны?

И пальма та жива ль поныне?
Всё так же ль манит в летний зной!
Она прохожего в пустыне
Широколиственной главой?

Или в разлуке безотрадной
Она увяла, как и ты,
И дольний прах ложится жадно
На пожелтевшие листья...

Поведай: набожной рукою!
Кто в этот край тебя занес?
Грустил он часто над тобою?
Хранишь ты след горючих слез?

Иль божьей рати лучший воин
Он был, с безоблачным челом,
Как ты, всегда небес достоин
Перед людьми и божеством?..

Заботой тайною хранима,
Перед иконой золотой
Стоишь ты, ветвь Ерусалима,
Святыни верный часовой.

Прозрачный сумрак, луч лампы,
Кивот и крест, символ святой...
Всё полно мира и отрады
Вокруг тебя и над тобой.

УЗНИК

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня!
Я красавицу младую
Прежде сладко поцелую,
На коня потом вскочу,
В степь, как ветер, улечу.

Но окно тюрьмы высоко,
Дверь тяжелая с замком;
Черноокая далеко
В пышном тереме своем;
Добрый конь в зеленом поле
Без узды, юдин, по воле
Скачет весел и игрив,
Хвост по ветру распустив...

Одинок я — нет отрады:
Стены голые кругом,
Тускло светит луч лампы
Умирающим огнем;
Только слышно — за дверями
Звучномерными шагами
Ходит в тишине ночной
Безответный часовой.

**
*

Когда волнуется желтеющая нива,
И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зеленого листка;

Рисунок из лермонтовской тетради.

2

Когда росой обрызганный душистой,
Румяным вечером иль утра в час златой,
Из-под куста мне ландыш серебристый
Приветливо кивает головой;

3

Когда студёный ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится он:

4

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе,
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу бога!..

МОЛИТВА

Я, мать божия, ныне с молитвою
Пред твоим образом, ярким сиянием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покаянием,

Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в свете безродного;
Но я вручить хочу деву невинную
Теплой заступнице мира холодного.

Окружи счастьем душу достойную;
Дай ей сопутников, полных внимания,
Молодость светлую, старость покойную,
Сердцу незлобному мир упования.

Срок ли приблизится часу прощальному
В утро ли шумное, в ночь ли безгласную,
Ты воспрять пошли к ложу печальному
Лучшего ангела душу прекрасную.

**

Гляжу на будущность с боязнию,
Гляжу на прошлое с тоской
И, как преступник перед казнью,
Ищу кругом души родной;
Придет ли вестник избавленья
Открыть мне жизни назначенье,
Цель упований и страстей,
Поведать, что мне бог готовил,
Зачем так горько прекословил
Надеждам юности моей.

Земле я отдал дань земную
Любви, надежд, добра и зла;
Начать готов я жизнь другую,
Молчу и жду: пора пришла;
Я в мире не оставлю брата,
И тьмой и холодом объята

Душа усталая моя;
Как ранний плод, лишенный сока,
Она увяла в бурях рока;
Под знойным солнцем бытия.

**
*

Не смейся над моей пророческой тоскою;
Я знал: удар судьбы меня не обойдет;
Я знал, что голова, любимая тобою,
С твоей груди на плаху перейдет;
Я говорил тебе: ни счастья, ни славы
Мне в мире не найти; настанет час кровавый,
И я паду; и хитрая вражда
С улыбкой очернит мой недоцветший тений;
И я погибну без следа
Моих надежд, моих мучений;
Но я без страха жду довременный конец.
Давно пора мне мир увидеть новый;
Пускай толпа растопчет мой венец:
Венец певца, венец терновый!..
Пускай! я им не дорожил.

.

**
*

Слышу ли голос твой
Звонкий и ласковый,
Как птичка [в клетке]
Сердце запрыгает;

Встречу ль глаза твои
Лазурно-глубокие,
Душа им навстречу
Из груди просится,

И как-то весело,
И хочется плакать,
И так на шею бы
Тебе я кинулся.

КИНЖАЛ

Люблю тебя, булатный мой кинжал,
Товарищ светлый и холодный.
Задумчивый грузин на мечь тебя ковал,
На грозный бой точил черкес свободный.

Лилейная рука тебя мне поднесла
В знак памяти, в минуту расставанья,
И в первый раз не кровь вдоль по тебе текла,
Но светлая слеза — жемчужина страданья.

И черные глаза, юстановясь на мне,
Исполнены таинственной печали,
Как сталь твоя при трепетном огне,
То вдруг тускнели, то сверкали.

Ты дан мне в спутники, любви залог немой,
И страннику в тебе пример не бесполезный;
Да, я не изменяюсь и буду тверд душой,
Как ты, как ты, мой друг железный.

1838

ДУМА

Печально я гляжу на наше поколенье!
Его грядущее — иль пусто, иль темно,
Меж тем, под бременем познания и сомненья,
В бездействии состарится оно.
Богаты мы, едва из колыбели,
Ошибками отцов и поздним их умом,
И жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели,
Как пир на празднике чужом.
К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы;
Перед опасностью позорно малодушны,
И перед властью — презренные рабы.
Так тощий плод, до времени созрелый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глаз,
Висит между цветов, пришлец осиротелый,
И час их красоты — его паденья час!

Мы иссушили ум наукою бесплодной,
Тая завистливо от ближних и друзей
Надежды лучшие и голос благородный
Неверием осмеянных страстей.
Едва касались мы до чаши наслажденья,
Но юных сил мы тем не сберегли,
Из каждой радости, бояся пресыщенья,
Мы лучший сок навеки извлекли.

Мечты поэзии, создания искусства
Восторгом сладостным наш ум не шевелят;
Мы жадно бережем в груди остаток чувства —
Зарытый скупостью и бесполезный клад.
И ненавидим мы, и любим мы случайно,
Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви,
И царствует в душе какой-то холод тайный,
Когда огонь кипит в крови.
И предков скучны нам роскошные забавы,
Их добросовестный, ребяческий разврат;
И к гробу мы спешим без счастья и без славы,
Глядя насмешливо назад.

Толпой угрюмою и скоро позабытой
Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодovitой,
Ни гением начатого труда.
И прах наш, с строгостью судьбы и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом.

ПОЭТ

Отделкой золотой блистает мой кинжал;
Клинок надежный, без порока;
Булат его хранит таинственный закал —
Наследье бранного востока.

Наезднику в горах служил он много лет,
Не зная платы за услугу;
Не по одной груди провел он страшный след
И не одну прорвал кольчугу.

Забавы он делил послушнее раба,
Звенел в ответ речам обидным;
В те дни была б ему богатая резьба
Нарядом чуждым и постыдным.

Он взят за Терекон отважным казаком
На хладном трупе господина,
И долго он лежал заброшенный потом
В походной лавке армянина.

Теперь родных ножен, избитых на войне,
Лишён героя спутник бедный,
Игрушкой золотой он блещет на стене,
Увы, бесславный и безвредный!

Никто привычною, заботливой рукой
Его не чистит, не ласкает,
И надписи его, молясь перед зарей,
Никто с усердьем не читает.

В наш век изнеженный не так ли ты, поэт,
Свое утратил назначенье,
На злато променяв ту власть, которой свет
Внимал в немом благоговенье?

Бывало, мерный звук твоих могучих слов
Воспламенял бойца для битвы,
Он нужен был толпе, как чаша для пиров,
Как фимиам в часы молитвы.

Твой стих, как божий дух, носился над толпой
И, отзыв мыслей благородных,
Звучал, как колокол на башне вечевой
Во дни торжеств и бед народных.

Но скучен нам простой и гордый твой язык,
Нас тешат блески и обманы;
Как ветхая краса, наш ветхий мир привык
Морщины прятать под румяны.

Проснешься ль ты олять, осмеянный пророк!
Иль никогда, на голос мщенья,
Из золотых ножен не вырвешь свой клинок,
Покрытый ржавчиной презренья?..

ТРИ ПАЛЬМЫ

(ВОСТОЧНОЕ СКАЗАНИЕ)

В песчаных степях аравийской земли
 Три гордые пальмы высоко росли.
 Родник между ними из почвы бесплодной,
 Журча, пробивался волною холодной,
 Хранимый, под сенью зеленых листов,
 От знойных лучей и летучих песков.

И многие годы неслышно прошли;
 Но странник усталый из чуждой земли
 Пылающей грудью ко влаге студеной
 Еще не склонялся под кущей зеленой,
 И стали уж сохнуть от знойных лучей
 Роскошные листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на бога роптать:
 «На то ль мы родились, чтоб здесь увядать?
 Без пользы в пустыне росли и цвели мы,
 Колеблемы вихрем и зноем палимы,
 Ничей благосклонный не радуя взор?..
 Неправ твой, о небо, святой приговор!»

И только замолкли — в дали голубой
 Столбом уж крутился песок золотой,
 Звонков раздавались нестройные звуки,
 Пестрели коврами покрытые выюки,
 И шел, колыхаясь, как в море челнок,
 Верблюд за верблюдом, взрывая песок.

Мотаясь, висели меж твердых горбов
 Узорные полы походных шатров;
 Их смуглые ручки порой подымали,
 И черные очи оттуда сверкали...
 И, стан худощавый к луке наклоня,
 Араб горячил вороного коня.

И конь на дыбы подымался порой,
 И прыгал, как барс, пораженный стрелой;
 И белой одежды красивые складки
 По плечам фариса вились в беспорядке;

И, с криком и свистом несясь по песку,
Бросал и ловил он копье на скаку.

Вот к пальмам подходит, шумя, караван:
В тени их веселый раскинулся стан.
Кувшины, звуча, налилися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Приветствуют пальмы нежданных гостей,
И щедро поит их студеный ручей.

Но только что сумрак на землю упал,
По корням упругим топор застучал,
И пали без жизни питомцы столетий!
Одежду их сорвали малые дети,
Изрублены были тела их потом,
И медленно жгли их до утра огнем.

Когда же на запад умчался туман,
Урочный свой путь совершал караван;
И следом печальным на почве бесплодной
Виднелся лишь пепел седой и холодный;
И солнце остатки сухие дожгло,
А ветром их в степи потом разнесло.

И ныне всё дико и пусто кругом —
Не шепчутся листья с гремучим ключом:
Напрасно пророка о тени он просит —
Его лишь песок раскаленный заносит,
Да коршун хохлатый, степной нелюдим,
Добычу терзает и щиплет над ним.

ПАМЯТИ А. И. ОДОЕВСКОГО

1

Я знал его — мы странствовали с ним
В горах востока... и тоску изгнанья
Делили дружно; но к полям родным
Вернулся я, и время испытанья
Промчалось законной чередой;
А он не дождался минуты сладкой:
Под бедною походною палаткой

Болезнь его сразила, и с собой
В могилу он унес летучий рой
Еще незрелых, темных вдохновений,
Обманутых надежд и горьких сожалений...

2

Он был рожден для них, для тех надежд,
Поэзии и счастья... но, безумный,
Из детских рано вырвался одежд
И сердце бросил в море жизни шумной,
И свет не пощадил — и бог не спас!
Но до конца среди волнений трудных,
В толпе людской и средь пустынь безлюдных
В нем тихий пламень чувства не угас:
Он сохранил и блеск лазурных глаз,
И звонкий детский смех, и речь живую,
И веру гордую в людей и жизнь иную.

3

Но он погиб далеко от друзей...
Мир сердцу твоему, мой милый Саша!
Покрытое землей чужих полей,
Пусть тихо спит оно, как дружба наша
В немом кладбище памяти моей.
Ты умер, как и многие, — без шума,
Но с твердостью. Таинственная дума
Еще блуждала на челе твоём,
Когда глаза закрылись вечным сном;
И то, что ты сказал перед кончиной,
Из слушавших тебя не понял ни единый...

4

И было ль то привет стране родной,
Название ли оставленного друга,
Или тоска по жизни молодой,
Иль просто крик последнего недуга, —
Кто скажет нам! Твоих последних слов
Глубокое и горькое значенье
Потеряно... Дела твои, и мненья,
И думы — всё исчезло без следов,
Как легкий пар вечерних облаков:
Едва блеснут, их ветер вновь уносит...
Куда они, зачем? — откуда? — кто их спросит...

А. И. Одоевский.

5

И после их на небе нет следа,
Как от любви ребенка безнадёжной,
Как от мечты, которой никогда
Он не вверял заботам дружбы нежной!..
Что за нужда!.. пускай забудет свет
Столь чуждое ему существованье:
Зачем тебе венцы его вниманья
И терния пустых его клевет?
Ты не служил ему, ты с юных лет
Коварные его отвергнул цепи:
Любил ты моря шум, молчанье синей степи —

И мрачных гор зубчатые хребты...
 И вокруг твоей могилы неизвестной
 Всё, чем при жизни радовался ты,
 Судьба соединила так чудесно.
 Немая степь синее, и венцом
 Серебряным Кавказ ее объемлет;
 Над морем он, нахмурясь, тихо дремлет,
 Как великан склонившись над щитом,
 Рассказам волн кочующих внимая,
 А море Черное шумит, не умолкая.

[Э. К. МУСИНОЙ-ПУШКИНОЙ]

Графиня Эмилия —
 Белее, чем лилия,
 Стройней ее талии
 На свете не встретится.
 И небо Италии
 В глазах ее светится.
 Но сердце Эмилии
 Подобно бастилии.

1840

**
*

1-е Января

Как часто, пестрою толпою окружен,
 Когда передо мной, как будто бы сквозь сон,
 При шуме музыки и пляски,
 При диком шопоте затверженных речей,
 Мелькают образы бездушные людей,
 Приличьем стянутые маски,

Когда касаются холодных рук моих
 С небрежной смелостью красавиц городских
 Давно бестрепетные руки, —
 Наружно погружась в их блеск и суету,
 Ласкаю я в душе старинную мечту,
 Погибших лет святые звуки.

И если как-нибудь на миг удастся мне
Забыться, — памятью к недавней старине
Лечу я вольной, вольной птицей;
И вижу я себя ребенком; и кругом
Родные всё места: высокий барский дом
И сад с разрушенной теплицей;

Зеленой сетью трав подернут спящий пруд,
А за прудом село дымится — и встают
Вдали туманы над полями.
В аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядит вечерний луч, и желтые листья
Шумят под робкими шагами.

И странная тоска теснит уж грудь мою:
Я думаю об ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей создание
С глазами, полными лазурного огня,
С улыбкой розовой, как молодого дня
За рощей первое сиянье.

Так царства дивного всеильный господин —
Я долгие часы просиживал один,
И память их жива поныне
Под бурей тягостных сомнений и страстей,
Как свежий островок безвредно среди морей
Цветет на влажной их пустыне.

Когда ж, опомнившись, обман я узнаю
И шум толпы людской спугнет мечту мою,
На праздник незваную гостью,
О, как мне хочется смутить веселость их
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью!..

И СКУШНО, И ГРУСТНО

И скушно, и грустно, и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды...
Желанья!.. что пользы напрасно и вечно желать?..
А годы проходят — всё лучшие годы!

Любить... но кого же?.. на время — не стоит труда,
А вечно любить невозможно...
В себя ли заглянешь? — там прошлого нет и следа.
И радость, и муки, и всё так ничтожно.

Что страсти? — ведь рано иль поздно их сладкий недуг
Исчезнет при слове рассудка,
И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем
вокруг, —
Такая пустая и глупая штука!

[М. А. ЩЕРБАТОВОЙ]

На светские цепи,
На блеск утомительный бала
Цветущие степи
Украины она променяла,

Но юга родного
На ней сохранилась примета
Среди ледяного,
Среди беспощадного света.

Как ночи Украины
В мерцании звезд незакатных,
Исполнены тайны
Слова ее уст ароматных,

Прозрачны и сини,
Как небо тех стран, ее глазки;
Как ветер пустыни,
И нежат и жгут ее ласки.

И зреющей сливы
Румянец на щечках пушистых,
И солнца отливы
Играют в кудрях золотистых.

М. А. Щербатова.

И следуя строго
Печальной отчизны примеру,

В надежду на бога
Хранит она детскую веру;

Как племя родное,
У чуждых опоры не просит,
И в гордом покое
Насмешку и зло переносит.

От дерзкого взора
В ней страсти не вспыхнут пожаром,
Полюбит не скоро,
Зато не разлюбит уж даром.

КАЗАЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотрит месяц ясный
В колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Песенку спою;
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По камням струится Терек,
Плещет мутный вал;
Злой чечен ползет на берег,
Точит свой кинжал;
Но отец твой старый воин,
Закален в бою:
Спи, малютка, будь спокоен,
Баюшки-баю.

Сам узнаешь, будет время,
Бранное житье;
Смело вденешь ногу в стремя
И возьмешь ружье.
Я седельце боевое
Шелком разошью...
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.

Богатырь ты будешь с виду
И казак душой.
Провожать тебя я выйду —
Ты махнешь рукой...
Сколько горьких слез украдкой
Я в ту ночь пролью!..
Спи, мой ангел, тихо, сладко,
Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,
Безутешно ждать;
Стану целый день молиться,
По ночам гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты в чужом краю...

Спи ж, пока забот не знаешь,
Баюшки-баю.

Дам тебе я на дорогу
Образок святой:
Ты его, моляся богу,
Ставь перед собой;
Да готовясь в бой опасный,
Помни мать свою...
Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.

СОСЕДКА

Не дожидаться мне, видно, свободы,
А тюремные дни будто годы;
И окно высоко над землей,
И у двери стоит часовой!

Умереть бы уж мне в этой клетке,
Кабы не было милой соседки!..
Мы проснулись сегодня с зарей,
Я кивнул ей слегка головой.

Разлучив, нас сдружила неволя,
Познакомила общая доля,
Породнило желанье одно
Да с двойною решеткой окно;

У окна лишь поутру я сяду,
Волю дам ненасытному взгляду.
Вот напротив окошечко: стук!
Занавеска подыметя вдруг.

На меня посмотрела плутовка!
Опустилась на ручку головка,
А с плеча, будто сдул ветерок,
Полосатый скатился платок.

Но бледна ее грудь молодая,
И сидит она долго вздыхая,
Видно, буйную думу тая,
Всё тоскует по воле, как я.

Не грусти, дорогая соседка...
Захоти лишь — отворится клетка,
И, как божии птички, вдвоем
Мы в широкое поле порхнем.

У отца ты ключи мне украдешь,
Сторожей за пирушку усадишь,
А уж с тем, что поставлен к дверям,
Постараюсь я справиться сам.

Избери только ночь потемнее,
Да отцу дай вина похмельнее,
Да повесь, чтобы ведать я мог,
На окно полосатый платок.

ЖУРНАЛИСТ, ЧИТАТЕЛЬ И ПИСАТЕЛЬ

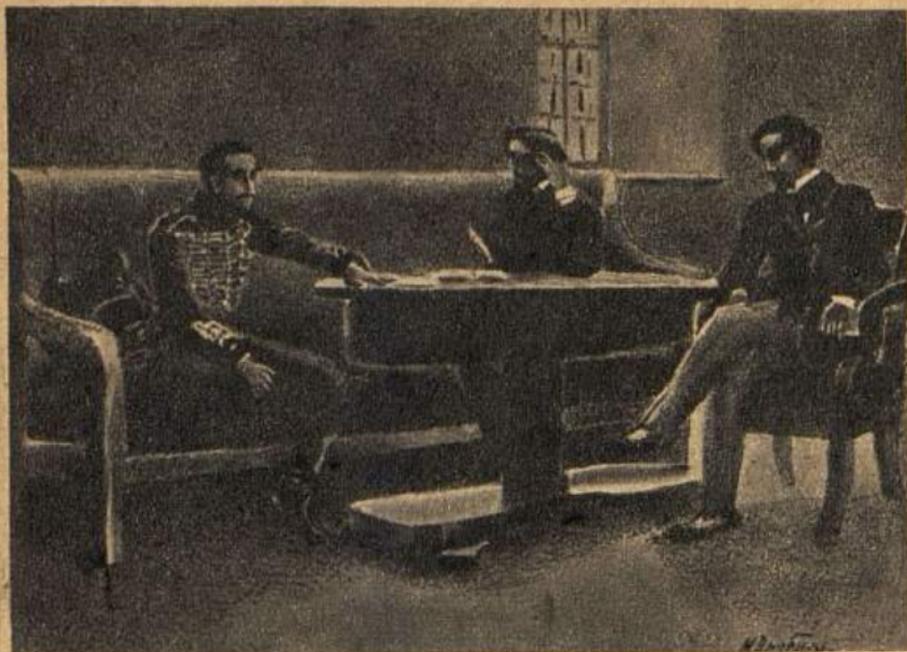
(Комната писателя, опущенные шторы. Он сидит в больших креслах перед камином; читатель с сигарой стоит спиной к камину. Журналист входит.)

Les poètes ressemblent aux ours, qui
se nourrissent en suçant leur patte.
*Inédit*¹.

Журналист

Я очень рад, что вы больны.
В заботах жизни, в шуме света
Теряет скоро ум поэта
Свои божественные сны.
Среди различных впечатлений
На мелочь душу разменяв,
Он гибнет жертвой общих мнений!
Когда ему в пылу забав
Обдумать зрелое творенье?
Зато какая благодать,
Коль небо вздумает послать
Ему изгнание, заточение
Иль даже долгую болезнь:
Тотчас в его уединение
Раздастся сладостная песнь!
Порой влюбляется он страстно
В свою нарядную печаль...

¹ Поэты похожи на медведей, которые кормятся тем, что сосут свою лапу. — *Неизданное.*

Журналист, читатель и писатель. Рисунок М. Врубеля.

...Ну, что вы пишете? нельзя ль
Узнать?

Писатель
Да ничего...

Журналист
Напрасно!

Писатель
О чем писать? Восток и юг
Давно описаны, воспеты;
Толпу ругали все поэты,
Хвалили все семейный круг;
Все в небеса неслись душою,
Взывали, с тайною мольбою,
К N. N., неведомой красе, —
И страшно надоели все.

Читатель
И я скажу — нужна отвага,
Чтобы открыть хоть ваш журнал
(Он мне уж руки обломал).
Во-первых: серая бумага!

Она, быть может, и чиста,
Да как-то страшно без перчаток!..
Читаешь — сотни опечаток!
Стихи — такая пустота;
Слова без смысла, чувства нету,
Натянут каждый оборот;
Притом — сказать ли по секрету? —
И в рифмах часто недочет.
Возьмешь ли прозу? — перевод.
А если вам и попадутся
Рассказы на родимый лад, —
То, верно, над Москвой смеются
Или чиновников бранят.
С кого они портреты лишут?
Где разговоры эти слышат?
А если и случалось им,
Так мы их слышать не хотим!
Когда же на Руси бесплодной,
Расставшись с ложной мишурой,
Мысль обретет язык простой
И страсти голос благородный?

Журналист

Я точно то же говорю;
Как вы открыто негодуя,
На музу русскую смотрю я.
Прочтите критику мою.

Читатель

Читал я. Мелкие нападки
На шрифт, виньетки, опечатки,
Намеки тонкие на то,
Чего не ведает никто.
Хотя б забавно было свету!
В чернилах ваших, господа,
И желчи едкой даже нету,
А просто грязная вода.

Журналист

И с этим надо согласиться.
Но верьте мне, душевно рад
Я был бы вовсе не браниться —
Да как же быть?.. меня бранят?
Войдите в наше положенье!
Читает нас и низший круг;
Нагая резкость выраженья

Не всякий оскорбляет слух;
Приличье, вкус — всё так условно;
А деньги все ведь платят ровно!
Поверьте мне: судьбою несть
Даны нам тяжкие вериги;
Скажите, каково прочесть
Весь этот вздор, все эти книги...
И всё зачем? — чтоб вам сказать,
Что их не надобно читать!..

Ч и т а т е л ь

Зато какое наслажденье,
Как отдыхает ум и грудь,
Коль попадетя как-нибудь
Живое, свежее творенье.
Вот, например, приятель мой:
Владеет он изрядным слогом,
И чувств и мыслей полнотой
Он одарен всевышним богом.

Ж у р н а л и с т

Всё это так. Да вот беда:
Не пишут эти господа.

П и с а т е л ь

О чем писать? Бывает время,
Когда забот спадает бремя,
Дни вдохновенного труда,
Когда и ум и сердце полны,
И рифмы дружные, как волны,
Журча, одна вослед другой
Несутся вольной чередой.
Восходит чудное светило
В душе, проснувшейся едва;
На мысли, дышащие силой,
Как жемчуг, нисходят слова.
Тогда с отвагою свободной
Поэт на будущность глядит,
И мир мечтою благородной
Пред ним очищен и обмыт.
Но эти странные творенья
Читает дома он один,
И ими после без зазренья
Он затопляет свой камин.
Ужель ребяческие чувства,
Воздушный, безотчетный бред

Достойны строгого искусства?
Их осмеет, забудет свет...

Бывают тягостные ночи:
Без сна, горят и плачут очи,
На сердце жадная тоска;
Дрожа, холодная рука
Подушку жаркую объемлет;
Невольный страх власы подьемлет:
Болезненный, безумный крик
Из груди рвется — и язык
Лепечет громко без сознанья
Давно забытые названья;
Давно забытые черты
В сияньи прежней красоты
Рисует память своевольно:
В очах любовь, в устах обман —
И веришь снова им невольно,
И как-то весело и больно
Тревожить язвы старых ран.
Тогда пишу. Диктует совесть,
Пером сердитый водит ум:
То соблазнительная повесть
Сокрытых дел и тайных дум;
Картины хладные разврата,
Преданья глупых юных дней,
Давно без пользы и возврата
Погибших в омуте страстей,
Средь битв незримых, но упорных,
Среди обманщиц и невежд,
Среди сомнений ложно-черных
И ложно-радужных надежд.
Судья безвестный и случайный,
Не дорожа чужою тайной,
Приличьем скрашенный порок
Я смело предаю позору;
Неумолим я и жесток...
Но, право, этих горьких строк
Неприготовленному взору
Я не решуся показать...
Скажите ж мне, ю чем писать?..

К чему толпы неблагодарной
Мне злость и ненависть навлечь?

Чтоб бранью назвали коварной
Мою пророческую речь?
Чтоб тайный яд страницы знойной
Смутил ребенка сон покойной
И сердце слабое увлек
В свой необузданный поток?
О нет! — преступною мечтою
Не ослепляя мысль мою,
Такой тяжелою ценою
Я вашей славы не куплю.

ВОЗДУШНЫЙ КОРАБЛЬ

(Из Цедлица)

По синим волнам океана,
Лишь звезды блеснут в небесах,
Корабль одинокий несется,
Несется на всех парусах.

Не гнутся высокие мачты,
На них флюгера не шумят,
И молча в открытые люки
Чугунные пушки глядят.

Не слышно на нем капитана,
Не видно матросов на нем;
Но скалы, и тайные мели,
И бури ему нипочем.

Есть остров на том океане —
Пустынный и мрачный гранит;
На острове том есть могила,
А в ней император зарыт.

Зарыт он без почестей бранных
Врагами в сыпучий песок,
Лежит на нем камень тяжелый,
Чтоб встать он из гроба не мог.

И в час его грустной кончины,
В полночь, как свершается год,

К высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристает.

Из гроба тогда император,
Очнувшись, является вдруг;
На нем треугольная шляпа
И серый походный сюртук.

Скрестивши могучие руки,
Главу опустивши на грудь,
Идет и к рулю он садится
И быстро пускается в путь.

Несется он к Франции милой,
Где славу оставил и трон;
Оставил наследника-сына
И старую гвардию он.

И только что землю родную
Завидит во мраке ночном,
Опять его сердце трепещет
И очи пылают огнем.

На берег большими шагами
Он смело и прямо идет,
Соратников громко он кличет
И маршалов грозно зовет.

Но спят усачи-гренадеры —
В равнине, где Эльба шумит,
Под снегом холодной России,
Под знойным песком пирамид.

И маршалы зова не слышат:
Иные погибли в бою,
Другие ему изменили
И продали шпагу свою.

И, топнув о землю ногою,
Сердито он взад и вперед
По тихому берегу ходит,
И снова он громко зовет:

Зовет он любезного сына,
Опору в превратной судьбе;

Ему обещает полмира,
А Францию только себе.

Но в цвете надежды и силы
Угас его царственный сын,
И долго, его поджидая,
Стоит император один.

Стоит он и тяжело вздыхает,
Пока озарится восток,
И капают горькие слезы
Из глаз на холодный песок.

Потом на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идет и, махнувши рукою,
В обратный пускается путь.

ОТЧЕГО

Мне грустно, потому что я тебя люблю,
И знаю: молодость цветущую твою
Не пощадит молвы коварное гоненье.
За каждый светлый день иль сладкое мгновенье
Слезами и тоской заплатишь ты судьбе.
Мне грустно... потому что весело тебе.

БЛАГОДАРНОСТЬ

За всё, за всё тебя благодарю я:
За тайные мучения страстей,
За горечь слез, язву поцелуя,
За месть врагов и клевету друзей,
За жар души, растраченный в пустыне,
За всё, чем я обманут в жизни был...
Устрой лишь так, чтобы тебя отныне
Недолго я еще благодарил.

Гёте.

ИЗ ГЁТЕ

Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листы...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

ТУЧИ

Тучки небесные, вечные странники!
Стелью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники
С милого севера в сторону южную.

Кто же вас гонит: судьбы ли решение?
Зависть ли тайная? злоба ль открытая?
Или на вас тяготит преступление?
Или друзей клевета ядовитая?

Нет, вам наскучили нивы бесплодные...
Чужды вам страсти и чужды страдания;
Вечно-холодные, вечно-свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгнания.

**
*

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, послушный им народ.

Быть может, за хребтом Кавказа
Укроюсь от твоих царей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

**
*

Я к вам пишу: случайно! право,
Не знаю как и для чего.
Я потерял уж это право.
И что скажу вам? — ничего!
Что помню вас? — но, боже правый,
Вы это знаете давно.
И вам, конечно, всё равно.

И знать вам также нету нужды,
Где я? что я? в какой глуши?
Душою мы друг другу чужды,
Да вряд ли есть родство души.

Страницы прошлого читая,
Их по порядку разбирая
Теперь остынувшим умом,
Разуверяюсь я во всем.
Смешно же сердцем лицемерить
Перед собою столько лет;
Добро б еще морочить свет!
Да и притом что пользы верить
Тому, чего уж больше нет?..
Безумно ждать любви заочной?
В наш век все чувства лишь на срок;
Но я вас помню, — да и точно,
Я вас никак забыть не мог!

Во-первых, потому, что много
И долго, долго вас любил,
Потом страданьем и тревогой
За дни блаженства заплатил;
Потом в раскаяньи бесплодном
Влачил я цепь тяжелых лет;
И размышлением холодным
Убил последний жизни цвет.
С людьми сближаясь осторожно,
Забыл я шум младых проказ,
Любовь, поэзию, — но вас
Забыть мне было невозможно.

И к мысли этой я привык,
Мой крест — несу я без роптанья:
То иль другое наказанье?
Не всё ль одно. Я жизнь постиг;
Судьбе, как турок иль татарин,
За всё я ровно благодарен;
У бога счастья не прошу
И молча зло переносу.
Быть может, небеса востока
Меня с ученьем их пророка
Неволью сблизили. Притом
И жизнь всечасно кочевая,
Труды, заботы ночь и днем,
Всё, размышлению мешая,
Приводит в первобытный вид
Больную душу: сердце спит,
Простора нет воображенью...

И нет работы голове...
Зато лежишь в густой траве
И дремлешь под широкой тенью
Чинар иль виноградных лоз.
Кругом белеются палатки;
Казачьи тощие лошадки
Стоят рядком, повеся нос;
У медных пушек спит прислуга,
Едва дымятся фитили;
Попарно цепь стоит вдали;
Штыки горят под солнцем юга.
Вот разговор о старине
В палатке ближней слышен мне;
Как при Ермолове ходили
В Чечню, в Аварию, к горам;
Как там дрались, как мы их били,
Как доставалось и нам;
И вижу я, неподалеку
У речки, следуя пророку,
Мирной татарин свой намаз
Творит, не подымая глаз;
А вот кружком сидят другие.
Люблю я цвет их желтых лиц,
Подобный цвету наговиц,
Их шапки, рукава худые,
Их темный и лукавый взор
И их гортанный разговор.
Чу — дальний выстрел! прожужжала
Шальная пуля... славный звук...
Вот крик — и снова всё вокруг
Затихло... Но жара уж спала,
Ведут коней на водопой,
Зашевелилася пехота;
Вот проскакал один, другой!
Шум, говор. «Где вторая рота?
Что, вьючить? — что же капитан?
Повозки выдвигайте живо!
Савельич! Ой ли!.. Дай огниво!»
Подъем ударил барабан —
Гудит музыка полковая;
Между колоннами въезжая,
Звенят орудья. Генерал
Вперед со свитой поскакал...
Рассыпались в широком поле,

Как пчелы, с гиком казаки;
Уж показались значки
Там на опушке — два, и боле.
А вот в чалме один мюрид
В черкеске красной ездит важно,
Конь светлосерый весь кипит,
Он машет, кличет — где отважный?
Кто выдет с ним на смертный бой!..
Сейчас, смотрите: в шапке черной
Казак пустился гребенской;
Винтовку выхватил проворно,
Уж близко... выстрел... легкий дым...
Эй вы, станичники, за ним!..
Что? ранен!.. — Ничего! безделка...
И завязалась перестрелка...

Но в этих сшибках удалых
Забавы много, толку мало;
Прохладным вечером, бывало,
Мы любовались на них
Без кровожадного волненья,
Как на трагический балет;
Зато видал я представленья,
Каких у вас на сцене нет...

Раз — это было под Гихами —
Мы проходили темный лес;
Огнем дыща, пылал над нами
Лазурно-яркий свод небес.
Нам был обещан бой жестокий.
Из гор Ичкерии далекой
Уже в Чечню на братний зов
Толпы стекались удалцов.
Над допотопными лесами
Мелькали маяки кругом;
И дым их то вился столпом,
То расстилался облаками;
И оживилися леса;
Скликались дико голоса
Под их зелеными шатрами.
Едва лишь выбрался обоз
В поляну, дело началось;
Чу! в арьергард орудья просят;
Вот ружья из кустов [вы]носят,

«Сражение при Валерике». Рисунок М. Лермонтова и Г. Гагарина.

Вот тащат за ноги людей
И кличут громко лекарей;
А вот и слева, из опушки,
Вдруг с гиком кинулись на пушки;
И градом пуль с вершин дерев
Отряд осыпан. Впереди же
Всё тихо... там между кустов
Бежал поток. Подходим ближе.
Пустили несколько гранат;
Еще подвинулись; молчат:
Но вот над бревнами завала
Ружье как будто заблестало;
Потом мелькнуло шапки две;
И вновь всё спряталось в траве.
То было грозное молчанье,
Не долго длилось оно,
Но в этом странном ожиданье
Забилось сердце не одно.
Вдруг залп... Глядим: лежат рядами.
Что нужды? здешние полки

Народ испытанный... «В штыки,
Дружнее!» — раздалось за нами.
Кровь загорелась в груди!
Все офицеры впереди...
Верхом помчался на завалы
Кто не успел спрыгнуть с коня...
«Ура!» — и смолкло. «Вон кинжалы,
В приклады!» — и пошла резня.
И два часа в струях потока
Бой длился. Резались жестоко,
Как звери, молча, с грудью грудь,
Ручей телами запрудили.
Хотел воды я зачерпнуть...
(И зной и битва утомили
Меня), но мутная волна
Была тепла, была красна.

На берегу, под тенью дуба,
Пройдя завалов первый ряд,
Стоял кружок. Один солдат
Был на коленях; мрачно, грубо
Казалось выраженье лиц.
Но слезы капали с ресниц,
Покрытых пылью... На шинели,
Спиною к дереву, лежал
Их капитан. Он умирал;
В груди его едва чернели
Две ранки; кровь его чуть-чуть
Сочилась. Но высоко грудь
И трудно подымалась, взоры
Бродили страшно, юн шептал:
«Спасите, братцы! — Тащат в горы...
Постойте — ранен генерал...
Не слышат...» Долго он стонал,
Но всё слабей и понемногу
Затих и душу отдал богу;
На ружья опершись, кругом
Стояли усачи седые...
И тихо плакали... потом
Его остатки боевые
Накрыли бережно плащом
И понесли. Тоской томимый,
Им вслед смотрел [я], недвижимый.
Меж тем товарищей, друзей

Со вздохом возле называли;
Но не нашел в душе моей
Я сожаленья, ни печали.
Уже затихло всё; тела
Стащили в кучу; кровь текла
Струею дымной по камням,
Ее тяжелым испареньем
Был полон воздух. Генерал
Сидел в тени на барабане
И донесенья принимал.
Окрестный лес, как бы в тумане,
Синел в дыму пороховом.
А там вдали грядой нестройной,
Но вечно гордой и спокойной,
Тянулись горы — и Казбек
Сверкал главой остроконечной.
И с грустью тайной и сердечной
Я думал: жалкий человек.
Чего он хочет!.. Небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем?
Галуб прервал мое мечтанье,
Ударив по плечу; он был
Кунак мой; я его спросил,
Как месту этому названье?
Он отвечал мне: «Валерик,
А перевесь на ваш язык,
Так будет речка смерти: верно,
Дано старинными людьми». —
«А сколько их дралось примерно
Сегодня?» — «Тысяч до семи». —
«А много горцы потеряли?» —
«Как знать?» — «Зачем вы не считали!» —
«Да! будет, — кто-то тут сказал, —
Им в память этот день кровавый!»
Чеченец посмотрел лукаво
И головою покачал.

Но я боюсь вам наскучить,
В забавах света вам смешны
Тревоги дикие войны;
Свой ум вы не привыкли мучить
Тяжелой думой о конце;

На вашем молодом лице
Следов заботы и печали
Не отыскать, и вы едва ли
Вблизи когда-нибудь видали,
Как умирают. Дай вам бог
И не видать: иных тревог
Довольно есть. В самозабвеньи
Не лучше ль кончить жизни путь?
И беспробудным сном заснуть
С мечтой о близком пробужденьи?

Теперь прощайте: если вас
Мой безыскусственный рассказ
Развеселит, займет хоть малость,
Я буду счастлив. А не так? —
Простите мне его как шалость
И тихо молвите: чудак!..

1841

РОДИНА

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.

Но я люблю — за что, не знаю сам! —
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям...
Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень;

Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.

С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

[В АЛЬБОМ С. Н. КАРАМЗИНОЙ]

Любил и я в былые годы,
В невинности души моей,
И бури шумные природы,
И бури тайные страстей.

Но красоты их безобразной
Я скоро таинство постиг,

С. Н. Карамзина.

И мне наскучил их несвязный
И оглушающий язык.

Люблю я больше год от году,
Желаньям мирным дав простор,
Поутру ясную погоду,
Под вечер тихий разговор,

Люблю я парадоксы ваши
И ха-ха-ха, и хи-хи-хи,
С[мирновой] штучку, фарсу Саши
И Ишки М[ятлева] стихи...

**
*

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна
И дремлет качаясь, и снегом сыпучим
Одета, как ризой, она.

И снится ей всё, что в пустыне далекой,
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горячем
Прекрасная пальма растёт.

УТЕС

Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана;
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;

Но остался влажный след в морщине
Старого утеса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко,
И тихонько плачет он в пустыне.

СПОР

Как-то раз перед толпою
Соплеменных гор
У Казбека с Шат-горою¹
Был великий спор.
«Берегись! — сказал Казбеку
Седовласый Шат: —
Покорился человеку
Ты недаром, брат!
Он настроит дымных келий
По уступам гор;
В глубине твоих ущелий
Загремит топор.
И железная лопата
В каменную грудь,
Добывая медь и золото,
Врежет страшный путь!
Уж проходят караваны
Через те скалы,
Где носились лишь туманы
Да цари-орлы.
Люди хитры! Хоть и труден
Первый был скачок,
Берегись! многолюден
И могуч Восток!» —
«Не боюсь я Востока, —
Отвечал Казбек, —
Род людской там спит глубоко
Уж девятый век.
Посмотри: в тени чинары
Пену сладких вин
На узорные шальвары
Сонный льет грузин;
И, склонясь в дыму кальяна
На цветной диван,
У жемчужного фонтана
Дремлет Тегеран.
Вот у ног Ерусалима,
Богом сожжена,
Безглагольна, недвижима
Мертвая страна;

¹ Шат — Елбрус. — Примеч. Лермонтова.

Дальше, вечно чуждый тени,
Моет желтый Нил
Раскаленные ступени
Царственных могил;
Бедуин забыл наезды
Для цветных шатров
И поет, считая звезды,
Про дела отцов.
Всё, что здесь доступно оку,
Спит, покой ценя...
Нет, не дряхлому Востоку
Покорить меня!» —

«Не хвались еще заране! —
Молвил старый Шат. —
Вот на Севере в тумане
Что-то видно, брат!»

Тайно был Казбек огромный
Вестью той смущен,
И, смутясь, на север темный
Взоры кинул он.
И туда в недоуменье
Смотрит, полный дум;
Видит странное движенье,
Слышит звон и шум.
От Урала до Дуная,
До большой реки,
Колыхаясь и сверкая,
Двигутся полки.
Веют белые султаны,
Как степной ковыль,
Мчатся пестрые уланы,
Подымая пыль.
Боевые батальоны
Тесно в ряд идут;
Впереди несут знамены,
В барабаны бьют.
Батареи медным строем
Скачут и гремят,
И, дымясь, как перед боем,
Фитили горят.
И испытанный трудами
Бури боевой,

Казбек. Рисунок Г. Гагарина.

Их ведет, грозя очами,
Генерал седой.
Идут все полки могучи,
Шумны, как поток,
Страшно медленны, как тучи,
Прямо на восток.

И томим зловещей думой,
Полный черных снов,
Стал считать Казбек угрюмый —
И не счел врагов...
Грустным взором он окинул
Племя гор своих,
Шапку¹ на брови надвинул
И навек затих.

¹ Горцы называют шапкою облака, постоянно лежащие на вершине Казбека. — *Примеч. Лермонтова.*

СВИДАНИЕ

1

Уж за горой дремучею
Погас вечерний луч,
Едва струей гремучею
Сверкает жаркий ключ;
Сады благоуханием
Наполнились живым,
Тифлис объят молчанием,
В ущельи мгла и дым.
Летают сны-мучители
Над грешными людьми,
И ангелы-хранители
Беседуют с детьми.

2

Там, за твердыней старую
На сумрачной горе,
Под свежею чинарою
Лежу я на ковре.
Лежу один и думаю:
Ужели не во сне
Свиданье в ночь угрюмую
Назначила ты мне?
И в этот час таинственный,
Но сладкий для любви,
Тебя, мой друг единственный,
Зовут мечты мои.

3

Внизу огни дозорные
Лишь на мосту горят,
И колокольни черные
Как сторожи стоят;
И поступью несмелою
Из бань со всех сторон
Выходят цепью белою
Четы грузинских жен;
Вот улицей пустынною
Бредут, едва скользя...
Но под чадрую длинною
Тебя узнать нельзя!..

Твой домик с крышей гладкою
 Мне виден вдалеке;
 Крыльцо с ступенью шаткою
 Купается в реке;
 Среди прохлады, веющей
 Над синею Курой,
 Он сетью зеленеющей
 Опутан плющевой;
 За тополью высокою
 Я вижу там окно...
 Но свечкой одинокою
 Не светится оно!

Я жду. В недоумении
 Напрасно бродит взор:
 Кинжалом в нетерпении
 Изрезал я ковер;
 Я жду с тоской бесплодною,
 Мне грустно, тяжело...
 Вот сыростью холодною
 С востока понесло.
 Краснеют за туманами
 Седых вершин зубцы;
 Выходят с караванами
 Из города купцы...

Прочь, прочь, слеза позорная,
 Кипи, душа моя!
 Твоя измена черная
 Понятна мне, змея!
 Я знаю, чем утешенный
 По звонкой мостовой
 Вчера скакал, как бешеный,
 Татарин молодой.
 Недаром он красуется
 Перед твоим окном,
 И твой отец любит
 Персидским жеребцом.

«Дарьяльское ущелье». С автолитографии М. Лермонтова.

7

Возьму винтовку длинную,
Пойду я из ворот:
Там под скалой пустынною
Есть узкий поворот.
До полдня за могильною
Часовней подожду
И на дорогу пыльную
Винтовку наведу.
Напрасно грудь колышется!
Я лег между камней;
Чу! близкий топот слышится...
А! это ты, злодей!

С О Н

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана;
По капле кровь точилась моя.

Лежал один я на песке долины;
Уступы скал теснились кругом,
И солнце жгло их мертвые вершины
И жгло меня, — но спал я мертвым сном.

И снился мне сияющий огнями
Вечерний пир в родимой стороне.
Меж юных жен, увенчанных цветами,
Шел разговор веселый обо мне.

Но в разговор веселый не вступая,
Сидела там задумчиво одна,
И в грустный сон душа ее младая
Бог знает чем была погружена;

И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый труп лежал в долине той;
В его груди, дымясь, чернела рана,
И кровь лилась хладеющей струей.

*

Дубовый листок оторвался от ветки родимой
И в степь укатился, жестокою бурей гонимый;
Засох и увял он от холода, зноя и горя;
И вот наконец докатился до Черного моря.

У Черного моря чинара стоит молодая;
С ней шепчется ветер, зеленые ветви лаская;
На ветвях зеленых качаются райские птицы;
Поют они песни про славу морской царь-девицы.

И странник прижался у корня чинары высокой;
Приюта на время он молит с тоскою глубокой,
И так говорит он: «Я бедный листочек дубовый,
До срока созрел я и вырос в отчизне суровой.

Один и без цели по свету ношуся давно я,
Засох я без тени, увял я без сна и покоя.
Прими же пришельца меж листьев своих
изумрудных,
Немало я знаю рассказов мудреных и чудных». —

«На что мне тебя? — отвечает молодая чинара. —
Ты пылен и желт, — и сынам моим свежим не пара.
Ты много видал — да к чему мне твои небылицы?
Мой слух утомили давно уж и райские птицы.

Иди себе дальше; о странник! тебя я не знаю!
Я солнцем любима; цвету для него и блистаю;
По небу я ветви раскинула здесь на просторе;
И корни мои умывает холодное море».

**
*

1

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.

2

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сияньи голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чем?

3

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!

4

Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб дыша вздымалась тихо грудь;

5

Чтоб всю ночь, весь день, мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Темный дуб склонялся и шумел.

МОРСКАЯ ЦАРЕВНА

В море царевич купает коня;
Слышит: «Царевич! взгляни на меня!»

Фыркает конь и ушами прыдет,
Брызжет, и плещет, и дале плывет.

Слышит царевич: «Я царская дочь!
Хочешь провести ты с царвеною ночь?»

Вот показалась рука из воды,
Ловит за кисти шелковой узды.

Вышла младая потом голова;
В косу вплелася морская трава.

Синие очи любовью горят;
Брызги на шее, как жемчуг, дрожат.

Мыслит царевич: «Добро же! постой!»
За косу ловко схватил он рукой.

Держит, рука боевая сильна:
Плачет, и молит, и бьется она.

К берегу витязь отважно плывет;
Выплыл; товарищей громко зовет:

«Эй вы! сходитесь, лихие друзья!
Гляньте, как бьется добыча моя...

Что ж вы стоите смущенной толпой?
Али красы не видали такой?»

Вот оглянулся царевич назад:
Ахнул! померк торжествующий взгляд.

Видит, лежит на песке золотом
Чудо морское с зеленым хвостом;

Хвост чешуею змемной покрыт,
Весь замирая, свиваясь дрожит:

Пена струями сбегает с чела,
Очи одела смертельная мгла.

Бледные руки хватают песок;
Шепчут уста непонятный упрек...

Едет царевич задумчиво прочь.
Будет он помнить про царскую дочь!

ПРОРОК

С тех пор как вечный судия
Мне дал всеведенье пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока.

Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено каменья.

Посыпал пеплом я главу,
Из городов бежал я нищий,
И вот в пустыне я живу,
Как птицы, даром божьей пищи;

Завет предвечного храня,
Мне тварь покорна там земная;
И звезды слушают меня,
Лучами радостно играя.

Когда же через шумный град
Я пробираюсь торопливо,
То старцы детям говорят
С улыбкою самолюбивой:

«Смотрите: вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами:
Глупец, хотел уверить нас,
Что бог гласит его устами!

Смотрите ж, дети, на него:
Как он угрюм, и худ, и бледен!
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!»

ПЕСНЯ ПРО ЦАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА, МОЛОДОГО ОПРИЧНИКА И УДАЛОГО КУПЦА КАЛАШНИКОВА

Ох ты гой еси, царь Иван Васильевич!
 Про тебя нашу песню сложили мы,
 Про твою любимого опричника
 Да про смелого купца, про Калашникова;
 Мы сложили ее на старинный лад,
 Мы певали ее под гуслирный звон
 И причитывали да присказывали.
 Православный народ ею тешился,
 А боярин Матвей Ромодановский
 Нам чарку поднес мёду пенного,
 А боярыня его белолица
 Поднесла нам на блюде серебряном
 Полотенцо новое, шелком шитое.
 Угощали нас три дни, три ночи,
 И всё слушали — не наслушались.

I

Не сияет на небе солнце красное,
 Не любятся им тучки синие:
 То за трапезой сидит во златом венце,
 Сидит грозный царь Иван Васильевич.
 Позади его стоят стольники,
 Супротив его всё бояре да князья,
 По бокам его всё опричники;
 И пирует царь во славу божию,
 В удовольствие свое и веселие.

Улыбаясь царь повелел тогда
Вина сладкого заморского
Нацедить в свой золоченый ковш
И поднести его опричникам. —
И все пили; царя славили.

Лишь один из них, из опричников,
Удалой боец, буйный молодец,
В золотом ковше не мочил усов;
Опустил он в землю очи темные,
Опустил головушку на широку грудь —
А в груди его была дума крепкая.

Вот нахмурил царь брови черные
И навел на него очи зоркие,
Словно ястреб взглянул с высоты небес
На молодого голубя сизокрылого, —
Да не поднял глаз молодой боец. —
Вот об землю царь стукнул палкою,
И дубовый пол на полчетверти
Он железным пробил оконечником, —
Да не вздрогнул и тут молодой боец. —
Вот промолвил царь слово грозное, —
И очнулся тогда добрый молодец.

«Гей ты, верный наш слуга, Кирибеевич,
Аль ты думу затаил нечестивую?
Али славе нашей завидуешь?
Али служба тебе честная прискучила?
Когда всходит месяц — звезды радуются,
Что светлей им гулять по поднебесью;
А которая в тучку прячется,
Та стремглав на землю падает...
Неприлично же тебе, Кирибеевич,
Царской радостью гнушались; —
А из роду ты ведь Скуратовых,
И семьею ты вскормлен Малютиной!..»

Отвечает так Кирибеевич,
Царю грозному в пояс кланяясь:

«Государь ты наш, Иван Васильевич!
Не кори ты раба недостойного:
Сердца жаркого не залить вином,

Думу черную — не запотчевать!
А прогневал я тебя — воля царская:
Прикажи казнить, рубить голову;
Тяготит она плечи богатырские
И сама к сырой земле она клонится».

И сказал ему царь Иван Васильевич:
«Да об чем бы тебе, молодцу, кручиниться?
Не истерся ли твой парчевой кафтан?
Не измялась ли шапка соболиная?
Не казна ли у тебя поистратилась?
Иль зазубрилась сабля закаленная?
Или конь захромал худо кованый?
Или с ног тебя сбил на кулачном бою,
На Москве-реке, сын купеческий?»

Отвечает так Кирибеевич,
Покачав головою кудрявою:

«Не родилась та рука заколдованная
Ни в боярском роду, ни в купеческом;
Аргамак мой степной ходит весело;
Как стекло горит сабля вострая;
А на праздничный день твоей милостью
Мы не хуже другого нарядимся.
Как я сяду поеду на лихом коне
За Москву-реку покатаются,
Кушачком подтянусь шелковым,
Заломлю на бочок шапку бархатную,
Черным соболем отороченную, —
У ворот стоят у тесовых
Красны девушки да молодушки
И любятся глядя, перешептываясь;
Лишь одна не глядит, не любится,
Полосатой фатой закрывается...

На святой Руси, нашей матушке,
Не найти, не сыскать такой красавицы:
Ходит плавно — будто лебедушка,
Смотрит сладко — как голубушка,
Молвит слово — соловей поет,
Горят щеки ее румяные,
Как заря на небе божим;
Косы русые, золотистые,

В ленты яркие заплетенные,
По плечам бегут, извиваются,
С грудью белою целуются.
Во семье родилась она купеческой, —
Прозывается Аленой Дмитревной.

Как увижу ее, я и сам не свой:
Опускаются руки сильные,
Помрачаются очи бойкие;
Скучно, грустно мне, православный царь,
Одному по свету маяться.
Опостыли мне кони легкие,
Опостыли наряды парчевые,
И не надо мне золотой казны:
С кем казною своей поделюсь теперь?
Перед кем покажу удалство свое?
Перед кем я нарядом похвастаюсь?

Отпусти меня в степи Приволжские,
На житье на вольное, на казацкое.
Уж сложу я там буйную головушку
И сложу на копье бусурманское;
И разделют по себе злы татаровья
Коня доброго, саблю острую
И седельце браное черкасское.
Мои очи слезные коршун выклюет,
Мои кости сирые дождик вымоет,
И без похорон горемычный прах
На четыре стороны развеется!..»

И сказал смеясь Иван Васильевич:
«Ну, мой верный слуга! я твоей беде,
Твоему горю пособить постараюсь.
Вот возьми перстенок ты мой яхонтовый
Да возьми ожерелье жемчужное.
Прежде свахе смышленной поклоняйся
И пошли дары драгоценные
Ты своей Алене Дмитревне:
Как полюбишься — праздную свадьбу,
Не полюбишься — не прогневайся».

Ох ты гой еси, царь Иван Васильевич!
Обманул тебя твой лукавый раб,
Не сказал тебе правды истинной,

Не поведал тебе, что красавица
В церкви божией перевенчана,
Первенчана с молодым купцом
По закону нашему христианскому...

* * *

Ай, ребята, пойте — только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте — дело разумеите!
Уж потешьте вы доброго боярина
И боярыню его белолицую!

II

За прилавкою сидит молодой купец,
Статный молодец Степан Парамонович,
По прозванию Калашников;
Шелковые товары раскладывает,
Речью ласковой гостей он заманивает,
Злато, серебро пересчитывает.
Да недобрый день задался ему:
Ходят мимо баре богатые,
В его лавочку не заглядывают.

Отзвонили вечерню во святых церквах;
За Кремлем горит заря туманная;
Набегают тучки на небо,
Гонит их метелица распеваючи;
Опустел широкий гостиный двор.
Запирает Степан Парамонович
Свою лавочку дверью дубовою
Да замком немецким со пружиною;
Злого пса-ворчуна зубастого
На железную цепь привязывает,
И пошел он домой призадумавшись
К молодой хозяйке за Москву-реку.
И приходит он в свой высокий дом,
И дивится Степан Парамонович:
Не встречает его молода жена,
Не накрыт дубовый стол белой скатертью,
А свеча перед образом еле теплится.
И кличет он старую работницу:
«Ты скажи, скажи, Еремеевна,
А куда девалась, затаилась
В такой поздний час Алена Дмитревна?»

А что детки мои любезные —
Чай, забегались, заигрались,
Спозаранку спать уложились?» —

«Господин ты мой Степан Парамонович,
Я скажу тебе диво дивное:
Что к вечерни пошла Алена Дмитриевна;
Вот уж поп прошел домой с молодой попадъей,
Засветили свечу, сели ужинать, —
А по сю пору твоя хозяйюшка
Из приходской церкви не вернулася.
А что детки твои малые
Почивать не легли, не играть пошли —
Плачем плачут, всё не унимаются».

И смутился тогда думой крепкою
Молодой купец Калашников;
И он стал к окну, глядит на улицу —
А на улице ночь темнѣхонька;
Валит белый снег, расстилается,
Заметает след человеческий.

Вот он слышит, в сенях дверью хлопнули,
Потом слышит шаги торопливые;
Обернулся, глядит — сила крестная!
Перед ним стоит молода жена,
Сама бледная, простоволосая,
Косы русые расплетенные
Снегом-инеем пересыпаны;
Смотрют очи мутные, как безумные;
Уста шепчут речи непонятные.

«Уж ты где, жена, жена, шаталася?
На каком подворье, на площади,
Что растрепаны твои волосы,
Что одѣжа твоя вся изорвана?
Уж гуляла ты, пиновала ты,
Чай, с сынками всё боярскими!..
Не на то пред святыми иконами
Мы с тобою, жена, обручались,
Золотыми кольцами менялися...
Как запрю я тебя за железный замок,
За дубовую дверь окованную,
Чтоб свету божьего ты не видела,

Мое имя честное не порочила...»
И услышав то, Алена Дмитриевна
Здрожала вся, моя голубушка,
Затряслась как листочек осиновый,
Горько-горько она восплакалась,
В ноги мужу повалилася.

«Государь ты мой, красно солнышко,
Иль убей меня, или выслушай!
Твои речи — будто острый нож;
От них сердце разрывается.
Не боюсь смерти лютыя,
Не боюсь я людской молвы,
А боюсь твоей немилости.

От вечерни домой шла я нониче
Вдоль по улице юдинёшенька.
И слышалось мне, будто снег хрустит;
Оглянулася — человек бежит.
Мои ноженьки подкосилися,
Шелковой фатой я закрылася.
И он сильно схватил меня за руки,
И сказал мне так тихим шопотом:
«Что пужаешься, красная красавица?
Я не вор какой, душегуб лесной,
Я слуга царя, царя грозного,
Прозываюся Кирибеевичем,
А из славной семьи из Малютиной...»
Испугалась я пуще прежнего;
Закружилась моя бедная головушка.
И он стал меня целовать-ласкать,
И цалуя, всё приговаривал:
«Отвечай мне, чего тебе надобно,
Моя милая, драгоценная!
Хочешь золота али жемчугу?
Хочешь ярких камней аль цветной парчи?
Как царицу я наряжу тебя,
Станут все тебе завидовать,
Лишь не дай мне умереть смертью грешною:
Полюби меня, обними меня
Хоть единый раз на прощание!»

И ласкал он меня, целовал меня;
На щеках моих и теперь горят,

Рисунок В. Васнецова.

Живым пламенем разливаются
Поцалуи его окаянные...
А смотрели в калитку соседушки,
Смеючись, на нас пальцем показывали...

Как из рук его я рванулася
И домой стремглав бежать бросилась;
И остались в руках у разбойника

Мой узорный платок, твой подарочек,
И фата моя бухарская.
Опозорил он, осрамил меня,
Меня, честную, непорочную, —
И что скажут злые соседушки,
И кому на глаза покажусь теперь?

Ты не дай меня, свою верную жену,
Злым охульникам в поругание!
На кого, кроме тебя, мне надеяться?
У кого просить стану помощи?
На белом свете я сиротинушка;
Родной бабушка уж в сырой земле,
Рядом с ним лежит моя матушка;
А мой старший брат, сам ты ведаешь,
На чужой сторонушке пропал без вести,
А меньшей мой брат — дитя малое,
Дитя малое, неразумное...»

Говорила так Алена Дмитриевна,
Горючми слезами заливалась.

Посылает Степан Парамонович
За двумя меньшими братьями;
И пришли его два брата, поклонилися,
И такое слово ему молвили:
«Ты поведай нам, старшой наш брат,
Что с тобой случилось, приключилося,
Что послал ты за нами во темную ночь,
Во темную ночь, морозную?» —
«Я скажу вам, братцы любезные,
Что лиха беда со мною приключилася:
Опозорил семью нашу честную
Злой опричник царский Кирибеевич;
А такой обиды не стерпеть душе
Да не вынести сердцу молодецкому;
Уж как завтра будет кулачный бой
На Москве-реке при самом царе,
И я выду тогда на опричника,
Буду на смерть биться, до последних сил;
А побьет он меня — выходите вы
За святую правду-матушку.
Не сробейте, братцы любезные!
Вы моложе меня, свежей силою,

На вас меньше грехов накопилось,
Так авось господь вас помилует!»

И в ответ ему братья молвили:
«Куда ветер дует в поднёбесьи,
Туда мчатся и тучки послушные;
Когда сизой юрел зовет голосом
На кровавую долину побоища,
Зовет пир пировать, мертвецов убирать,
К нему малые орлята слетаются.
Ты наш старший брат, нам второй отец:
Делай сам, как знаешь, как ведаешь,
А уж мы тебя, родного, не выдадим».

* * *

Ай, ребята, пойте — только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте — дело разумеите!
Уж потешьте вы доброго боярина
И боярыню его белолицую!

III

Над Москвой великой, златоглавою,
Над стеной кремлевской белокаменной
Из-за дальних лесов, из-за синих гор,
По тесовым кровелькам играючи,
Тучки серые разгоняючи,
Заря алая подымается;
Разметала кудри золотистые,
Умывается снегами рассыпчатыми;
Как красавица, глядя в зеркальцо,
В небо чистое смотрит, улыбается.
Уж зачем ты, алая заря, просыпалася?
На какой ты радости разыгралася?

Как сходились, собирались
Удалые бойцы московские
На Москву-реку, на кулачный бой,
Разгуляться для праздника, потешиться.
И приехал царь со дружиною,
Со боярами и опричниками,
И велел растянуть цепь серебряную,
Чистым золотом в кольцах спаянную.
Оцепили место в 25 сажень,
Для охотничьего бою, одиночного.

И велел тогда царь Иван Васильевич
Клич кликать звонким голосом:
«Ой, уж где вы, добрые молодцы?
Вы потешьте царя нашего батюшку,
Выходите-ка во широкий круг;
Кто побьет кого, того царь наградит;
А кто будет побит, того бог простит!»

И выходит удалой Кирибеевич,
Царю в пояс молча кланяется,
Скидает с могучих плеч шубу бархатную;
Подпершись в бок рукою правую,
Поправляет другой шапку алую,
Ожидает он себе противника...
Трижды громкой клич прокликали —
Ни один боец и не тронулся,
Лишь стоят да друг друга поталкивают.
На просторе опричник похаживает,
Над плохими бойцами подсмеивает:
«Присмирели, небось, призадумались!
Так и быть, обещаюсь для праздника,
Отпущу живого с покаянием,
Лишь потешу царя нашего батюшку».

Вдруг толпа раздалась в обе стороны —
И выходит Степан Парамонович,
Молодой купец, удалой боец,
По прозванию Калашников.
Поклонился прежде царю грозному,
После белому Кремлю да святым церквам,
А потом всему народу русскому.
Горят очи его соколиные,
На опричника смотрят пристально.
Супротив него он становится,
Боевые рукавицы натягивает,
Могутные плечи распрямливает
Да кудряву голову поглаживает.

И сказал ему Кирибеевич:
«А поведай мне, добрый молодец,
Ты какого роду-племени,
Каким именем прозываешься?
Чтобы знать, по ком панихиду служить,
Чтобы было чем и похвастаться».

Отвечает Степан Парамонович:
«А зовут меня Степаном Калашниковым,
А родился я от честнова отца,
И жил я по закону господнему:
Не позорил я чужой жены,
Не разбойничал ночью темною,
Не таился от свету небесного...
И промолвил ты правду истинную:
Об одном из нас будут панихиду петь,
И не позже, как завтра в час полуденный;
И один из нас будет хвастаться,
С удалыми друзьями пируючи;
Не шутку шутить, не людей смешить
К тебе вышел я теперь, бусурманский сын, —
Вышел я на страшный бой, на последний бой!»

И услышав то, Кирибеевич
Побледнел в лице как осенний снег;
Бойки очи его затуманились,
Между сильных плеч пробежал мороз,
На раскрытых устах слово замерло...

Вот молча юба расходятся, —
Богатырский бой начинается.

Размахнулся тогда Кирибеевич
И ударил впервой купца Калашникова,
И ударил его посередь груди —
Затрещала грудь молодецкая,
Пошатнулся Степан Парамонович;
На груди его широкой висел медный крест
Со святыми мощами из Киева, —
И погнулся крест и вдавился в грудь;
Как роса из-под него кровь закапала; —
И подумал Степан Парамонович:
«Чему быть суждено, то и сбудется;
Постою за правду до последнева!»
Изловчился он, приготовился,
Собрался со всею силою
И ударил своего ненавистника
Прямо в левый висок со всего плеча.
И опричник молодой застонал слегка,
Закачался, упал замертво;
Повалился он на холодный снег,

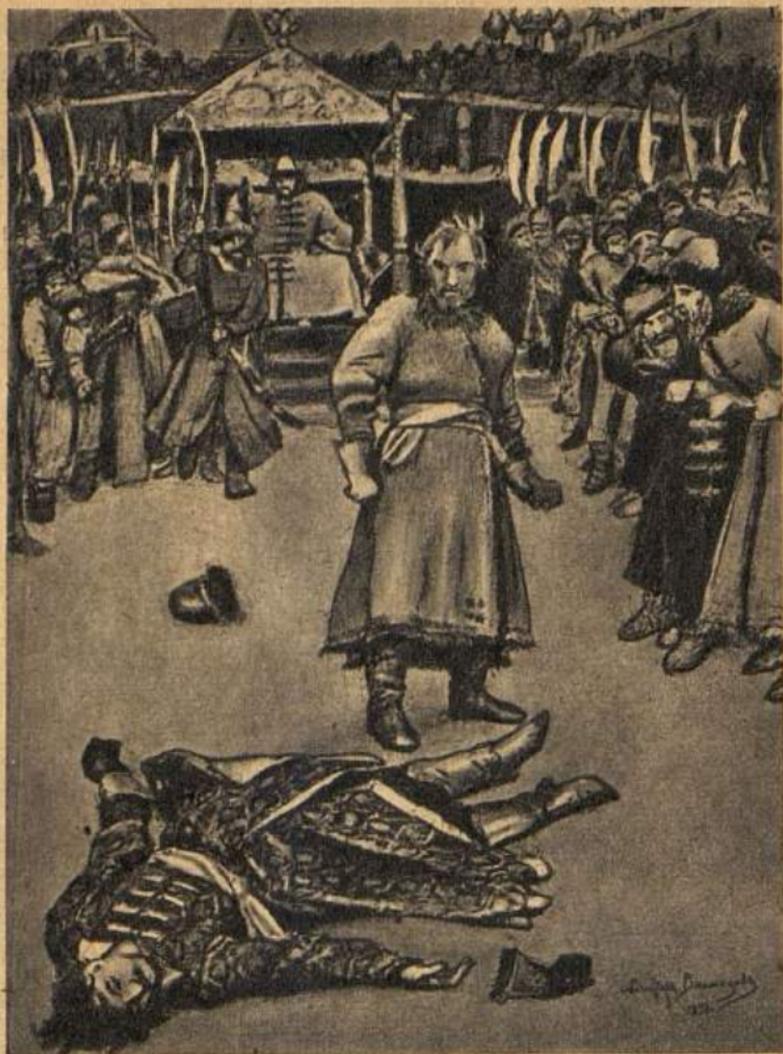

Рисунок В. Васнецова.

На холодный снег, будто сосенка,
Будто сосенка, во сыром бору
Под смолистый под корень подрубленная.
И увидев то, царь Иван Васильевич
Прогневался гневом, топнул о землю
И нахмурил брови черные;
Повелел он схватить удалова купца
И привести его пред лицо свое.

Как возговорил православный царь:
«Отвечай мне по правде, по совести,
Вольной волею или нехотя,
Ты убил на смерть моего верного слугу,
Моего лучшего бойца Кирибеевича?» —

«Я скажу тебе, православный царь:
Я убил его вольной волею,
А за что про что — не скажу тебе,
Скажу только богу единому.
Прикажи меня казнить — и на плаху несть
Мне головушку повинную;
Не оставь лишь малых детушек,
Не оставь молодую вдову
Да двух братьев моих своей милостью...» —

«Хорошо тебе, детинушка,
Удалой боец, сын купеческий,
Что ответ держал ты по совести.
Молодую жену и сирот твоих
Из казны моей я пожалую,
Твоим братьям велю от сего же дня
По всему царству русскому широкому
Торговать безданно, беспошлинно,
А ты сам ступай, детинушка,
На высокое место лобное,
Сложи свою буйную головушку.
Я топор велю наточить-наострить,
Палача велю одеть-нарядить,
В большой колокол прикажу звонить,
Чтобы знали все люди московские,
Что и ты не оставлен моей милостью...»

Как на площади народ собирается,
Заунывный гудит, воет колокол,
Разглашает всюду весть недобрую.
По высокому месту лобному
Во рубахе красной с яркой запонкой,
С большим топором наостренным,
Руки голые потираючи,
Палач весело похаживает,
Удалого бойца дожидается, —
А лихой боец, молодой купец,
Со родными братьями прощается:

«Уж вы, братцы мои, други кровные,
Поцалуетесь да обниметесь
На последнее расставание.
Поклонитесь от меня Алене Дмитриевне,
Закажите ей меньше печалиться,
Про меня моим детушкам не сказывать;
Поклонитесь дому родительскому,
Поклонитесь всем нашим товарищам,
Помолитесь сами в церкви божией
Вы за душу мою, душу грешную!»

И казнили Степана Калашникова
Смертью лотою, позорною;
И головушка бесталанная
Во крови на плаху покатила.

Схоронили его за Москвой-рекой
На чистом поле промеж трех дорог,
Промеж Тульской, Рязанской, Владимирской,
И бугор земли сырой тут насыпали,
И кленовый крест тут поставили.
И гуляют-шумят ветры буйные
Над его безымянной могилкою;
И проходят мимо люди добрые, —
Пройдет стар человек — перекрестится,
Пройдет молодец — приосанится,
Пройдет девица — пригорюнится,
А пройдут гусяры — споют песенку.

* * *

Гей вы, ребята удалые,
Гусяры молодые,
Голоса заливные!
Красно начинали — красно и кончайте,
Каждому правдою и честью воздайте!
Тароватому боярину слава!
И красавице боярыне слава!
И всему народу христианскому
Слава!

БЕГЛЕЦ

ГОРСКАЯ ЛЕГЕНДА

Гарун бежал быстрее лани,
Быстрее, чем заяц от орла;
Бежал он в страхе с поля брани,
Где кровь черкесская текла;
Отец и два родные брата
За честь и вольность там легли;
И под пятой у супостата
Лежат их головы в пыли.
Их кровь течет и просит мщенья,
Гарун забыл свой долг и стыд;
Он растерял в пылу сраженья
Винтовку, шашку и бежит! —

И скрылся день; клубясь туманы
Одели темные поляны
Широкой белой пеленой;
Пахнуло холодом с востока,
И над пустынею пророка
Встал тихо месяц золотой!..

Усталый, жаждою томимый,
С лица стирая кровь и пот,
Гарун меж скал аул родимый
При лунном свете узнает;
Подкрался он, никем незримый...
Кругом молчанье и покой,
С кровавой битвы невредимый
Лишь он один пришел домой;

И к сакле он спешит знакомой,
Там блещет свет, хозяин дома;
Скрепясь душой как только мог,
Гарун ступил через порог;
Селима звал он прежде другом,
Селим пришельца не узнал;
На ложе, мучимый недугом,
Один, — он, молча, — умирал...
«...Велик Аллах! от злой отравы
Он светлым ангелам своим
Велел беречь тебя для славы!» —
«Что нового?» — спросил Селим,

«Кавказский вид». С картины М. Лермонтова.

Подняв слабеющие вежды,
И взор блеснул огнём надежды!..
И он привстал, и кровь бойца
Вновь разыгралась в час конца.
«Два дня мы бились в теснине;
Отец мой пал и братья с ним;
И скрылся я один в пустыне
Как зверь, преследуем, гоним,
С окровавленными ногами
От острых камней и кустов,
Я шел безвестными тропами
По следу вепрей и волков;
Черкесы гибнут — враг повсюду...
Прими меня, мой старый друг;
И вот пророк! твоих услуг
Я до могилы не забуду!..»
И умирающий в ответ:
«Ступай — достоин ты презренья.
Ни крова, ни благословленья
Здесь у меня для труса нет!..»

Стыда и тайной муки полный,
Без гнева вытерпев упрек,
Ступил опять Гарун безмолвный
За неприветливый порог.
И саклю новую минуя,
На миг остановился он,
И прежних дней летучий сон
Вдруг обдал жаром поцелуя
Его холодное чело.
И стало сладко и светло
Его душе; во мраке ночи,
Казалось, пламенные очи
Блеснули ласково пред ним;
И он подумал: «Я любим;
Она лишь мной живет и дышит...»
И хочет он взойти — и слышит,
И слышит песню старины... —
И стал Гарун бледней луны:

«Месяц плывет
И тих и спокоен,
А юноша-воин
На битву идет.
Ружье заряжает джигит,
А дева ему говорит:
«Мой милый, смелее
Вверяйся ты року,
Молися востоку,
Будь верен пророку,
Будь славе вернее.
Своим изменивший
Изменой кровавой,
Врага не сразивши,
Погибнет без славы,
Дожди его ран не обмоют,
И звери костей не заруют».
Месяц плывет
И тих и спокоен,
А юноша-воин
На битву идет».

Главою поникнув, с быстротою
Гарун свой продолжает путь,
И крупная слеза порою

С ресницы падает на грудь...
Но вот от бури наклоненный
Пред ним родной белеет дом;
Надеждой снова ободренный,
Гарун стучится под окном.
Там, верно, теплые молитвы
Восходят к небу за него;
Старуха мать ждет сына с битвы,
Но ждет его не одного!..
«Мать, отвори! я странник бедный,
Я твой Гарун, твой младший сын;
Сквозь пули русские безвредно
Пришел к тебе!» — «Один?» — «Один!..» —
«А где отец и братья?» — «Пали!
Пророк их смерть благословил,
И ангелы их души взяли». —
«Ты отомстил?» — «Не отомстил...
Но я стрелой пустился в горы,
Оставил меч в чужом краю,
Чтобы твои утешить взоры
И утереть слезу твою...» —
«Молчи, молчи! гяур лукавый,
Ты умереть не мог со славой,
Так удались, живи один.
Твоим стыдом, беглец свободы,
Не омрачу я стары годы,
Ты раб и трус — и мне не сын!..»
Умолкло слово отверженья,
И всё кругом объято сном.
Проклятья, стоны и моления
Звучали долго под окном;
И наконец удар кинжала
Пресек несчастного позор...
И мать поутру увидала...
И хладно отвернула взор.
И труп, от праведных изгнанный,
Никто к кладбищу не отнес,
И кровь с его глубокой раны
Лизал рыча домашний пес;
Ребята малые ругались
Над хладным телом мертвеца,
В преданьях вольности остались
Позор и гибель беглеца. —
Душа его от глаз пророка

Со страхом удалилась прочь;
И тень его в горах востока
Поныне бродит в темну ночь,
И под окном поутру рано
Он в сакли просится стуча,
Но внемля громкий стих корана,
Бежит опять под сень тумана,
Как прежде бегал от меча.

МЦЫРИ ¹

Вкушая, вкусих мало меда и се аз
умираю.

1-я Книга Царств.

1

Немного лет тому назад
Там, где сливаясь шумят
Обнявшись, будто две сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Был монастырь. Из-за горы
И нынче видит пешеход
Столбы обрушенных ворот,
И башни, и церковный свод;
Но не курится уж под ним
Кадильниц благовонный дым,
Не слышно пенья в поздний час
Молящих иноков за нас.
Теперь один старик седой,
Развалин страж полуживой,
Людьми и смертью забыт,
Сметает пыль с могильных плит,
Которых надпись говорит
О славе прошлой — и о том,
Как, удручен своим венцом,
Такой-то царь в такой-то год
Вручал России свой народ.

И божья благодать сошла
На Грузию! — она цвела

¹ М ц ы р и — на грузинском языке значит «неслужащий монах», нечто вроде «послушника». — *Примеч. Лермонтова.*

«Аул». Рисунок Г. Гагарина.

С тех пор в тени своих садов,
Не опасаяся врагов
За гранью дружеских штыков.

2

Однажды русский генерал
Из гор к Тифлису проезжал.
Ребенка пленного он вез.
Тот занемог. Не перенес
Трудов далекого пути.
Он был, казалось, лет шести;
Как серна гор пуглив и дик
И слаб и гибок как тростник.
Но в нем мучительный недуг
Развил тогда могучий дух
Его отцов. Без жалоб он
Томился — даже слабый стон
Из детских губ не вылетал,
Он знаком пищу отвергал,
И тихо, гордо умирал.
Из жалости один монах
Больного призрел, и в стенах

Хранительных остался он,
Искусством дружеским спасен.
Но, чужд ребяческих утех,
Сначала бегал он от всех,
Бродил безмолвен, одинок,
Смотрел вздыхая на восток,
Томим неясною тоской
По стороне своей родной.
Но после к плену он привык,
Стал понимать чужой язык,
Был окрещен святым отцом
И, с шумным светом незнаком,
Уже хотел во цвете лет
Изречь монашеский обет.
Как вдруг однажды юн исчез
Осенней ночью. Темный лес
Тянулся по горам кругом.
Три дня все поиски по нем
Напрасны были, но потом
Его в степи без чувств нашли
И вновь в обитель принесли;
Он страшно бледен был и худ
И слаб, как будто долгий труд,
Болезнь иль голод испытал.
Он на допрос не ютвечал,
И с каждым днем приметно вял;
И близок стал его конец.
Тогда пришел к нему чернец
С увещеваньем и мольбой;
И гордо выслушав, больной
Привстал, собрав остаток сил,
И долго так он говорил:

3

«Ты слушать исповедь мою
Сюда пришел, благодарю.
Всё лучше перед кем-нибудь
Словами облегчить мне грудь.
Но людям я не делал зла,
И потому мои дела
Немного пользы вам узнать,
А душу можно ль рассказать?
Я мало жил и жил в плену.
Таких две жизни за одну,

Но только полную тревог,
Я променял бы, если б мог.
Я знал одной лишь думы власть —
Одну — но пламенную страсть:
Она, как червь, во мне жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
От келий душных и молитв
В тот чудный мир тревог и битв,
Где в тучах прячутся скалы,
Где люди вольны как орлы.
Я эту страсть во тьме ночной
Вскормил слезами и тоской,
Ее пред небом и землей
Я ныне громко признаю
И ю прощенья не молю.

4

«Старик! я слышал много раз,
Что ты меня от смерти спас —
Зачем?.. угрюм и одинок,
Грозой оторванный листок,
Я вырос в сумрачных стенах
Душой дитя, судьбой монах.
Я никому не мог сказать
Священных слов: отец и мать.
Конечно, ты хотел, старик,
Чтоб я в обители отвык
От этих сладостных имен.
Напрасно: звук их был рожден
Со мной. Я видел у других
Отчизну, дом, друзей, родных,
А у себя не находил
Не только милых душ — могил!
Тогда, пустых не тратя слез,
В душе я клятву произнес:
Хотя на миг когда-нибудь
Мою пылающую грудь
Прижать с тоской к груди другой,
Хоть незнакомой, но родной.
Увы, теперь мечтанья те
Погибли в полной красоте,
И я, как жил, в земле чужой
Умру рабом и сиротой.

«Меня могила не страшит:
 Там, говорят, страданье спит
 В холодной, вечной тишине,
 Но с жизнью жаль расстаться мне.
 Я молод, молод... Знал ли ты
 Разгульной юности мечты?
 Или не знал, или забыл,
 Как ненавидел и любил;
 Как сердце билось живей
 При виде солнца и полей
 С высокой башни угловой,
 Где воздух свеж и где порой
 В глубокой скважине стены,
 Дитя неведомой страны,
 Прижавшись голубь молодой
 Сидит, испуганный грозой?
 Пускай теперь прекрасный свет
 Тебе постыл; ты слаб, ты сед,
 И от желаний ты отвык.
 Что за нужда? Ты жил, старик!
 Тебе есть в мире что забыть,
 Ты жил — я также мог бы жить!

«Ты хочешь знать, что видел я
 На воле? — Пышные поля.
 Холмы, покрытые венцом
 Дерев, разросшихся кругом,
 Шумящих свежую толпой,
 Как братья в пляске круговой.
 Я видел груды темных скал,
 Когда поток их разделял,
 И думы их я угадал,
 Мне было свыше то дано!
 Простерты в воздухе давно
 Объяты каменные их
 И жаждут встречи каждый миг;
 Но дни бегут, бегут года,
 Им не сойтиться никогда.
 Я видел горные хребты
 Причудливые как мечты,
 Когда в час утренней зари
 Курились как алтари

В горах Дагестана. Рисунок Г. Гагарина.

Их выси в небе голубом,
И облачко за облачком,
Покинув тайный свой ночлег,
К востоку направляло бег;
Как будто белый караван
Залетных птиц из дальних стран!
В дали я видел сквозь туман
В снегах, горящих как алмаз,
Седой незыблемый Кавказ;
И было сердцу моему
Легко, не знаю почему.
Мне тайный голос говорил,
Что некогда и я там жил,
И стало в памяти моей
Прошедшее ясней, ясней.

7

«И вспомнил я отцовский дом,
Ущелье наше и кругом

В тени рассыпанный аул;
Мне слышался вечерний гул
Домой бегущих табунов
И дальний лай знакомых псов.
Я помнил смуглых стариков,
При свете лунных вечеров
Против отцовского крыльца
Сидевших с важностью лица;
И блеск оправленных ножен
Кинжалов длинных... и как сон
Всё это смутной чередой
Вдруг пробежало предо мной.
А мой отец! он как живой
В своей одежде боевой
Являлся мне, и помнил я
Кольчуги звон, и блеск ружья,
И гордый непреклонный взор —
И молодых моих сестер:
Лучи их сладостных очей
И звук их песен и речей
Над колыбелию моей...
В ущельи там бежал поток,
Он шумен был, но неглубок;
К нему, на золотой песок,
Играть я в полдень уходил
И взором ласточек следил,
Когда они, перед дождем,
Волны касались крылом.
И вспомнил я наш мирный дом
И пред вечерним очагом
Рассказы долгие о том,
Как жили люди прежних дней,
Когда был мир еще пышней.

8

«Ты хочешь знать, что делал я
На воле? Жил, и жизнь моя
Без этих трех блаженных дней.
Была б печальней и мрачней
Бессильной старости твоей.
Давным-давно задумал я
Взглянуть на дальные поля,
Узнать, прекрасна ли земля,
Узнать, для воли иль тюрьмы

На этот свет родимся мы.
И в час ночной, ужасный час,
Когда гроза пугала вас,
Когда столпясь, при алтаре,
Вы ниц лежали на земле,
Я убежал. О, я как брат
Обняться с бурей был бы рад.
Глазами тучи я следил,
Рукою молнию ловил.
Скажи мне, что среди этих стен
Могли бы дать вы мне взамен
Той дружбы краткой, но живой
Меж бурным сердцем и грозой?

9

«Бежал я долго, где, куда?
Не знаю! ни одна звезда
Не озаряла трудный путь.
Мне было весело вдохнуть
В мою измученную грудь
Ночную свежесть тех лесов
И только! Много я часов
Бежал и наконец, устав,
Прилег между высоких трав;
Прислушался: погони нет.
Гроза утихла. Бледный свет
Тянулся длинной полосой
Меж темным небом и землей,
И различал я, как узор,
На ней зубцы далёких гор;
Недвижим, молча я лежал.
Порой в ущелии шакал
Кричал и плакал как дитя,
И гладкой чешуей блестя,
Змея скользила меж камней,
Но страх не сжал души моей, —
Я сам, как зверь, был чужд людей
И полз и прятался как змей.

10

«Внизу глубоко подо мной
Поток, усиленный грозой,
Шумел, и шум его глухой

Сердитых сотне голосов
Подобился. Хотя без слов,
Мне внятен был тот разговор,
Немолчный ропот, вечный спор
С упрямой грудой камней;
То вдруг стихал он, то сильней
Он раздавался в тишине;
И вот, в туманной вышине
Запели птички, и восток
Озолотился; ветерок
Сырые шевельнул листы:
Дохнули сонные цветы,
И, как они, навстречу дню,
Я поднял голову мою...
Я осмотрелся; не таю,
Мне стало страшно: на краю
Грозящей бездны я лежал,
Где выл, крутясь, сердитый вал;
Туда вели ступени скал,
Но лишь злой дух по ним шагал,
Когда, низверженный с небес,
В подземной пропасти исчез.

II

«Кругом меня цвел божий сад.
Растений радужный наряд
Хранил следы небесных слез,
И кудри виноградных лоз
Вились, красуясь меж дерев
Прозрачной зеленью листов;
И грозды полные на них,
Серег подобье дорогих,
Висели пышно, и порой
К ним птиц летал пугливый рой.
И снова я к земле припал,
И снова вслушиваться стал
К волшебным странным голосам;
Они шептались по кустам,
Как будто речь свою вели
О тайнах неба и земли.
И все природы голоса
Сливались тут. Не раздался
В торжественный хваленья час
Лишь человека гордый глас.

Всё, что я чувствовал тогда,
Те думы, им уж нет следа,
Но я б желал их рассказать,
Чтоб жить, хоть мысленно, опять.
В то утро был небесный свод
Так чист, что ангела полёт
Прилежный взор следить бы мог;
Он так прозрачно был глубок,
Так полон ровной синевой!
Я в нем глазами и душой
Тонул, пока полдневный зной
Мои мечты не разогнал,
И жаждой я томиться стал.

12

«Тогда к потоку с высоты,
Держась за гибкие кусты,
С плиты на плиту я, как мог,
Спускаться начал. Из-под ног
Сорвавшись камень иногда
Катился вниз — за ним бразда
Дымилась, прах вился столбом,
Гудя и прыгая, потом
Он поглощаем был волной;
И я висел над глубиной,
Но юность вольная сильна,
И смерть казалась не страшна!
Лишь только я с крутых высот
Спустился, свежесть горных вод
Повеяла навстречу мне,
И жадно я припал к волне.
Вдруг голос, легкий шум шагов...
Мгновенно скрывшись меж кустов,
Невольным трепетом объят,
Я поднял боязливый взгляд
И жадно вслушиваться стал.
И ближе, ближе всё звучал
Грузинки голос молодой,
Так безыскусственно живой,
Так сладко вольный, будто он
Лишь звуки дружеских имен
Произносить был приучен.
Простая песня то была,
Но в мысль она мне залегла,

И мне, лишь сумрак настает,
Незримый дух ее поет.

13

«Держа кувшин над головой,
Грузинка узкою тропой
Сходила к берегу. Порой
Она скользила меж камней,
Смеясь неловкости своей.
И беден был ее наряд;
И шла она легко, назад
Изгибы длинные чадры
Откинув. Летние жары
Покрыли тенью золотой
Лицо и грудь ее; и зной
Дышал от уст ее и щек.
И мрак очей был так глубок,
Так полон тайнами любви,
Что думы пылкие мои
Смутились. — Помню только я
Кувшина звон, — когда струя
Вливалась медленно в него,
И шорох... больше ничего.
Когда же я очнулся вновь
И отлила от сердца кровь,
Она была уж далеко;
И шла, хоть тише — но легко, —
Стройна под ношею своей,
Как тополь, царь ее полей! —
Недалеко в прохладной мгле,
Казалось, приросли к скале
Две сакли дружною четой:
Над плоской кровлею одной
Дымок струился голубой.
Я вижу будто бы теперь,
Как отперлась тихонько дверь...
И затворилась опять!.. —
Тебе, я знаю, не понять
Мою тоску, мою печаль,
И если б мог, — мне было б жаль!
Воспоминанья тех минут
Во мне, со мной пускай умрут.

«Трудами ночи изнурен,
 Я лег в тени. Отрадный сон
 Сомкнул глаза неволью мне...
 И снова видел я во сне
 Грузинки образ молодой.
 И странной, сладкою тоской
 Опять моя заняла грудь.
 Я долго силился вздохнуть
 И пробудился. — Уж луна
 Вверху сияла — и одна
 Лишь тучка кралася за ней,
 Как за добычею своей,
 Объявля жадные раскрыв.
 Мир темен был и молчалив,
 Лишь серебристой бахромой
 Вершины цепи снеговой
 Вдали сверкали предо мной
 Да в берега плескал поток.
 В знакомой сакле огонек
 То трепетал, то снова гас...
 На небесах в полночный час
 Так гаснет яркая звезда!
 Хотелось мне... но я туда
 Взойти не смел. Я цель одну,
 Пройти в родимую страну,
 Имел в душе — и превозмог
 Страданья голода как мог;
 И вот дорогою прямой
 Пустился, робкий и немой,
 Но скоро в глубине лесной
 Из виду горы потерял
 И тут с пути сбиваться стал.

«Напрасно в бешенстве порой
 Я рвал отчаянной рукой
 Терновник, спутанный плющом.
 Всё лес был, вечный лес кругом,
 Страшней и гуще каждый час;
 И миллионом черных глаз
 Смотрела ночи темнота
 Сквозь ветви каждого куста.
 Моя кружилась голова;

Я стал влезать на дерева,
Но даже на краю небес
Всё тот же был зубчатый лес. —
Тогда на землю я упал,
И в исступлении рыдал,
И грыз сырую грудь земли;
И слезы, слезы потекли
В нее горючею росой...
Но, верь мне, помощи людской
Я не желал... я был чужой
Для них навек, как зверь степной;
И если б хоть минутный крик
Мне изменил — клянусь, старик,
Я б вырвал слабый мой язык!

16

«Ты помнишь, в детские года
Слезы не знал я никогда;
Но тут я плакал без стыда.
Кто видеть мог? — лишь темный лес
Да месяц, плывший средь небес!
Озарена его лучом,
Покрыта мохом и песком,
Непроницаемой стеной
Окружена, передо мной
Была поляна. Вдруг по ней
Мелькнула тень, и двух огней
Промчались искры... и потом
Какой-то зверь одним прыжком
Из чащи выскочил и лег
Играя навзничь на песок.
То был пустыни вечный гость,
Могучий барс. Сырую кость
Он грыз и весело визжал;
То взор кровавый устремлял,
Мотая ласково хвостом,
На полный месяц; и на нем
Шерсть отливалась серебром.
Я ждал, схватив рогатый сук,
Минуту битвы — сердце вдруг
Зажглося жаждою борьбы
И крови... да! рука судьбы
Меня вела иным путем...
Но нынче я уверен в том,

Что быть бы мог в краю отцов
Не из последних удалцов.

17

«Я ждал. И вот в тени ночной
Врага почуял он, и вой
Протяжный, жалобный как стон,
Раздался вдруг... и начал он
Сердито лапой рыть песок,
Встал на дыбы, потом прилег,
И первый бешеный скачок
Мне страшной смертью грозил...
Но я его предупредил.
Удар мой верен был и скор.
Надёжный сук мой как топор
Широкий лоб его рассек...
Он застонал, как человек,
И опрокинулся. — Но вновь,
Хотя лила из раны кровь
Густой широкою волной,
Бой закипел, — смертельный бой!

18

«Ко мне он кинулся на грудь,
Но в горло я успел воткнуть
И там два раза повернуть
Мое оружие... он завыл,
Рванулся из последних сил,
И мы, сплетясь как пара змей,
Обнявшись крепче двух друзей,
Упали разом — и во мгле
Бой продолжался на земле.
И я был страшен в этот миг.
Как барс пустынный, зол и дик,
Я пламенел, визжал, как он;
Как будто сам я был рожден
В семействе барсов и волков,
Под свежим пологом лесов.
Казалось, что слова людей
Забыл я — и в груди моей
Родился тот ужасный крик,
Как будто с детства мой язык
К иному звуку не привык... —
Но враг мой стал изнемогать,

Метаться, медленней дышать,
Сдавил меня в последний раз...
Зрачки его недвижных глаз
Блеснули грозно — и потом
Закрылись тихо вечным сном;
Но с торжествующим врагом
Он встретил смерть лицо к лицу,
Как в битве следует бойцу!..

19

«Ты видишь на груди моей
Следы глубокие когтей:
Еще они не заросли
И не закрылись — но земли
Сырой покров их освежит
И смерть навеки заживит.
О них тогда я позабыл,
И вновь, собрав остаток сил,
Побрел я в глубине лесной... —
Но тщетно спорил я с судьбой:
Она смеялась надо мной!

20

«Я вышел из лесу. И вот
Проснулся день, и хоровод
Светил напутственных исчез
В его лучах. Туманный лес
Заговорил. Вдали аул
Куриться начал. Смутный гул
В долине с ветром пробежал...
Я сел и вслушиваться стал;
Но смолк он вместе с ветерком.
И кинул взоры я кругом:
Тот край казался мне знаком.
И страшно было мне — понять
Не мог я долго, что опять
Вернулся я к тюрьме моей;
Что бесполезно столько дней
Я тайный замысел ласкал,
Терпел, томился и страдал,
И всё зачем?.. чтоб в цвете лет,
Едва взглянув на божий свет,
При звучном ропоте дубрав,
Блаженство вольности познав,

Унести в могилу за собой
Тоску по родине святой,
Надежд обманутых укор
И вашей жалости позор!..
Еще в сомненье погружен,
Я думал, это страшный сон.
Вдруг дальний колокола звон
Раздался снова в тишине...
И тут всё ясно стало мне;
О! я узнал его тотчас!
Он с детских глаз уже не раз
Сгонял виденья снов живых
Про милых ближних и родных,
Про волю дикую степей,
Про легких бешеных коней,
Про битвы чудные меж скал,
Где всех один я побеждал!..

И слушал я без слез, без сил.
Казалось, звон тот выходил
Из сердца — будто кто-нибудь
Железом ударял мне в грудь.
И смутно понял я тогда,
Что мне на родину следа
Не проложить уж никогда.

21

«Да, заслужил я жребий мой.
Могучий конь в степи чужой,
Плохого сбросив седока,
На родину издалека
Найдет прямой и краткий путь...
Что я пред ним? — напрасно грудь
Полна желаньем и тоской:
То жар бессильный и пустой,
Игра мечты, болезнь ума.
На мне печать свою тюрьма
Оставила — таков цветок
Темничный: вырос юдинок
И бледен он меж плит сырых,
И долго листьев молодых
Не распускал, всё ждал лучей
Живительных. И много дней
Прошло, и добрая рука

Печалью тронулась цветка,
И был он в сад перенесен
В соседство роз. Со всех сторон
Дышала сладость бытия.
Но что ж? — Едва взошла заря,
Палящий луч ее обжег
В тюрьме воспитанный цветок...

22

«И как его, палил меня
Огонь безжалостного дня.
Напрасно прятал я в траву
Мою усталую главу;
Иссохший лист ее венцом
Терновым над моим челом
Свивался — и в лицо огнем
Сама земля дышала мне.
Сверкая, быстро в вышине
Кружились искры — с белых скал
Струился пар. Мир божий спал
В оцепенении глухом
Отчаянья тяжелым сном.
Хотя бы крикнул коростель,
Иль стрекозы живая трель
Послышалась! или ручья
Ребячий лепет!.. — лишь змея,
Сухим бурьяном шелестя,
Сверкая желтою спиной,
Как будто надписью златой
Покрытый донизу клинок,
Браздя рассыпчатый песок,
Скользила бережно — потом,
Играя, нежася на нем,
Тройным свивалася кольцом;
То будто вдруг обожжена,
Металась, прыгала она |
И в дальних пряталась кустах...

23

«И было всё на небесах
Светло и тихо — сквозь пары
Вдали чернели две горы.
Наш монастырь из-за одной
Сверкал зубчатую стеной.

Я созову моих сестер!
Мы пляской круговой
Развеселим туманный взор
И дух усталый твой.

Усни! постель твоя мягка,
Прозрачен твой покров.
Пройдут года, пройдут века
Под говор чудных снов.

О милый мой, не утаю,
Что я тебя люблю,
Люблю, как вольную струю,
Люблю, как жизнь мою...»

И долго, долго слушал я;
И мнилось, звучная струя
Слиwała тихий ропот свой
С словами рыбки золотой.
Тут я забылся. Божий свет
В глазах угас. Безумный бред
Бессилью тела уступил...

24

«Так я найдён и поднят был...
Ты остальное знаешь сам.
Я кончил, верь моим словам
Или не верь, мне всё равно.
Меня печалит лишь одно:
Мой труп холодный и немой
Не будет тлеть в земле родной
И повесть горьких му́к моих!
Не призовет меж стен глухих
Вниманье скорбное ничье
На имя темное мое.

25

«Прощай, отец... дай руку мне:
Ты чувствуешь, моя в огне...
Знай, этот пламень с юных дней
Таяся жил в груди моей;
Но ныне пищи нет ему,
И он прожег свою тюрьму
И возвратился вновь к тому,
Кто всем законной чередой

Дает страданье и покой...
Но что мне в том? — пускай в раю,
В святом, заоблачном краю
Мой дух найдет себе приют...
Увы! — за несколько минут
Между крутых и темных скал,
Где я в ребячестве играл,
Я б рай и вечность променял...

26

«Когда я стану умирать, —
И, верь, тебе не долго ждать —
Ты перенеси меня вели
В наш сад, в то место, где цвели
Акаций белых два куста...
Трава меж ними так густа!
И свежий воздух так душист,
И так прозрачно золотист
Играющий на солнце лист!
Там положить вели меня.
Сияньем голубого дня
Упьюся я в последний раз.
Оттуда виден и Кавказ!
Быть может, он с своих высот
Привет прощальный мне пришлет,
Пришлет с прохладным ветерком...
И близ меня перед концом
Родной опять раздастся звук!
И стану думать я, что друг
Иль брат, склонившись надо мной,
Отёр внимательной рукой
С лица кончины хладный пот
И что вполголоса поёт
Он мне про милую страну...
И с этой мыслью я засну,
И никого не прокляну! — »

ДЕМОН

ВОСТОЧНАЯ ПОВЕСТЬ

ЧАСТЬ I

I

Печальный Демон, дух изгнанья,
Летал над грешною землей,
И лучших дней воспоминанья
Пред ним теснились толпой;
Тех дней, когда в жилище света
Блистал он, чистый херувим,
Когда бегущая комета
Улыбкой ласковой привета
Любила поменяться с ним,
Когда сквозь вечные туманы,
Познанья жадный, он следил
Кочующие караваны
В пространстве брошенных светил;
Когда он верил и любил,
Счастливый первенец творенья!
Не знал ни злобы, ни сомненья,
И не грозил уму его
Веков бесплодных ряд унылый...
И много, много... и всего
Припомнить не имел он силы!—

II

Давно отверженный блуждал
В пустыне мира без приюта:
Вослед за веком век бежал
Как за минутою минута
Однообразной чередой.
Ничтожной властвуя землей,
Он сеял зло без наслажденья.
Нигде искусству своему
Он не встречал сопротивленья—
И зло наскучило ему.

III

И над вершинами Кавказа
Изгнанник рая пролетал:

Рисунок М. Врубеля.

Под ним Казбек как грань алмаза
Снегами вечными сиял,
И, глубоко внизу чернея,
Как трещина, жилище змея,
Вился излучистый Дарьял,
И Терек, прыгая, как львица
С косматой гривой на хребте,
Ревел — и горный зверь, и птица,
Кружась в лазурной высоте,
Глаголу вод его внимали;
И золотые облака
Из южных стран, издалека
Его на север провожали;
И скалы тесною толпой,
Таинственной дремоты полны,
Над ним склонялись головой,
Следя мелькающие волны;
И башни замков на скалах
Смотрели грозно сквозь туманы —
У врат Кавказа на часах
Сторожевые великаны! —
И дик, и чуден был вокруг
Весь божий мир: — но гордый дух
Презрительным окинул оком
Творенье бога своего,

И на челе его высоком
Не отразилось ничего. —

IV

И перед ним иной картины
Красы живые расцвели:
Роскошной Грузии долины
Ковром раскинулись вдали; —
Счастливый, пышный край земли!
Столпообразные раины,
Звонко-бегущие ручьи
По дну из камней разноцветных,
И кущи роз, где соловьи
Поют красавиц безответных
На сладкий голос их любви;
Чинар развесистые сени,
Густым венчаные плющом,
Пещеры, где палящим днем
Таятся робкие олени;
И блеск, и жизнь, и шум листов,
Стозвучный говор голосов,
Дыханье тысячи растений!
И полдня сладострастный зной,
И ароматною росой
Всегда увлажненные ночи,
И звезды яркие как очи,
Как взор грузинки молодой!..
Но кроме зависти холодной,
Природы блеск не возбудил
В груди изгнанника бесплодной
Ни новых чувств, ни новых сил;
И всё, что пред собой он видел,
Он презирал иль ненавидел.

V

Высокий дом, широкий двор
Седой Гудал себе построил...
Трудов и слез он много стоил
Рабам послушным с давних пор.
С утра на скат соседних гор
От стен его ложатся тени.
В скале нарублены ступени;
Они от башни угловой
Ведут к реке; по ним мелькая,

Покрыта белою чадрой¹,
Княжна Тамара молодая
К Арагве ходит за водой.

VI

Всегда безмолвно на долины
Глядел с утеса мрачный дом;
Но пир большой сегодня в нем —
Звучит зурна² и льются вины —
Гудал сосватал дочь свою,
На пир он созвал всю семью. —
На кровле, устланной коврами,
Сидит невеста меж подруг:
Средь игр и песен их досут
Проходит. — Дальними горами
Уж спрятан солнца полукруг;
В ладони мерно ударяя,
Они поют — и бубен свой
Берет невеста молодая. —
И вот она одной рукой
Кружа его над головой,
То вдруг помчится легче птицы,
То остановится, — глядит —
И влажный взор ее блестит
Из-под завистливой ресницы;
То черной бровью поведет,
То вдруг наклонится немножко,
И по ковру скользит, плывет
Ее божественная ножка;
И улыбается она,
Веселья детского полна. —
Но луч луны, по влаге зыбкой
Слегка играющий порой,
Едва ль сравнится с той улыбкой,
Как жизнь, как молодость, живой.

VII

Клянусь полночною звездой,
Лучом заката и востока,
Властитель Персии златой
И ни единый царь земной

¹ Покрывало. — *Примеч. Лермонтова.*

² Вроде волынки. — *Примеч. Лермонтова.*

Не целовал такого ока;
Гарема брызжущий фонтан
Ни разу жаркою порою
Своей жемчужною росой
Не омывал подобный стан!
Еще ничья рука земная,
По милому челу блуждая,
Таких волос не расплела;
С тех пор как мир лишился рая,
Клянусь, красавица такая
Под солнцем юга не цвела.

VIII

В последний раз она плясала.
Увы! завтра ожидала
Ее, наследницу Гудала,
Свободы резвую дитя,
Судьба печальная рабыни,
Отчизна чуждая поныне
И незнакомая семья. —
И часто тайное сомненье
Темнило светлые черты;
И были все ее движенья
Так стройны, полны выраженья,
Так полны милой простоты,
Что если б Демон, пролетая,
В то время на нее взглянул,
То прежних братий вспоминая,
Он отвернулся б — и вздохнул...

IX

И Демон видел... На мгновенье
Неизъяснимое волненье
В себе почувствовал он вдруг.
Немой души его пустыню
Наполнил благодатный звук —
И вновь постигнул он святыню
Любви, добра и красоты!..
И долго сладостной картиной
Он любовался — и мечты
О прежнем счастье, цепью длинной,
Как будто за звездой звезда,
Пред ним катилися тогда.
Прикованный незримой силой,

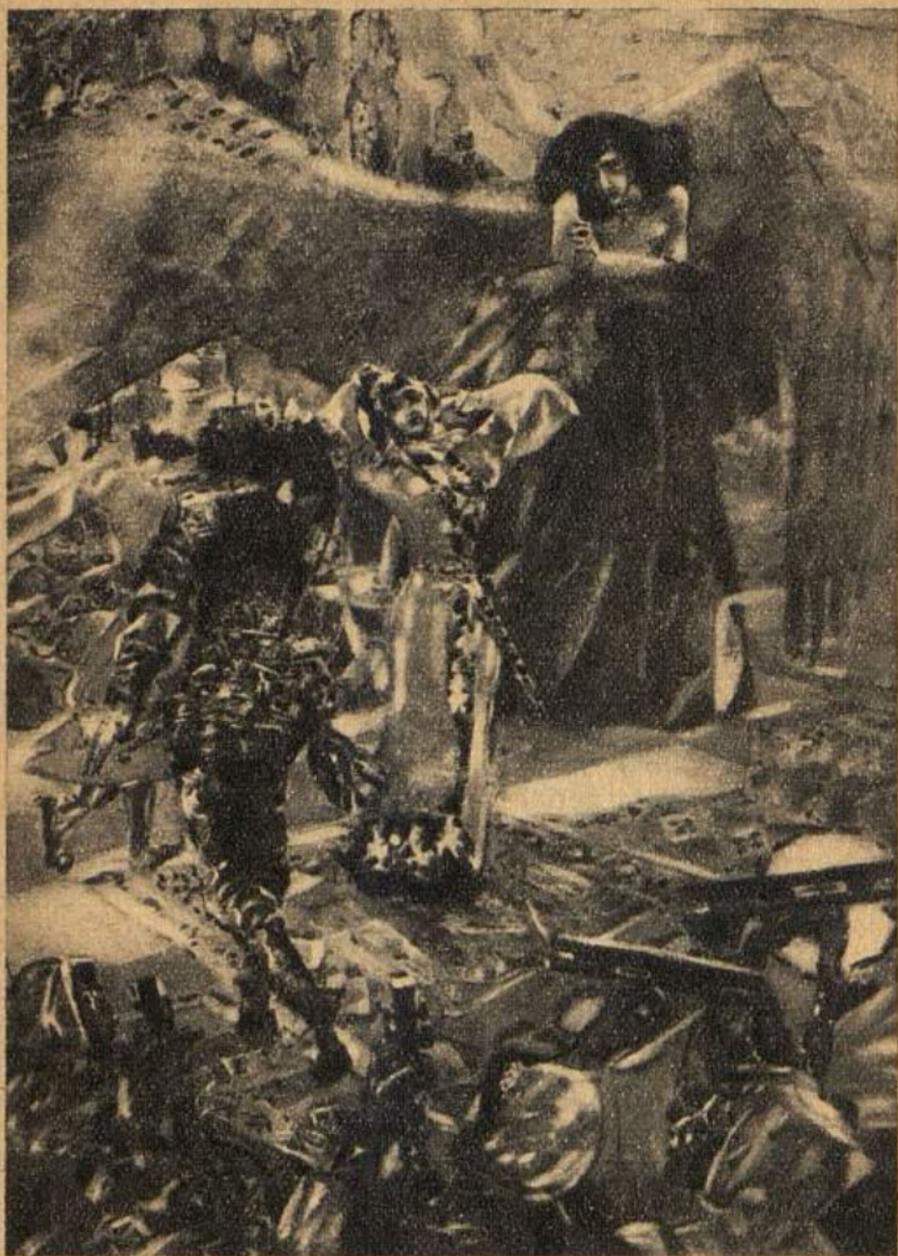

Рисунок М. Врубеля.

Он с новой грустью стал знаком;
В нем чувство вдруг заговорило
Родным когда-то языком.
То был ли признак возрожденья?
Он слов коварных искушенья
Найти в уме своем не мог...
Забуть? — забвенья не дал бог: —
Да он и не взял бы забвенья!..

.

Х

Измучив доброго коня,
На брачный пир к закату дня
Спешил жених нетерпеливый. —
Арагвы светлой он счастливо
Достиг зеленых берегов. —
Под тяжелой ношею даров
Едва, едва переступая,
За ним верблюдов длинный ряд
Дорогой тянется, мелькая;
Их колокольчики звенят.
Он сам, властитель Синодала,
Ведет богатый караван.
Ремнем затянут ловкий стан;
Оправа сабли и кинжала
Блестит на солнце; за спиной
Ружье с насечкой вырезной.
Играет ветер рукавами
Его чухи¹, — кругом она
Вся галуном обложена.
Цветными вышито шелками
Его седло; узда с кистями;
Под ним весь в мыле конь лихой
Бесценной масти, золотой. —
Питомец резвый Карабаха
Прядет ушами и, полный страха,
Храпя косится с крутизны
На пену скачущей волны. —
Опасен, узок путь прибрежный!
Утесы с левой стороны,
Направо глубь реки мятежной. —

¹ Верхняя одежда с откидными рукавами. — *Примеч. Лермонтова.*

Уж поздно. — На вершине снежной
Румянец гаснет; встал туман...
Прибавил шагу караван.

XI

И вот часовня на дороге...
Тут с давних пор почует в боге
Какой-то князь, теперь святой,
Убитый мстительной рукой. —
С тех пор на праздник иль на битву,
Куда бы путник ни спешил,
Всегда усердную молитву
Он у часовни приносил;
И та молитва сберегала
От мусульманского кинжала.
Но презрел удалой жених
Обычай прадедов своих. —
Его коварною мечтою
Лукавый демон возмущал:
Он в мыслях, под ночною тьмою,
Уста невесты целовал. —
Вдруг впереди мелькнули двое,
И больше — выстрел! — что такое?..
Привстав на звонких¹ стременах,
Надвинув на брови папах²,
Отважный князь не молвил слова;
В руке сверкнул турецкий ствол,
Нагайка щелк — и как орел
Он кинулся... и выстрел снова!
И дикий крик, и стон глухой
Промчались в глубине долины —
Недолго продолжался бой: —
Бежали робкие грузины!

XII

Затихло всё; теснясь толпой,
На трупы всадников порой
Верблюды с ужасом глядели;
И глухо в тишине степной
Их колокольчики звенели.
Разграблен пышный караван;

¹ Стремена у грузин вроде башмаков из звонкого железа. —
Примеч. Лермонтова.

² Шапка вроде еряванки. — *Примеч. Лермонтова.*

И над телами христиан
Чертит круги ночная птица!
Не ждет их мирная гробница
Под слоем монастырских плит,
Где прах отцов их был зарыт;
Не придут сестры с матерями,
Покрыты длинными чадрами,
С тоской, рыданьем и мольбами,
На гроб их из далеких мест!
Зато усердною рукою
Здесь у дороги над скалою
На память водрузится крест;
И плющ, разросшийся весною,
Его, ласкаясь, обовьет
Своею сеткой изумрудной;
И своротив с дороги трудной,
Не раз усталый пешеход
Под божьей тенью отдохнет...

XIII

Несется конь быстрее лани,
Храпит и рвется будто к брани;
То вдруг осадит на скаку,
Прислушается к ветерку,
Широко ноздри раздувая;
То разом в землю ударяя
Шипами звонкими копыт,
Взмахнув растрепанною гривой,
Вперед без памяти летит.
На нем есть всадник молчаливый!
Он бьется на седле порой,
Припав на гриву головой.
Уж он не правит поводками,
Задвинул ноги в стремяна;
И кровь широкими струями
На чепраке его видна.
Скакун лихой, ты господина
Из боя вынес как стрела:
Но злая пуля юсетина
Его во мраке догнала!

XIV

В семье Гудала плач и стоны,
Толпится на дворе народ:

Чей конь примчался запаленый,
И пал на камни у ворот?
Кто этот всадник бездыханный?
Хранили след тревоги бранной
Морщины смуглого чела.
В крови оружие и платье;
В последнем бешеном пожатье
Рука на гриве замерла. —
Недолго жениха молодова,
Невеста, взор твой ожидал:
Сдержал он княжеское слово,
На брачный пир он прискакал...
Увы! но никогда уж снова
Не сядет на коня лихова!..

XV

На беззаботную семью
Как гром слетела божья кара!
Упала на постель свою,
Рыдает бедная Тамара;
Слеза катится за слезой,
Грудь высоко и трудно дышит:
И вот она как будто слышит
Волшебный голос над собой:
«Не плачь, дитя! не плачь напрасно!
Твоя слеза на труп безгласный
Живой росой не упадет:
Она лишь взор туманит ясный,
Ланиты девственные жжет:
Он далеко, он не узнает,
Не оценит тоски твоей;
Небесный свет теперь ласкает
Бесплотный взор его очей;
Он слышит райские напевы...
Что жизни мелочные сны
И стон и слезы бедной девы
Для гостя райской стороны?
Нет, жребий смертного творенья,
Поверь мне, ангел мой земной,
Не стоит одного мгновенья
Твоей печали дорогой».

«На воздушном океане,
Без руля и без ветрил,

Тихо плавают в тумане
Хоры стройные светил;
Средь полей необозримых
В небе ходят без следа
Облаков неуловимых
Волокнистые стада.
Час разлуки, час свиданья
Им ни радость, ни печаль;
Им в грядущем нет желанья
И прошедшего не жаль.
В день томительный несчастья
Ты об них лишь вспомяни;
Будь к земному без участия
И беспечна, как они!»

«Лишь только ночь своим покровом
Верхи Кавказа осенит,
Лишь только мир, волшебным словом
Завороженный, замолчит;
Лишь только ветер над скалою
Увядшей шевельнет травую,
И птичка, спрятанная в ней,
Порхнет во мраке веселей;
И под лозою виноградной,
Росу небес глотая жадно,
Цветок распухнет ночью;
Лишь только месяц золотой
Из-за горы тихонько встанет,
И на тебя украдкой взглянет,
К тебе я стану прилетать;
Гостить я буду до денницы
И на шелковые ресницы
Сны золотые навевать...»

XVI

Слова умокли в отдаленье,
Вослед за звуком умер звук.
Она, вскочив, глядит вокруг...
Невыразимое смятенье
В ее груди; — печаль, испуг,
Восторга пыл — ничто в сравненье.
Все чувства в ней кипели вдруг;
Душа рвала свои оковы,
Огонь по жилам пробегал,

И этот голос чудно-новый,
Ей мнилось, всё еще звучал.
И перед утром сон желанный
Глаза усталые смежил;
Но мысль ее он возмутил
Мечтой пророческой и странной.
Пришлец туманный и немой,
Красой блистая неземной,
К ее склонился изголовью;
И взор его с такой любовью,
Так грустно на нее смотрел,
Как будто он об ней жалел.
То не был ангел небожитель,
Ее божественный хранитель:
Венец из радужных лучей
Не украшал его кудрей.
То не был ада дух ужасный,
Порочный мученик — о нет!
Он был похож на вечер ясный:
Ни день, ни ночь, — ни мрак, ни свет!..

ЧАСТЬ II

I

«Отец, отец, оставь угрозы,
Свою Тамару не брани;
Я плачу: видишь эти слезы...
Уже не первые они.
Напрасно женихи толпою
Спешат сюда из дальних мест...
Не мало в Грузии невест!
А мне не быть ничьей женою!..
О, не брани, отец, меня.
Ты сам заметил: день от дня
Я вяну, жертва злой отравы!
Меня терзает дух лукавый
Неотразимую мечтой;
Я гибну, сжался надо мной!
Отдай в священную обитель
Дочь безрассудную свою;
Там защитит меня спаситель,
Пред ним тоску мою пролью.

На свете нет уж мне веселья...
Святыни миром осеня,
Пусть примет сумрачная келья,
Как гроб, заранее меня...»

II

И в монастырь уединенный
Ее родные отвезли,
И власяницею смиренной
Грудь молодую облекли.
Но и в монашеской одежде,
Как под узорною парчой,
Всё беззаконною мечтой
В ней сердце билось как прежде.
Пред алтарем, при блеске свеч,
В часы торжественного пенья,
Знакомая, среди моленья,
Ей часто слышалася речь.
Под сводом сумрачного храма
Знакомый образ иногда
Скользил без звука и следа
В тумане легком фимиама;
Сиял он тихо, как звезда;
Манил и звал он... но куда?..

III

В прохладе меж двумя холмами
Таился монастырь святой.
Чинар и тополей рядами
Он окружен был — и порой,
Когда ложилась ночь в ущельи,
Сквозь них мелькала, в окнах кельи,
Лампада грешницы младой.
Кругом, в тени дерев миндальных,
Где ряд стоит крестов печальных,
Безмолвных сторожей гробниц,
Спевались хоры легких птиц.
По камням прыгали, шумели
Ключи студеною волной,
И под нависшею скалой,
Сливаясь дружески в ущельи,
Катились дальше, меж кустов,
Покрытых инеем цветов.

IV

На север видны были горы.
 При блеске утренней авроры,
 Когда синеющий дымок
 Курится в глубине долины,
 И, обращаясь на восток,
 Зовут к молитве муэззины,
 И звучный колокола глас
 Дрожит, обитель пробуждая;
 В торжественный и мирный час,
 Когда грузинка молодая
 С кувшином длинным за водой
 С горы спускается крутой,
 Вершины цепи снеговой
 Светло-лиловою стеной
 На чистом небе рисовались,
 И в час заката одевались
 Они румяной пеленой;
 И между них, прорезав тучи,
 Стоял, всех выше головой,
 Казбек, Кавказа царь могучий,
 В чалме и ризе парчевой.

V

Но, полно думою преступной,
 Тамары сердце недоступно
 Восторгам чистым. — Перед ней
 Весь мир одет угрюмой тенью;
 И всё ей в нём предлог мученью —
 И утра луч и мрак ночей.
 Бывало только ночи сонной
 Прохлада землю обоймет,
 Перед божественной иконой
 Она в безумье упадет
 И плачет; — и в ночном молчанье
 Ее тяжелое рыданье
 Тревожит путника вниманье;
 И мыслит он: «То горный дух
 Прикованный в пещере стонет!»
 И чуткий напрягая слух,
 Коня измученного гонит...

VI

Тоской и трепетом полна,
 Тамара часто у окна
 Сидит в раздумьи одиноком.
 И смотрит вдаль прилежным оком,
 И целый день вздыхая, ждет...
 Ей кто-то шепчет: он придет!
 Недаром сны ее ласкали,
 Недаром он являлся ей,
 С глазами полными печали
 И чудной нежностью речей.
 Уж много дней она томится,
 Сама не зная почему;
 Святым захочет ли молиться —
 А сердце молится ему;
 Утомлена борьбой всегдашней,
 Склонится ли на ложе сна:
 Подушка жжет, ей душно, страшно,
 И вся, вскочив, дрожит она;
 Пылают грудь ее и плечи,
 Нет сил дышать, туман в очах,
 Объяты жадно ищут встречи,
 Лобзанья тают на устах...

.

VII

Вечерней мглы покров воздушный
 Уж холмы Грузии одел.
 Привычке сладостной послушный,
 В обитель Демон прилетел.
 Но долго, долго он не смел
 Святыню мирного приюта
 Нарушить. — И была минута,
 Когда казался он готов
 Оставить умысел жестокой.
 Задумчив у стены высокой
 Он бродит: от его шагов
 Без ветра лист в тени трепещет.
 Он поднял взор: ее окно
 Озарено лампадой блещет;
 Кого-то ждет она давно!
 И вот средь общего молчанья

Чингара¹ стройное бряцанье
И звуки песни раздались;
И звуки те лились, лились
Как слезы, мерно друг за другом;
И эта песнь была нежна,
Как будто для земли она
Была на небе сложена!
Не ангел ли с забытым другом
Вновь повидаться захотел,
Сюда украдкою слетел,
И о былом ему пропел,
Чтоб усладить его мученье?..
Тоску любви, ее волненье
Постигнул Демон в первый раз;
Он хочет в страхе удалиться...
Его крыло не шевелится!
И чудо! из померкших глаз
Слеза тяжелая катится..
Поныне возле кельи той
Насквозь прожженный виден камень,
Слезю жаркою как пламень,
Не человеческой слезой!..

VIII

И входит он, любить готовый,
С душой открытой для добра,
И мыслит он, что жизни новой
Пришла желанная пора.
Неясный трепет ожиданья,
Страх неизвестности немой,
Как будто в первое свиданье
Спознались с гордою душой.
То было злое предвещанье!
Он входит, смотрит — перед ним
Посланник рая, херувим,
Хранитель грешницы прекрасной
Стоит с блистающим челом,
И от врага с улыбкой ясной
Приосенил ее крылом;
И луч божественного света
Вдруг ослепил нечистый взор,
И вместо сладкого привета
Раздался тягостный укор:

¹ Чингар — род гитары. — Примеч. Лермонтова.

IX

«Дух беспокойный, дух порочный,
 Кто звал тебя во тьме полночной?
 Твоих поклонников здесь нет,
 Зло не дышало здесь поныне;
 К моей любви, к моей святыне
 Не пролагай преступный след.
 Кто звал тебя? —»

Ему в ответ
 Злой дух коварно усмехнулся;
 Зарделся ревностью взгляд;
 И вновь в душе его проснулся
 Старинной ненависти яд.
 «Она моя! — сказал он грозно. —
 Оставь ее, она моя!
 Явился ты, защитник, поздно,
 И ей, как мне, ты не судья.
 На сердце полное гордыни
 Я наложил печать мою:
 Здесь больше нет твоей святыни,
 Здесь я владею и люблю! —»
 И ангел грустными очами
 На жертву бедную взглянул,
 И медленно, взмахнув крылами,
 В эфире неба потонул.

.

X

Т а м а р а

О! кто ты? речь твоя опасна!
 Тебя послал мне ад иль рай?
 Чего ты хочешь?..

Д е м о н

Ты прекрасна!

Т а м а р а

Но молви, кто ты? отвечай...

Д е м о н

Я тот, которому внимала
 Ты в полуночной тишине,
 Чья мысль душе твоей шептала,
 Чью грусть ты смутно отгадала,
 Чей образ видела во сне.

Я тот, чей взор надежду губит;
Я тот, кого никто не любит;
Я бич рабов моих земных,
Я царь познания и свободы,
Я враг небес, я зло природы,
И, видишь, я у ног твоих!
Тебе принес я в умиление
Молитву тихую любви,
Земное первое мученье
И слезы первые мои.
О! выслушай, из сожаленья!
Меня добру и небесам
Ты возратить могла бы словом.
Твоей любви святым покровом
Одетый, я предстал бы там
Как новый ангел в блеске новом.
О! только выслушай, молю,
Я раб твой, я тебя люблю!
Лишь только я тебя увидел,
И тайно вдруг возненавидел
Бессмертие и власть мою.
Я позавидовал невольно
Неполной радости земной;
Не жить, как ты, мне стало больно,
И страшно — розно жить с тобой.
В бескровном сердце луч нежданный
Опять затеплился живей,
И грусть на дне старинной раны
Зашевелилася как змей.
Что, без тебя, мне эта вечность?
Моих владений бесконечность?
Пустые звучные слова,
Обширный храм — без божества!

Т а м а р а

Оставь меня, о дух лукавый!
Молчи, не верю я врагу...
Творец... Увы! я не могу
Молиться... губительной отравой
Мой ум (слабеющий объят!
Послушай, ты меня погубишь;
Твои слова — огонь и яд...
Скажи, зачем меня ты любишь!

Д е м о н

Зачем, красавица? — увы,
Не знаю!.. полон жизни новой,
С моей преступной головы
Я гордо снял венец терновый;
Я всё бывшее бросил в прах:
Мой рай, мой ад в твоих очах.
Люблю тебя не здешней страстью,
Как полюбить не можешь ты:
Всем упоением, всей властью
Бессмертной мысли и мечты.
В душе моей, с начала мира,
Твой образ был напечатлён,
Передо мной носился он
В пустынях вечного эфира.
Давно тревожа мысль мою,
Мне имя сладкое звучало;
Во дни блаженства мне в раю
Одной тебя недоставало.
О! если б ты могла понять,
Какое горькое томленье
Всю жизнь, — века без разделенья
И наслаждаться и страдать,
За зло похвал не ожидать,
Ни за добро вознагражденья;
Жить для себя, скучать собой
И этой вечною борьбой
Без торжества, без примиренья!
Всегда жалеть — и не желать,
Всё знать, всё чувствовать, всё видеть,
Стараться всё возненавидеть
И всё на свете презирать!..
Лишь только божие проклятье
Исполнилось, с того же дня
Природы жаркие объятья
Навек остыли для меня;
Синело предо мной пространство;
Я видел брачное убранство
Светил знакомых мне давно...
Они текли в венцах из золота;
Но что же? прежнего собрата
Не узнавало ни одно.
Изгнанников себе подобных

Я звать в отчаянии стал,
Но слов и лиц и взоров злобных,
Увы! я сам не узнавал.
И в страхе я, взмахнув крылами,
Помчался — но куда? зачем?
Не знаю... прежними друзьями
Я был отвергнут; как Эдем
Мир для меня стал глух и нем.
По вольной прихоти теченья
Так поврежденная ладья
Без парусов и без руля
Плывёт, не зная назначенья;
Так ранней утренней порой
Отрывок тучи громовой,
В лазурной вышине чернея,
Один, нигде пристать не смея,
Летит без цели и следа,
Бог весть откуда и куда!
И я людьми не долго правил,
Греху не долго их учил,
Всё благородное бесславил
И всё прекрасное хулил;
Не долго... пламень чистой веры
Легко навек я залил в них...
А стоили ль трудов моих
Одни глупцы да лицемеры?
И скрылся я в ущельях гор;
И стал бродить как метеор
Во мраке полночи глубокой...
И мчался путник одинокой,
Обманут близким огоньком;
И в бездну падая с конем,
Напрасно звал — и след кровавый
За ним вился по крутизне...
Но злобы мрачные забавы
Не долго нравились мне!
В борьбе с могучим ураганом,
Как часто, подымая прах,
Одетый молнией и туманом,
Я шумно мчался в облаках,
Чтобы в толпе стихий мятежной
Сердечный ропот заглушить,
Спастись от думы неизбежной
И незабвенное забыть!

Что повесть тягостных лишений,
Трудов и бед толпы людской
Грядущих, прошлых поколений,
Перед минутою одной
Моих непризнанных мучений?
Что люди? — что их жизнь и труд?
Они пришли, они пройдут...
Надежда есть — ждет правый суд:
Простить он может, хоть осудит!
Моя ж печаль бессменно тут
И ей конца, как мне, не будет;
И не вздремнуть в могиле ей!
Она то ластится как змей,
То жжет и плещет будто пламень,
То давит мысль мою как камень —
Надежд погибших и страстей
Несокрушимый мавзолей!..

Т а м а р а

Зачем мне знать твои печали,
Зачем ты жалуешься мне?
Ты согрешил...

Д е м о н

Против тебя ли?

Т а м а р а

Нас могут слышать!..

Д е м о н

Мы одне.

Т а м а р а

А бог!

Д е м о н

На нас не кинет взгляда:
Он занят небом, не землей!

Т а м а р а

А наказанье; муки ада?

Д е м о н

Так что ж? ты будешь там со мной!

Т а м а р а

Кто б ни был ты, мой друг случайный,
Покой навеки погубя,
Невольню я с отрадой тайной,
Страдалец, слушаю тебя.
Но если речь твоя лукава,
Но если ты, обман тая...

О! пощади. — Какая слава!
На что душа тебе моя!
Ужели небу я дороже
Всех, не замеченных тобой?
Они, увы! прекрасны тоже;
Как здесь, их девственное ложе
Не смято смертною рукой...
Нет! дай мне клятву роковую...
Скажи, — ты видишь: я тоскую;
Ты видишь женские мечты!
Невольно страх в душе ласкаешь...
Но ты всё понял, ты всё знаешь,
И сжалишься, конечно, ты!
Клянися мне... от злых стяжаний
Отречься ныне дай обет.
Ужель ни клятв, ни обещаний
Ненарушимых больше нет?..

Д е м о н

Клянусь я первым днем творенья,
Клянусь его последним днем,
Клянусь позором преступленья
И вечной правды торжеством.
Клянусь паденья горькой мукой,
Победы краткою мечтой;
Клянусь свиданием с тобой,
И вновь грозящею разлукой;
Клянуся сонмищем духов,
Судьбою братий мне подвластных,
Мечами ангелов бесстрастных,
Моих недремлющих врагов;
Клянуся небом я и адом,
Земной святыней и тобой;
Клянусь твоим последним взглядом,
Твоею первою слезой,
Незлюбных уст твоих дыханьем,
Волною шелковых кудрей;
Клянусь блаженством и страданьем,
Клянусь любовь мою, —
Я отрекся от старой мести,
Я отрекся от гордых дум;
Отныне яд коварной лести
Ничей уж не встревожит ум;
Хочу я с небом примириться,

Хочу любить, хочу молиться,
Хочу я веровать добру.
Слезой раскаянья сотру
Я на челе тебя достойном
Следы небесного огня;
И мир в неведеньи спокойном
Пусть доцветает без меня!
О! верь мне: я один поныне
Тебя постиг и оценил:
Избрав тебя моей святыней,
Я власть у ног твоих сложил.
Твоей любви я жду как дара,
И вечность дам тебе за миг;
В любви как в злобе, верь, Тамара,
Я неизменен и велик.
Тебя я, вольный сын эфира,
Возьму в надзвездные края;
И будешь ты царицей мира,
Подруга первая моя;
Без сожаленья, без участия
Смотреть на землю станешь ты,
Где нет ни истинного счастья,
Ни долговечной красоты,
Где преступленья лишь да казни,
Где страсти мелкой только жить;
Где не умеют без боязни
Ни ненавидеть, ни любить.
Иль ты не знаешь, что такое
Людей минутная любовь?
Волненье крови молодое. —
Но дни бегут, и стынет кровь!
Кто устоит против разлуки,
Соблазна новой красоты,
Против усталости и скуки,
И своенравия мечты?
Нет! не тебе, моей подруге,
Узнай, назначено судьбой
Увянуть молча в тесном круге
Ревнивой грубости рабой,
Средь малодушных и холодных,
Друзей притворных и врагов;
Боязней и надежд бесплодных,
Пустых и тягостных трудов!
Печально за стеной высокой

Рисунок М. Врубеля.

Ты не угаснешь без страстей,
Среди молитв, равно далёко
От божества и от людей.
О нет! прекрасное созданье,
К иному ты присуждена;
Тебя иное ждёт страданье,
Иных восторгов глубина;
Оставь же прежние желанья
И жалкий свет его судьбе:
Пучину гордого познания
Взамен открою я тебе.
Толпу духов моих служебных
Я приведу к твоим стопам;
Прислужниц легких и волшебных
Тебе, красавица, я дам;
И для тебя с звезды восточной
Сорву венец я золотой;
Возьму с цветов росы полночной;
Его усыплю той росой;
Лучом румяного заката
Твой стан как лентой обовью;
Дыханьем чистым аромата
Окрестный воздух напою;
Всечасно дивную игрою
Твой слух лелеять буду я;
Чертоги пышные построю
Из бирюзы и янтаря;
Я опущусь на дно морское,
Я полечу за облака,
Я дам тебе всё, всё земное —
Люби меня!..

XI

И он слегка
Коснулся жаркими устами
Ее трепещущим губам;
Соблазна полными речами
Он отвечал ее мольбам.
Могучий взор смотрел ей в очи.
Он жег ее. — Во мраке ночи
Над нею прямо он сверкал
Неотразимый как кинжал.
Увы! злой дух торжествовал!
Смертельный яд его лобзанья
Мгновенно в грудь ее проник.

Мучительный, ужасный крик
Ночное возмутил молчанье.
В нем было всё: любовь, страданье,
Упрек с последнею мольбой,
И безнадежное прощанье —
Прощанье с жизнью молодой.

XII

В то время сторож полуночный,
Один вокруг стены крутой
Свершая тихо путь урочный,
Бродил с чугуною доской,
И возле кельи девы юной
Он шаг свой мерный укротил,
И руку над доской чугуной,
Смутясь душой, остановил.
И сквозь окрестное молчанье,
Ему казалось, слышал он
Двух уст согласное лобзанье,
Минутный крик и слабый стон.
И нечестивое сомненье
Проникло в сердце старика...
Но пронеслось еще мгновенье,
И стихло всё; издалека
Лишь дуновенье ветерка
Роптанье листьев приносило,
Да с темным берегом уныло
Шепталась горная река.
Канон угодника святого
Спешит он в страхе прочитать,
Чтоб наважденье духа злого
От грешной мысли отогнать;
Крестит дрожащими перстами
Мечтой взволнованную грудь,
И молча скорыми шагами
Обычный продолжает путь.

.

XIII

Как пери спящая мила
Она в гробу своем лежала,
Белей и чище покрывала
Был томный цвет ее чела.
Навек опущены ресницы...

Но кто б, о небо! не сказал,
Что взор под ними лишь дремал
И, чудный, только ожидал
Иль поцелуя, иль денницы?
Но бесполезно луч дневной
Скользил по ним струей златой,
Напрасно их в немой печали
Уста родные целовали...
Нет! смерти вечную печать
Ничто не в силах уж сорвать!

XIV

Ни разу не был в дни веселья
Так разноцветен и богат
Тамары праздничный наряд.
Цветы родимого ущелья
(Так древний требует обряд)
Над нею льют свой аромат
И, сжаты мертвою рукою,
Как бы прощаются с землею!
И ничего в ее лице
Не намекало о конце
В пылу страстей и упоенья;
И были все ее черты
Исполнены той красоты,
Как мрамор, чуждой выраженья,
Лишенной чувства и ума,
Таинственной как смерть сама.
Улыбка странная застыла
Мелькнувши по ее устам.
О многом грустном говорила
Она внимательным глазам:
В ней было хладное презренье!
Души готовой отцвести,
Последней мысли выраженье,
Земле беззвучное прости.
Напрасный отблеск жизни прежней,
Она была еще мертвей,
Еще для сердца безнадежней
Навек угаснувших очей.
Так в час торжественный заката,
Когда, растаяв в море злата,
Уж скрылась колесница дня,
Снега Кавказа, на мгновенье

Отлив румяный сохраня,
Сияют в темном отдаленье.
Но этот луч полуживой
В пустыне отблеска не встретит;
И путь ничей он не осветит
С своей вершины ледяной!..

XV

Толпой соседи и родные
Уж собрались в печальный путь.
Терзая локоны седые,
Безмолвно поражая в грудь,
В последний раз Гудал садится
На белогривого коня,
И поезд тронулся. — Три дня,
Три ночи путь их будет длиться:
Меж старых дедовских костей
Приют покойный вырыт ей.
Один из праотцев Гудала,
Грабитель странников и сёл,
Когда болезнь его сковала,
И час раскаянья пришел,
Грехов минувших в искупленье
Построить церковь обещал
На вышине гранитных скал,
Где только вьюги слышно пенье,
Куда лишь коршун залетал.
И скоро меж снегов Казбека
Поднялся одинокий храм,
И кости злого человека
Вновь успокоилися там;
И превратилась в кладбище
Скала родная облакам:
Как будто ближе к небесам
Теплей посмертное жилище?..
Как будто дальше от людей
Последний сон не возмутится...
Напрасно! мертвым не приснится
Ни грусть, ни радость прошлых дней...

XVI

В пространстве синего эфира
Один из ангелов святых
Летел на крыльях золотых,

И душу грешную от мира
Он нёс в объятиях своих.
И сладкой речью упованья
Ее сомненья разгонял,
И след проступка и страданья
С нее слезами он смывал. —
Издадека уж звуки рая
К ним доносились — как вдруг,
Свободный путь пересекая,
Взвился из бездны адский дух. —
Он был могущ как вихорь шумный,
Блистал как молнии струя,
И гордо в дерзости безумной
Он говорит: «Она моя!»

К груди хранительной прижалась,
Молитвой ужас заглуша,
Тамары грешная душа.
Судьба грядущего решалась,
Пред нею снова он стоял,
Но, боже! — кто б его узнал?
Каким смотрел он злобным взглядом,
Как полон был смертельным ядом
Вражды, не знающей конца,
И веяло могильным хладом
От неподвижного лица.

«Исчезни, мрачный дух сомненья! —
Посланник неба отвечал: —
Довольно ты торжествовал;
Но час суда теперь настал,
И благо божие решенье!
Дни испытания прошли;
С одеждой брэнною земли
Оковы зла с нее ниспали.
Узнай! давно ее мы ждали!
Ее душа была из тех,
Которых жизнь одно мгновенье
Невыносимого мученья,
Недосягаемых утех:
Творец из лучшего эфира
Соткал живые струны их,
Они не созданы для мира,
И мир был создан не для них!

«Кавказский вид». С картины Лермонтова.

Ценой жестокой искупила
Она сомнения свои...
Она страдала и любила —
И рай открылся для любви!»

И ангел строгими очами
На искусителя взглянул
И, радостно взмахнув крылами,
В сияньи неба потонул.
И проклял Демон побежденный
Мечты безумные свои,
И вновь остался он, надменный,
Один, как прежде, во вселенной
Без упования и любви!..

На склоне каменной горы
Над Койшаурскою долиной
Еще стоят до сей поры
Зубцы развалины старинной.
Рассказов, страшных для детей,

О них еще преданья полны...
Как призрак, памятник безмолвный,
Свидетель тех волшебных дней.
Между деревьями чернеет.
Внизу рассыпался аул,
Земля цветет и зеленеет;
И голосов нестройный гул
Теряется, — и караваны —
Идут звеня издалека,
И, низвергаясь сквозь туманы,
Блестит и пенится река.
И жизнью вечно молодою,
Прохладой, солнцем и весною
Природа тешится шутя,
Как беззаботная дитя.

Но грустен замок, отслуживший
Когда-то в очередь свою;
Как бедный старец, переживший
Друзей и милую семью.
И только ждут луны восхода
Его незримые жильцы:
Тогда им праздник и свобода;
Жужжат, бегут во все концы.
Седой паук, отшельник новый,
Прядет сетей своих основы;
Зеленых ящериц семья
На кровле весело играет;
И осторожная змея
Из темной щели выползает
На плиту старого крыльца;
То вдруг сошьется в три кольца,
То ляжет длинной полосой,
И блещет, как булатный меч,
Забытый в поле давних сеч,
Ненужный падшему герою!..
Всё дико; нет нигде следов
Минувших лет: рука веков
Прилежно, долго их сметала,
И не напомнит ничего
О славном имени Гудала,
О милой дочери его!

Но церковь, на крутой вершине,
Где взяты кости их землей,
Хранима властью святой,
Видна меж туч еще поныне.
И у ворот ее стоят
На страже черные граниты,
Плащами снежными покрыты;
И на груди их вместо лат
Льды вековечные горят.
Обвалов сонные громады
С уступов, будто водопады,
Морозом схваченные вдруг,
Висят нахмурившись вокруг.
И там метель дозором ходит,
Сдувая пыль со стен седых,
То песню долгую заводит,
То окликает часовых;
Услыша вести в отдаленье
О чудном храме, в той стране,
С востока облака одне
Спешат толпой на поклоненье;
Но над семьей могильных плит
Давно никто уж не грустит.
Скала угрюмого Казбека
Добычу жадно сторожит,
И вечный ропот человека
Их вечный мир не возмутит.

СТИХИ

1829

Стр. 5

БАЛЛАДА

(«Над морем красавица-дева сидит...»)

Это стихотворение было написано Лермонтовым, когда ему было всего пятнадцать лет.

У Шиллера есть баллада «Водолаз» («Der Taucher»), в которой рассказана старинная легенда. Паж по предложению короля спускается в морскую пучину и достает со дна брошенный королем кубок; вернувшись, он рассказывает про ужасы, которые видел на дне. Тогда король предлагает ему спуститься вторично, обещая не только подарить кубок и перстень с алмазом, но и выдать за него свою дочь.

Паж кидается в волны, но обратно не возвращается.

Лермонтов написал свою «Балладу» под впечатлением этой баллады Шиллера. Но у Лермонтова юношу посылает в морскую пучину не король, а любимая женщина, требующая, чтобы он доказал ей, рискуя жизнью, свою любовь. Баллада Лермонтова написана очень сжато, фабула почти конспектирована, стихотворение впятеро короче «Водолаза». Близки только концы обеих баллад.

Стр. 6

ВОЙНА

Стихотворение написано в связи с турецкой кампанией, начавшейся в 1829 году.

Стр. 6

ПЕРЧАТКА. (ИЗ ШИЛЛЕРА)

Неполный перевод баллады Шиллера («Der Handschuh»); Лермонтов в юности сильно увлекался Шиллером. Через два года после Лермонтова эту балладу перевел Жуковский.

Стр. 9

ЖАЛОБЫ ТУРКА

Первая строка этого стихотворения похожа на начало известной песни Гёте: «Ты знаешь ли тот край, где цветут лимоны», в которой Гёте воспевает Италию. Лермонтов в «Жалобах турка» описывает мрачный край: это, конечно, не Турция, как можно по-

думать по заглавию, а Россия. Такая замена — частый в тогдашней литературе прием борьбы с цензурой. Лермонтов описывает здесь Россию при Николае I, в годы, последовавшие за разгромом декабристов (1825).

1830

Стр. 10

КАВКАЗ

Кавказ — одна из любимых тем Лермонтова, проходящая через все его творчество. Впервые он увидел Кавказ мальчиком, в 1825 году. Природа Кавказа и жизнь горцев произвели на него сильное впечатление. Лермонтов вспоминает о виденном на Кавказе в одном из первых же своих стихотворений («Черкешенка», 1829 год):

Я видел вас: холмы и нивы,
Разнообразных гор кусты,
Природы дикой красоты,
Степей глухих народ счастливый
И нравы тихой простоты!

Воспоминаниям о Кавказе посвящено и это стихотворение.

Стр. 12

НИЩИЙ

В ранней юности Лермонтов был влюблен в Е. А. Сушкову. Сушкова была старше Лермонтова и относилась к нему, как к мальчику. Лермонтов очень страдал и писал Сушковой стихи, в которых говорил о своей любви.

В августе 1830 года компания молодежи отправилась из Середникова в Москву с тем, чтобы пойти пешком в Троице-Сергиевскую лавру. В этой прогулке приняли участие Сушкова и Лермонтов. Описывая эту прогулку, Сушкова рассказывает, как Лермонтов писал ей стихотворение «Нищий»:

«В трактире мы переменяли запыленные платья, умылись и поспешили в монастырь отслужить молебен. На паперти встретили мы слепого нищего. Он дряхлою, дрожащею рукою поднес нам свою деревянную чашечку; все мы надавали ему мелких денег. Услыша звук монет, бедняк крестился, стал нас благодарить, приговаривая: «Пошли вам бог счастье, добрые господа; а вот намедни приходили сюда тоже господа, тоже молодые, да шалуны, насмеялись надо мною: наложили полную чашечку камушков. Бог с ними!» Мы возвратились домой, чтобы пообедать и отдохнуть. Все мы суетились около стола, в нетерпеливом ожидании обеда, один Лермонтов не принимал участия в наших хлопотах; он стоял на коленях перед стулом, карандаш его быстро бегал по клочку бумаги, и он как будто не замечал нас, не слышал, как мы шумели, усаживаясь за обед и принимаясь за ботвинью. Окончив писать, он вскочил, тряхнул головой, сел на оставшийся стул против меня и передал мне нововышедшие из-под его карандаша стихи».

1831-го ИЮНЯ 11 ДНЯ

Заглавие этого стихотворения представляет собой дату написания. Юношескую лирику Лермонтова можно вообще рассматривать как дневник его душевной и умственной жизни — настолько тесно связана она с тем, что он переживал в эти годы. Это стихотворение как бы замыкает круг его юношеской лирики (за годы 1830—1831 Лермонтовым было написано около двухсот стихотворений, несколько поэм и три пьесы). Здесь и тема одиночества, и тема славы, и тема любви, и тема страдания, и тема смерти. Но кроме того, здесь развиты и очень ярко выражены мысли, которые в прежних стихотворениях только намечались: размышления о вечности, о «сумерках души», о столкновениях в человеке «священного с порочным», о неполноте счастья. По этому стихотворению видно, что Лермонтов много и серьезно читал. Он употребляет такие сложные понятия, как «боренье дум», «желание блаженства», «ноша бытия», «гармония вселенной», «жажда бытия», «сумерки души». Характерны для Лермонтова набросанные в этом стихотворении картины природы, которые сопоставляются с состояниями человеческой души: грозовые тучи, «степей безбрежный океан», вершины гор, волны.

Образцом для этого стихотворения послужили лирические монологи Байрона.

Стр. 22

ЖЕЛАНИЕ (Зачем я не птица, не ворон степной...)

Стихотворение написано в стиле шотландских баллад, очевидно, под впечатлением прочитанной баллады Вальтера Скотта о Томасе Лермонте. Предок Лермонтова — Георг Лермонт — был выходцем из Шотландии, потомком поэта Томаса Лермонта.

Стр. 23

(ВОЛЯ)

Лермонтов впоследствии ввел это стихотворение с некоторыми изменениями в свой незаконченный роман «Вадим».

Стр. 24

АНГЕЛ

Это единственное из юношеских стихотворений Лермонтова, напечатанное им самим («Одесский альманах на 1840 год») и подписанное его полной фамилией.

Лермонтов вписал это стихотворение в альбом своей приятельнице А. М. Верещагиной, где стихи 13—14 читаются так:

С тех пор, неизвестным желаньем полна,
Страдала, томилась она.

Стр. 24

«УЖАСНАЯ СУДЬБА ОТЦА И СЫНА...»

Написано по поводу смерти отца, Юрия Петровича Лермонтова (умер 1 октября 1831 года в своем имении Тульской губер-

нии). Судя по этому стихотворению, судьба Ю. П. Лермонтова сложилась трагично, и не только в семейном плане. Такие выражения, как «жребий чуждого изгнанника иметь на родине с названием гражданина» или «ты светом осужден», указывают наиболее глубокие и серьезные потрясения, пережитые отцом. В стихотворении Лермонтова «Пусть я кого-нибудь люблю» (того же года) есть интересная вычеркнутая строфа, подводящая итог детству:

Я сын страданья. Мой отец
Не знал покоя по конец,
В слезах угасла мать моя;
От них остался только я,
Ненужный член в пиру людском,
Младая ветвь на пне сухом;
В ней соку нет, хоть зелена, —
Дочь смерти — смерть ей суждена!

1830—1831

Стр. 27

К*** («О, ПОЛНО ИЗВИНЯТЬ РАЗВРАТИ...»)

В заголовке стихотворения (как это часто делал Лермонтов) фамилия того, к кому оно обращено, скрыта под звездочками. Прежде считалось, что это стихотворение обращено к Пушкину и что оно написано в ответ на его стихотворения «Стансы» («В надежде славы и добра...») и «Друзьям»; против этого есть много серьезных возражений — начиная с того, что стихотворение Лермонтова написано в 1831 или даже, может быть, в 1832 году, а «Стансы» Пушкина — в 1828 году. Есть предположение, что оно обращено к поэту А. Полежаеву и связано с его кавказскими поэмами (1831—1832), но вопрос нельзя считать окончательно решенным.

Стр. 28

«НЕТ, Я НЕ БАЙРОН...»

В 1830 году, сопоставляя себя с Байроном (см. стихотворение «Не думай, чтоб я был достоин сожаленья...»), Лермонтов находил полное сходство между собой и Байроном; теперь указана и разница: «Но только с русской душой». В словах «Как он, гонимый миром странник» Лермонтов имеет в виду тот период жизни Байрона, когда он покинул Англию и скитался по Европе. Байрон умер в Греции тридцати шести лет; себе Лермонтов предсказывает более раннюю смерть.

Стр. 29

«Я ЖИТЬ ХОЧУ! ХОЧУ ПЕЧАЛИ...»

Написано перед переездом из Москвы в Петербург (август 1832 года).

Стр. 30

«ПРИВЕТСТВУЮ ТЕБЯ, ВОИНСТВЕННЫХ СЛАВЯН...»

Написано в пути из Москвы в Петербург, после осмотра Нов-

города, который был независимым от Москвы, вольным городом (до Ивана Грозного); все дела в нем решало тогда вече — народное собрание.

Стр. 30

ДВА ВЕЛИКАНА

Стихотворение написано, вероятно, в августе 1832 года — в годовщину войны 1812 года. Здесь сказочно-аллегорически изображается борьба Наполеона I с Александром I и поражение Наполеона в войне против русских.

Стр. 31

«ПРИМИТЕ ДИВНОЕ ПОСЛАНЬЕ.»

Написано осенью 1832 года, когда Лермонтов впервые приехал в Петербург и впервые увидел море.

Послано в письме к С. А. Бахметьевой, приятельнице Лермонтова.

П а в е л — дальний родственник Лермонтова, Павел Александрович Евреинов.

Стр. 31

ПАРУС

«Вот еще стихи, которые сочинил я на берегу моря», писал Лермонтов М. А. Лопухиной в письме от 2 сентября 1832 года. В этом стихотворении, как и в других подобных («Утес» и «Тучи»), Лермонтов описывает собственное душевное состояние.

1833—1834

Стр. 33

ЮНКЕРСКАЯ МОЛИТВА

Написано в годы, когда Лермонтов учился в школе гвардейских подпрапорщиков. Один из товарищей Лермонтова вспоминает:

«Зимой, в начале 1834 года, кто-то из нас предложил издавать в школе журнал, конечно рукописный. Все согласились, и вот как это было. Журнал должен был выходить один раз в неделю, по средам. В продолжение семи дней накапливались статьи. Кто писал и хотел помещать свои сочинения, тот клал рукопись в назначенный для того ящик одного из столиков, находившихся при кроватях в наших каморах. Желавший мог оставаться неизвестным. По средам вынимались из ящика статьи и сшивались, составляя довольно толстую тетрадь, которая вечером в тот же день, при сборе всех нас, громко прочитывалась. При этом смех и шутки не умолкали. Таких номеров журнала набралось несколько. В одной из тетрадей того же журнала было помещено шутовское стихотворение Лермонтова «Юнкерская молитва».

А л е х а («Алехин глас») — прозвище командира эскадрона в школе, Алексея Степановича Стунеева.

УМИРАЮЩИЙ ГЛАДИАТОР

Картина из древнеримской жизни, которую Лермонтов заимствовал из поэмы Байрона «Паломничество Чайльд-Гарольда».

В своей поэме Байрон описывает знаменитую скульптуру, изображающую умирающего в цирке гладиатора.

Вот стихи Байрона в русском переводе:

Вот гладиатор вражеским мечом
Пронзен лежит. На локоть он склонился;
Он с неизбежной смертью примирился,
Следов предсмертной муки нет на нем.
Вот на песок он тихо опустился,
И, словно капли туч передовых,
Из ран его кровавый дождь струился...
И умер он, а рев еще не стих,
Каким толпа венчает баловней своих.
Хотя он слышал крик толпы жестокой,
В нем ничего тот крик не разбудил.
Всем существом он был в стране далекой.
Что жизнь его! Он ей не дорожил.
Пред ним Дуная берег, где он жил,
Жена его... вот дети вокруг резвятся...
А он, как шут, для римлян кровь пролил.
О, поскорей пусть раны отомстятся,
И на порочный Рим пусть готы устремятся!

Эти стихи Байрона Лермонтов переложил по-своему, взяв из них цитату (эпиграф). Судя по упоминанию о Дунае («перед ним шумит Дунай»), гладиатор — славянин, родом из завоеванной римлянами Дакии (так называлась в древности современная Румыния).

РУСАЛКА

«Эта пьеса, — пишет о «Русалке» В. Г. Белинский в своей замечательной статье «Стихотворения М. Лермонтова», — покрыта фантастическим колоритом и по роскоши картин, богатству поэтических образов, художественности отделки составляет собою один из драгоценнейших перлов русской поэзии».

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДИЯ. (ИЗ БАЙРОНА)

Вольный перевод стихотворения Байрона, из цикла «Еврейские мелодии».

Еврейские мотивы встречаются в юношеских произведениях Лермонтова неоднократно и ведут свое начало не только от Байрона, но и от Лессинга, Вальтера Скотта и др.

БОРОДИНО

Написано в 1837 году — к двадцатипятилетней годовщине Отечественной войны. Наполеон начал войну с Россией летом 1812 года. С самого начала военных действий русским войскам пришлось отступать, во избежание лишних потерь. Отступление вызывало ропот в армии.

Решительное сражение было дано при Бородине (село недалеко от Москвы) 26 августа (старого стиля) 1812 года. Вскоре после сражения, 3 сентября 1812 года, французы вступили в Москву.

Лермонтов написал «Бородино» в форме рассказа-воспоминания старого солдата, участника сражения; отсюда — народный слог, местами похожий на солдатские песни того времени. Передавая речь солдата, Лермонтов употребляет такие слова, как «мусье» или «бусурманы», такие выражения, как «у наших ушки на макушке», «полковник наш рожден был хватом». Среди произведений Лермонтова, обычно окрашенных его личными настроениями и взглядами, «Бородино» занимает особое место — именно, как попытка сделать зарисовку типа, создать «эпическую» вещь.

«Это стихотворение, — пишет В. Г. Белинский в своей статье «Стихотворения М. Лермонтова», — отличается простотою, безыскусственностью: в каждом слове слышите солдата, язык которого, не переставая быть грубо простодушным, в то же время благороден, силен и полон поэзии».

В этом стихотворении ярко выражен патриотизм Лермонтова: передавая исторически верно настроение русской армии во время отступления и сражения под Москвой, Лермонтов гордится своим народом, своей родиной.

Стр. 40

СМЕРТЬ ПОЭТА

Стихотворение написано на смерть А. С. Пушкина (29 января 1837 года). Это стихотворение Лермонтова (в первоначальном виде, то есть до стиха «А вы, надменные потомки...») получило сразу очень широкое распространение. Есть указания на то, что стихотворение стало известно и при дворе, но не вызвало сначала никакого негодования.

Таково было положение до того, как Лермонтов написал заключительные 16 строк — через несколько дней после похорон Пушкина.

Смерть Пушкина вызвала большое волнение. Придворные и аристократические круги осуждали Пушкина и оправдывали Дантеса, а широкие общественные круги, напротив, были так настроены против Дантеса, что, по словам А. Н. Муравьева, «было даже опасение народной ненависти к убийце Пушкина».

Потрясенный смертью Пушкина, Лермонтов заболел; вызванный к нему лейб-медик Арендт рассказал ему подробности о последних днях жизни Пушкина. Лермонтов находился под впечатлением этого рассказа, когда к нему пришел его родственник, камер-юнкер Столыпин. Разговор зашел о смерти Пушкина

Столыпин всячески защищал Дантеса; Лермонтов горячился и негодовал. «Разговор шел жарче, молодой камер-юнкер Столыпин сообщал мнения, рождавшие новые споры, и в особенности настаивал, что иностранцам дела нет до поэзии Пушкина, что дипломаты свободны от внешних законов, что Дантес и Геккерен, будучи знатными иностранцами, не подлежат ни законам, ни суду русскому. Разговор принял было юридическое направление, но Лермонтов прервал его словами, которые после почти вполне поместил в стихах: «Если над ними нет закона и суда земного, если они палачи гения, так есть божий суд». Разговор прекратился, а вечером, возвратясь из гостей, я нашел у Лермонтова и известное прибавление, в котором явно выражался весь спор» («Дело о неправомерных стихах». Показания Раевского).

Новые заключительные строки стали немедленно переписываться и расходиться по рукам в огромном количестве экземпляров. Имя Лермонтова, до тех пор известное только в литературных кругах, стало теперь широко известно. И. Панаев говорит: «Лермонтов сделался известен публике своим стихотворением «На смерть Пушкина». А. Н. Муравьев подтверждает: «Лермонтов... приобрел себе громкую известность, написав энергические стихи на смерть Пушкина».

До Николая I дополнительные строки дошли не сразу. Шеф жандармов Бенкендорф отнесся к ним сначала спокойно. Бурнашев и П. А. Висковатов рассказывают, что о дополнительных стихах Бенкендорф узнал на одном рауте от графини А. М. Хитрово, аттестовавшей их как стихи, оскорбительные для всей аристократии. На следующий же день Бенкендорф сообщил об этих стихах Николаю I, который до того уже успел получить анонимную копию с надписью: «Воззвание к революции». Так или иначе, но стихи эти стали известны при дворе и вызвали гнев. Был пущен слух, что они написаны не Лермонтовым. Так, А. И. Тургенев писал 13 февраля 1837 года А. Н. Пещурову: «Посылаю стихи, кои достойны своего предмета. Ходят по рукам и другие строфы, но они не этого автора и уже навлекли, сказывают, неприятности истинному автору» («Пушкин и его современники», вып. II, стр. 113).

Предвидя беду, Лермонтов обратился к А. Н. Муравьеву, прося его заступничества перед управляющим Третьим отделением А. Н. Мордвиновым. «Поздно вечером приехал ко мне Лермонтов и с одушевлением прочел свои стихи, которые мне очень понравились. Я не нашел в них ничего особенно резкого, потому что не слышал последнего четверостишия, которое возбудило бурю против поэта. Стихи сии ходили в двух списках по городу: одни с прибавлением, а другие без него, и даже говорили, что прибавление было сделано другим поэтом, но что Лермонтов благородно принял это на себя. Он просил меня поговорить в его пользу Мордвинову, и на другой день я поехал к моему родичу. Мордвинов был очень занят и не в духе. «Ты всегда с старыми вестями, — сказал он, — я давно читал эти стихи графу Бенкендорфу, и мы не нашли в них ничего предосудительного». Обрадованный такой вестью, я поспешил к Лермонтову, чтобы его успокоить, и, не застав его дома, написал ему от слова до слова то, что сказал мне Мордвинов. Когда же возвратился домой, нашел у себя его записку, в которой он опять просит моего заступления, потому что ему грозит опасность. Долго ожидая меня, написал он на том же листке чудные свои стихи «Ветка Палестины», которые

по внезапному вдохновению у него исторглись в моей образной, при виде палестинских пальм, привезенных мною с Востока:

Скажи мне, ветка Палестины,
Где ты цвела, где ты росла?
Каких холмов, какой долины
Ты украшением была?.. и т. д.

Меня чрезвычайно тронули эти стихи, но каково было мое изумление вечером, когда флигель-адъютант Столыпин сообщил мне, что Лермонтов уже под арестом!.. Ссылка его на Кавказ наделала много шуму; на него смотрели как на жертву, и это быстро возвысило его поэтическую славу. С жадностью читали его стихи с Кавказа, который послужил для него источником вдохновения» (А. Н. Муравьев, «Знакомство с русскими поэтами», Киев, 1871, стр. 23 и след.).

Лермонтов был арестован и, по словам А. П. Шан-Гирея, посажен «в одну из комнат верхнего этажа здания главного штаба». Тогда же (21 февраля 1837 года) был арестован и С. А. Раевский. Черновик своего показания Раевский старался передать Лермонтову; он послал этот черновик камердинеру Лермонтова, Андрею Ивановичу Соколову (крепостному из села Тарханы) при следующей записке: «Против 3 Адмиралтейской части в доме кн. Шаховской Андрею Иванову. Андрей Иванович! Передай тихонько эту записку и бумаги Мишелю. Я подал эту записку министру. Надобно, чтобы он отвечал согласно с нею, и тогда дело кончится ничем. А если он станет говорить иначе, то может быть хуже. Если сам не можешь завтра же поутру передать, то через Афанасия Алексеевича»¹. (Эта записка приложена к «Делу о не-поволительных стихах». Там же — показания Раевского и Лермонтова, впервые опубликованные в «Вестнике Европы» за 1887 год, № 1. Ср. П. Е. Щеголев, «Книга о Лермонтове», Л., 1929, вып. I, стр. 262—267.)

Записка Раевского и черновик его показания до Лермонтова не дошли: они были перехвачены. Раевский в своем показании старался доказать, что никаких «политических мыслей, а тем более противных порядку, установленному вековыми законами», у Лермонтова не было.

25 февраля 1837 года последовало высочайшее повеление: «Л-гв. гусарского полка корнета Лермонтова, за сочинение известных вашему сиятельству (Бенкендорфу) стихов, перевести тем же чином в Нижегородский драгунский полк; а губернского секретаря Раевского, за распространение сих стихов и в особенности за намерение тайно доставить сведения корнету Лермонтову о сделанном им показании, выдержать под арестом в течение одного месяца, а потом отправить в Олонецкую губернию для употребления на службу по усмотрению тамошнего гражданского губернатора».

«Смерть поэта» было первым стихотворением, создавшим Лермонтову громкую известность, и вместе с тем первым его публичным выступлением на социально-политическую тему. Оно было подготовлено целым рядом юношеских стихотворений 1830—1832 годов.

Следует еще указать на то, что Лермонтов в это время (пови-

¹ Столыпин (1788—1866) — брат бабушки Лермонтова, Е. А. Арсеньевой.

димому, с 1836 года) был членом «кружка шестнадцати», отрицательно относившегося к политике правительства и к придворным кругам. Деятельность этого кружка до сих пор очень мало известна, но при скудности биографических материалов о Лермонтове важно то, что Лермонтов не был одиночкой, а имел свой круг, из общения с которым и почерпнул темы и мотивы своих гражданских стихотворений 1837—1839 годов.

Эпиграф к «Смерти поэта» взят Лермонтовым из трагедии Ротру (Jean de Rotrou, 1609—1650) «Венцеслав» («Venceslas»).

Стр. 42

ВЕТКА ПАЛЕСТИНЫ

См. комментарий к стихотворению «Смерть поэта».

Стр. 43

УЗНИК

Это стихотворение, как и стихотворения «Когда волнуется желтеющая нива» и «Молитва», написаны Лермонтовым, по словам его родственника и друга А. П. Шан-Гирея, во время пребывания Лермонтова под арестом за стихотворение «Смерть поэта». А. П. Шан-Гирей сообщает:

«Под арестом к Мишелю пускали только его камердинера, приносившего обед; Мишель велел завертывать хлеб в серую бумагу и на этих клочках с помощью вина, печной сажки и спички написал несколько пьес».

Стр. 45

МОЛИТВА («Я, мать божия, ныне с молитвою...»)

В письме к М. А. Лопухиной (от 15 февраля 1838 года, накануне отъезда из Петербурга в Новгород) Лермонтов пишет:

«В заключение этого письма посылаю вам стихотворение, которое случайно нашел в моих дорожных бумагах и которое мне довольно-таки нравится именно потому, что я забыл его — впрочем, это ровно ничего не доказывает». Эти строки относятся к стихотворению «Молитва», озаглавленному в рукописи «Молитва странника».

По поводу этого стихотворения Белинский писал:

«Кто бы ни была эта дева, — возлюбленная ли сердца, или милая сестра, — не в том дело; но сколько кроткой задушевности в тоне этого стихотворения, сколько нежности без всякой приторности; какое благоуханное, теплое, женственное чувство! Все это трогает в голубиной натуре человека; но в духе мощном и гордом, в натуре лвиной — все это больше чем умирительно» (В. Г. Белинский, «Стихотворения М. Лермонтова»).

Стр. 45

«ГЛЯЖУ НА БУДУЩНОСТЬ С БОЯЗНЬЮ...»

Написано, вероятно, перед отъездом на Кавказ. В первоначальной редакции есть интересные отличия:

Мое грядущее в тумане,
Былое полно мук и зла...

Зачем не позже иль не ране
Меня природа создала?
К чему творец меня готовил,
Зачем так грозно прекословил
Надеждам юности моей?..
Добра и зла он дал мне чашу,
Сказав: я жизнь твою украшу,
Ты будешь славен меж людей!

И я словам его поверил,
И полный волею страстей
Я будущность мою измерил
Обширностью души своей;
С святыней зло во мне боролось,
Я удушил святыни голос,
Из сердца слезы выжал я;
Как юный плод, лишенный сока,
Оно увяло в бурях рока
Под знойным солнцем бытия.

1838

Стр. 47

ДУМА

Основные мотивы «Думы» характерны не для одного Лермонтова; это мотивы эпохи. Журнальные статьи этих годов пронизаны постоянными размышлениями о ничтожности и бесплодности молодого поколения, утратившего «дедовскую беззаботность» и преждевременно одряхлевшего.

«Дума» произвела очень сильное впечатление на современников. Белинский восторженно приветствовал ее в своих статьях.

Вот что он писал о «Думе» в своей статье «Стихотворения М. Лермонтова»:

«...Через год после напечатания «Песни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» Лермонтов вышел снова на арену литературы с стихотворением «Дума», изумившим всех алмазною крепостью стиха, громовою силою бурного одушевления, исполинскою энергиею благородного негодования и глубокой грусти...

...Эти стихи писаны кровью; они вышли из глубины оскорбленного духа: это вопль, это стон человека, для которого отсутствие внутренней жизни есть зло, в тысячу раз ужаснейшее физической смерти...»

Все, кроме поэта Шевырева, увидевшего в «Думе» позу, не совместимую с истинной поэзией, оценили стихотворение как событие.

Отзвуки лермонтовской «Думы» слышны во всей русской гражданской лирике, вплоть до символистов.

Тема поэта и поэзии — одна из самых постоянных в русской поэзии 20-х и 30-х годов; мы встречаем ее у Батюшкова, Дельвига, Пушкина, Вяземского, Баратынского, Веневитинова, Тютчева, Языкова, Шевырева, Хомякова и других.

Сам Лермонтов неоднократно возвращался к этой теме, внося в нее характерные для него оттенки:

Что без страданий жизнь поэта
И что без бури океан?

К концу 30-х годов, вместе с развитием гражданских тем и ораторского стиля, тема поэта получает у Лермонтова новое освещение. Стихотворение «Поэт» 1838 года выросло на основе «Умирающего гладиатора», «Смерти поэта» и «Думы» и представляет собой одно из программных стихотворений Лермонтова.

1839

Стр. 50

ТРИ ПАЛЬМЫ

По стиху и по некоторым описательным подробностям баллада близка к одному из стихотворений Пушкина — последнему в цикле «Подражание Корану». В стихотворении Пушкина рассказывается, как усталый путник, томимый жаждой, возроптал на бога, как он увидел в пустыне пальму и источник и, утолив жажду, заснул под тенью. Он проснулся через много лет старцем: пальма истлела, источник засох, а от ослицы остались только кости.

И горем объятый, мгновенный старик,
Рыдая, дрожащей главою поник...
И чудо в пустыне тогда совершилось:
Минувшее в новой красе оживилось;
Вновь забылется пальма тенистой главой,
Вновь кладезь наполнен прохладой и мглой.

Полное сходство между стихотворением «Три пальмы» (тот же размер и та же строфа) и пушкинским «Подражанием Корану», а также сходство отдельных деталей наводит на мысль, что Лермонтов написал свою балладу под впечатлением стихотворения Пушкина, но в ином плане.

Стр. 51

ПАМЯТИ А. И. ОДОЕВСКОГО

В 1837 году Лермонтов встретился на Кавказе с жившим там в ссылке поэтом-декабристом А. И. Одоевским и подружился с ним. Об Одоевском впоследствии вспоминал поэт Н. П. Огарев: «Одоевский был, без сомнения, самый замечательный из декабристов, бывших в то время на Кавказе. Лермонтов писал его с натуры. Да, этот

...блеск лазурных глаз,
И звонкий детский смех, и речь живую

не забудет никто из знавших его. В этих глазах выражалось спокойствие духа, скорбь не о своих страданиях, а о страданиях человека, в них выражалось милосердие».

Одоевский был талантливым поэтом, но почти не печатал своих стихотворений и даже не всегда записывал их, а читал наизусть, поэтому Лермонтов и говорит: «Дела твои, и мнения, и думы, все исчезло без следов». Огарев вспоминает о стихах Одоевского: «Он сочинял их наизусть и читал их наизусть людям близким. В голосе его была такая искренность и звучность, что его можно было заслушаться».

В 1839 году, уже после возвращения Лермонтова из ссылки в Петербург, Одоевский умер от кавказской лихорадки.

1840

Стр. 54

«КАК ЧАСТО, ПЕСТРОЮ ТОЛПОЮ ОКРУЖЕН...»

Под новый, 1842 год Лермонтов был на маскарадном балу в петербургском Благородном собрании. И. С. Тургенев, начинавший тогда свою литературную деятельность, видел его на этом балу и впоследствии вспоминал: «Ему не давали покоя, беспрестанно приставали к нему, брали его за руки, одна маска сменялась другой, и он почти не сходил с места и молча слушал их писк, поочередно обращая на них свои сумрачные глаза. Мне тогда же показалось, что я уловил на лице его прекрасное выражение поэтического творчества». Стихотворение «Как часто, пестрою толпою окружен...» написано после этого бала.

В середине стихотворения, вспоминая свое детство, Лермонтов описывает дом и сад в Тарханах.

Стр. 55

И СКУШНО, И ГРУСТНО

Беллинский в статье «Стихотворения М. Лермонтова» пишет по поводу этого стихотворения:

«Страшен этот глухой, могильный голос подземного страдания, нездешней муки, этот потрясающий душу реквием всех надежд, всех чувств человеческих, всех обаяний жизни! От него содрогается человеческая природа, стынет кровь в жилах, и прежний светлый образ жизни представляется отвратительным скелетом, который душит нас в своих костяных объятиях, улыбается своими костяными челюстями и прижимается к устам нашим! Это не минута духовной дисгармонии, сердечного отчаяния: это — похоронная песня всей жизни! Кому не знакомо по опыту состояние духа, выраженное в ней, в чьей натуре не скрывается возможность ее страшных диссонансов, — те, конечно, увидят в ней не больше, как маленькую пьеску грустного содержания, и будут правы; но тот, кто не раз слышал внутри себя ее могильный напев, а в ней увидел только художественное выражение давно знакомого ему ужасного чувства, тот припишет ей слишком глу-

бокбе значение, слишком высокую цену, даст ей почетное место между величайшими созданиями поэзии, которые когда-либо, подобно свечам Эвменид, освещали бездонные пропасти человеческого духа... И какая простота в выражении, какая естественность, свобода в стихе! Так и чувствуешь, что вся пьеса мгновенно излилась на бумагу сама собой, как поток слез, давно уже накипевших, как струя горячей крови из раны, с которой вдруг сорвана перевязка...»

Стихотворение и по теме и по интонации явилось образцом нового жанра — интимной исповеди, нарушающего каноны старой «высокой» лирики. Для стихотворения характерно, что оно построено на очень простых, почти разговорных интонациях и оборотах речи («не стоит труда», «и жизнь, как посмотришь...»).

Стр. 56

[М. А. ЩЕРБАТОВОЙ]

В стихотворении изображена М. А. Щербатова, которой в это время увлекался Лермонтов. Она была родом из Украины (урожденная Штерич). Друг Лермонтова А. П. Шак-Гирей вспоминает: «Зимой 1839 года Лермонтов был сильно заинтересован кн. Щербатовой. Мне ни разу не случилось ее видеть, знаю только, что она была молодая вдова, а от него слышал, что такая, что ни в сказке сказать, ни пером написать!» За Щербатовой ухаживал сын тогдашнего французского посланника в Петербурге, Барант; между ним и Лермонтовым произошло столкновение на балу, окончившееся дуэлью, после которой Лермонтов был арестован и сослан вторично на Кавказ.

Стр. 58

КАЗАЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Написана под впечатлением народных песен. Рассказывают, что Лермонтов остановился однажды в казачьей станице Червленной. Услышав, как казачка укачивала ребенка, он здесь же написал свою колыбельную. Боязнь матери за судьбу сына и воображаемая картина будущих проводов на войну — такова была обычная тема казачьих колыбельных песен на Кавказе.

«Это стихотворение, — пишет В. Г. Белинский, — есть художественная апофеоза матери: все, что есть святого, беззаветного в любви матери, весь трепет, вся нега, вся страсть, вся бесконечность кроткой нежности, безграничность бескорыстной преданности, какую дышит любовь матери, — все это воспроизведено поэтом во всей полноте».

Стр. 59

СОСЕДКА

«Соседка» отличается от других «тюремных» стихотворений Лермонтова определенной народной окраской: оно написано в духе народных разбойничьих и тюремных песен. Это стихотворение пелось в старых тюрьмах.

ЖУРНАЛИСТ, ЧИТАТЕЛЬ И ПИСАТЕЛЬ

Стихотворение написано во время нахождения под арестом за дуэль с сыном французского посланника, Барантом (18 февраля 1840 года). Когда слух об этой дуэли дошел до высшего начальства, Лермонтов был посажен под арест — сначала в здании Ордонансгауза (на углу прежней Садовой и Инженерной), потом на арсенальной гауптвахте (на Литейном). Его посещали в это время некоторые друзья и товарищи, в том числе и Белинский, описавший это замечательное свидание в письме к В. П. Боткину от 16 апреля 1840 года: «Недавно был я у него в заточении и в первый раз поразговорился с ним от души. Глубокий и могучий дух! Как он верно смотрит на искусство, какой глубокий и чисто непосредственный вкус изящного!.. Я с ним спорил, и мне отрадно было видеть в его рассудочном, охлажденном и озлобленном взгляде на жизнь и людей семена глубокой веры в достоинство того и другого. Я это сказал ему — он улыбнулся и сказал: дай бог».

«Журналист, читатель и писатель» отражает, повидимому, всю серию бесед, которые вел Лермонтов под арестом с друзьями, но главным поводом послужил, вероятно, разговор с Белинским о поэзии.

ВОЗДУШНЫЙ КОРАБЛЬ. (ИЗ ЦЕДЛИЦА)

Весной 1840 года французское правительство подняло вопрос о перенесении праха Наполеона с острова Святой Елены в Париж. Лермонтов написал балладу «Воздушный корабль», вероятно, под впечатлением известий о готовящемся решении. Увлечение Наполеоном, характерное для европейской поэзии 20-х и 30-х годов (Пушкин, Гейне, Беранже), заметно в творчестве Лермонтова, еще в ранней юности посвятившего Наполеону несколько стихотворений.

Тему «Воздушного корабля» Лермонтов заимствовал у немецкого поэта Цедлица, но обработал ее по-своему.

ИЗ ГЁТЕ

Это вольный перевод стихотворения Гёте «Ueber allen Gipfeln ist Ruh» («Над всеми вершинами покой»). А. Н. Струговщиков, писатель и переводчик, вспоминает, как он встретился с Лермонтовым: «На вопрос его, не перевел ли я «Молитву путника» Гёте, я отвечал, что с первой половиной сладил, а со второй — недостает мне ее певучести и неуловимого ритма. «А я, напротив, мог только вторую половину перевести», сказал Лермонтов и тут же, по просьбе моей, набросал мне на клочке бумаги свои «Горные вершины».

Говоря о первой и второй половинах, Струговщиков имел в виду два стихотворения Гёте на одну и ту же тему: «Wanderers Nachtlied» и «Ein Gleiches». Второе из них отличается особенно сложным ритмом.

ТУЧИ

Стихотворение написано Лермонтовым весной 1840 года, перед отъездом на Кавказ во вторую ссылку. По рассказу одного современника, Лермонтов написал это стихотворение в день выезда из Петербурга, в квартире у Карамзиных (у «Соляного городка», против Летнего сада). «Растроганный вниманием к себе и непритворною любовью избранного кружка, поэт, стоя у окна и глядя на тучи, которые ползли над Летним садом и Невой, написал стихотворение «Тучки небесные, вечные странники!..»

Стр. 69

«ПРОЩАЙ, НЕМЫТАЯ РОССИЯ...»

Написано, вероятно, перед отъездом на Кавказ во вторую ссылку. В этих восьми строках дана яркая характеристика официальной царской России — «страны рабов, страны господ». Под «мундирами голубыми» подразумеваются жандармы: у них была форма светлосинего цвета. Словами «от их всевидящего глаза, от их всеслышающих ушей» Лермонтов говорит о так называемом III Отделении, которое занималось сыском.

Автограф этого стихотворения не найден — оно ходило в списках. Строка 6-я в некоторых списках читается: «Сокроюсь от твоих пашей».

Стр. 69

«Я К ВАМ ПИШУ...»

Написано в форме письма, обращенного Лермонтовым к своей знакомой. В нем описывается один из эпизодов кавказской войны: сражение русских с чеченцами у реки Валерик (11 июля 1840 года).

1841

Стр. 76

РОДИНА

В стихотворении «Родина» Лермонтов говорит о своей любви к родине, о любви органической, не связанной ни с какими расщепочными расчетами. Он идет здесь по стопам Пушкина, развивая намеченную в «Странствиях Онегина» тему:

Иные нужны мне картины:
Люблю песчаный косогор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор,
На небе серенькие тучи,
Перед гумном соломы кучи —
Да пруд под сенью ив густых,
Раздолье уток молодых;
Теперь мила мне балалайка,
Да пьяный топот трепака
Перед порогом кабака.

В стихотворении «Родина» Лермонтов окончательно отходит от своего юношеского, несколько приподнятого, напряженного романтического стиля. Этот перелом указан им самим в стихотворении того же года «Любил и я в былые годы...» («В альбом С. Н. Карамзиной»).

Стр. 77

[В АЛЬБОМ С. Н. КАРАМЗИНОЙ]

Это шутивное альбомное стихотворение имеет вместе с тем очень серьезный и важный для понимания поэзии Лермонтова смысл. Здесь Лермонтов сам указывает на происшедший в его творчестве перелом — на отказ от романтических тем («и бури шумные природы, и бури тайные страстей») и от напряженного романтического стиля («оглушающий язык»).

Стр. 78

«НА СЕВЕРЕ ДИКОМ СТОИТ ОДИНОКО...»

Перевод стихотворения Генриха Гейне (1799—1856) «Ein Fichtenbaum steht einsam».

Стихи Гейне оказали большое влияние на Лермонтова в последние годы его жизни. Над переводом этого стихотворения он много работал. В его альбоме сохранился другой текст этого перевода, более близкий к подлиннику:

На хладной и голой вершине
Стоит одиноко сосна.
И дремлет... под снегом сыпучим
Качаяся дремлет она.

Ей снится прекрасная пальма
В далекой восточной земле,
Растущая тихо и грустно
На жаркой песчаной скале.

Интересно, что на той же странице альбома, где набросан черновик этого перевода, находится рисунок Лермонтова, изображающий сосну на вершине, а в отдалении, на скале — пальму.

Переводя это стихотворение, Лермонтов не заметил или не придал значения одной подробности: слово «сосна» по-немецки мужского рода (der Fichtenbaum). У Гейне стихотворение говорит о любовной тоске, а в переводе у Лермонтова этот оттенок утратился. До Лермонтова это стихотворение переводил Ф. И. Тютчев, который заменил сосну кедром именно для того, чтобы быть ближе к подлиннику. Вот перевод Тютчева:

На севере мрачном, на дикой скале,
Кедр одинокий, подъямлясь, белеет,
И сладко заснул он в нистой мгле,
И сон его буря лелеет.

Про юную пальму снится ему,
Что в краю отдаленном Востока
Под мирной лазурью, на светлом холму
Стоит и цветет одиноко.

УТЕС

Стихотворение очень близко по своему типу к предыдущему стихотворению; это такая же пейзажная «аллегория», вкладывающая в явление природы психологический смысл. Утесы и облака — очень частые образы лермонтовской поэзии. Здесь они объединены сюжетом.

СВИДАНИЕ

Это скорее рассказ в стихах, чем баллада. Типичная баллада содержит в себе всегда что-нибудь загадочное или страшное (как «Воздушный корабль» Лермонтова, как «Ночной смотр» или «Лесной царь» Жуковского). «Свиданье» — бытовой рассказ, но его сюжет передан с большим лирическим напряжением, непрерывно растущим от начала к концу и обрывающимся на крике. Это одно из самых замечательных по словесному и ритмическому мастерству стихотворений Лермонтова.

«ВЫХОЖУ ОДИН Я НА ДОРОГУ...»

В этом стихотворении есть сходство со стихотворением Гейне «Der Tod, das ist die kühle Nacht». Возможно, что стихотворение Гейне, который был в эти годы любимым поэтом Лермонтова, побудило его создать свою элегию.

ПРОРОК

Одно из последних стихотворений Лермонтова. Тема поэта-пророка встречается и в других его стихотворениях (ср. «Смерть поэта») и ведет свое начало от пушкинского «Пророка». Лермонтовский «Пророк» представляет собой как бы продолжение пушкинского. Пушкин описывает превращение в пророка и кончает возгласом к нему бога:

Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнишь волею моею
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей.

Лермонтов как бы пишет следующую главу: «С тех пор как вечный судия» и т. д. и рассказывает, что случилось с этим пророком, когда он стал обходить моря и земли.

Стр. 89

ПЕСНЯ ПРО ЦАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА, МОЛОДОГО ОПРИЧНИКА И УДАЛОГО КУПЦА КАЛАШНИКОВА

Написана на Кавказе в 1837 году. Появилась в печати в 1838.

Материалом для «Песни» послужили народные исторические песни об Иване Грозном и былины. Лермонтов очень любил и высоко ценил русскую народную поэзию. Еще в 1830 году он записал в своей тетради: «Если захочу вдаваться в поэзию народную, то, верно, нигде больше не буду ее искать, как в русских песнях. — Как жалко, что у меня была мамушкой немка, а не русская, — я не слыхал сказок народных; в них, верно, больше поэзии, чем во всей французской словесности». Непосредственно перед «Песней» Лермонтов написал «Бородино», в котором сказывается хорошее знакомство с народной речью и с солдатскими песнями.

В статье о стихотворениях Лермонтова В. Г. Белинский делает подробный разбор «Песни» и заканчивает его следующими словами: «Как ни пристально будете вы вглядываться в поэму Лермонтова, не найдете ни одного лишнего или недостающего слова, черты, стиха, образа; ни одного слабого места: всё в ней необходимо, полно, сильно!.. Поэма Лермонтова — создание мужественное, зрелое и столько же художественное, сколько и народное».

Стр. 104

БЕГЛЕЦ

Поэма написана в 1839 году. В ней Лермонтов передает легенду о трусливом черкесе, которого отвергает сначала друг, потом любимая девушка и, наконец, мать.

Стр. 108

МЦЫРИ

Поэма написана в 1839—1840 годах, но связана с более ранними поэмами Лермонтова («Исповедь» — 1830 год и «Боярин Орша» — 1835—1836 годы), являясь их переработкой и завершением. Современник Лермонтова рассказывает о происхождении этой поэмы:

«Когда Лермонтов, странствуя по старой Военно-Грузинской дороге (между Владикавказом и Тифлисом), изучал местные сказания, он наткнулся в Мцхете на одинокого монаха, старого монастырского служку, «бэри» по-грузински. Сторож был последний из братьев упраздненного близлежащего монастыря. Лермонтов с ним разговорился и узнал от него, что родом он горец, плененный ребенком генералом Ермоловым во время экспедиции. Генерал его вез с собой и оставил заболевшего мальчика монастырской братии. Тут он и вырос; долго не мог свыкнуться с монастырем, тосковал и делал попытки к бегству в горы. Последствием одной такой попытки была долгая болезнь, приведшая его на край могилы. Излечившись, дикарь угомонился и остался в монастыре, где особенно привязался к старику-монаху. Любопытный и живой

рассказ бэри произвел на Лермонтова впечатление. К тому же он затрагивал уже знакомый поэту мотив, и вот он решился воспользоваться тем, что было подходящего в «Исповеди» и «Боярине Орше», и перенес все действие из Испании и потом с литовской границы в Грузию».

Вся поэма, за исключением двух вступительных глав, представляет собой монолог умирающего юноши — мцыри. В этом монологе, написанном сильным, энергичным языком, Лермонтов выразил свои мятежные настроения, свое стремление к свободе, свое презрение к окружавшему его обществу. Образ юноши, задыхающегося в душной атмосфере монастыря, возник у Лермонтова, несомненно, на основе его собственных настроений и дум.

В черновой рукописи «Мцыри» есть строки, которые в этом отношении еще более характерны:

О боже, думал я, зачем
Ты дал мне то, что дал ты всем,
И крепость сил, и мысли власть,
Желанья, молодость и страсть?
Зачем ты ум наполнил мой
Неутомимою тоской
По дикой воле?.. Почему
Ты на земле мне одному
Дал вместо родины тюрьму?

Один из друзей Лермонтова, А. Н. Муравьев, вспоминает, как Лермонтов читал ему только что законченную поэму:

«Песни и поэмы Лермонтова гремели повсюду... Мне случилось однажды, в Царском Селе, уловить лучшую минуту его вдохновения. В летний вечер я к нему зашел и застал его за письменным столом, с пылающим лицом и с югненными глазами, которые были у него особенно выразительны. «Что с тобою?» спросил я. «Сядьте и слушайте», сказал он и в ту же минуту, в порыве восторга, прочел мне, от начала до конца, всю свою великолепную поэму «Мцыри» (послушник по-грузински), которая только что вылилась из-под его вдохновенного пера. Внимая ему, и сам я пришел в невольный восторг: так живо выхватил он, из ребр Кавказа, одну из его разительных сцен и облек ее в живые образы перед очарованным взором. Никогда никакая повесть не производила на меня столь сильного впечатления. Много раз впоследствии перечитывал я его «Мцыри», но уже не та была свежесть красок, как при первом одушевленном чтении самого поэта».

Весной 1840 года, остановившись в Москве по дороге на Кавказ, Лермонтов читал свою поэму на именинах Гоголя. Об этом вспоминает С. Т. Аксаков:

«Приблизился день именин Гоголя, 9 мая, и он захотел угостить обедом своих приятелей и знакомых в саду у Погодина. На этом обеде, кроме круга близких приятелей и знакомых, были: И. С. Тургенев, князь П. А. Вяземский, Лермонтов, М. Ф. Орлов, М. А. Дмитриев, Загоскин, профессор Армфельд и Редкин и многие другие. После обеда все разбрелось по саду маленькими кружками. Лермонтов читал наизусть Гоголю и другим, кто тут случился, отрывок из новой своей поэмы «Мцыри» и читал, говорят, прекрасно».

ДЕМОН

В 1829 году Лермонтов начал поэму, сюжетом которой была любовь демона к монахини. Вот одна из первых записей сюжета: «Демон влюбляется в смертную (монахиню), и она его наконец любит, но демон видит ее ангела-хранителя и от зависти и ненависти решает погубить ее. Она умирает, душа ее улетает в ад, и демон, встречая ангела, который плачет с высот неба, упрекает его с язвительной улыбкой». В 1830—1831 годах Лермонтов переработал свои первоначальные наброски и написал поэму до конца. В этой редакции поэмы видно сильное влияние Байрона («Кайн», «Небо и земля»); она имеет отвлеченно-философский характер, место действия еще совершенно неопределенно (море, скалы). Затем Лермонтов опять переработал поэму, но общий ее характер остался тот же. Наконец, в 1838 году, после ссылки на Кавказ, Лермонтов совершенно переделал поэму, придав ей кавказский колорит и превратив неведомую монахиню, не имевшую прежде даже имени, в грузинскую княжну Тамару. В 1840 и 1841 годах поэма подвергалась еще некоторой переработке.

После смерти Лермонтова издатель «Отечественных записок» (журнал, в котором Лермонтов печатал свои произведения) А. А. Краевский хотел напечатать поэму, но цензура запретила ее. «Демон» появился впервые в печати только в 1856 году, и то за границей; до этого времени поэма ходила по рукам в списках, иногда очень искаженных.

Тема демонизма проходит через все творчество Лермонтова. В юношеских его произведениях эта тема воплощается в мрачных романтических образах мстителей и злодеев. К этой эпохе относятся и замысел «Демона». Позже Лермонтов отошел от такой трактовки темы. В незаконченной поэме «Сказка для детей» (1839) он сам признается:

Кипя огнем и силой юных лет,
Я прежде пел про демона инова:
То был безумный, страстный, детский бред,
Бог знает где заветная тетрадка?

И дальше:

Мой юный ум, бывало, возмущал
Могучий образ. — Меж иных видений,
Как царь, немой и гордый, он сиял
Такой волшебной-сладкой красотой,
Что было страшно... и душа тоскою
Сжималась — и этот дикий бред
Преследовал мой разум много лет...
Но я, расставшись с прочими мечтами,
И от него отделался — стихами.

Об этом же отходе от своих юношеских тем и образов Лермонтов говорит в стихотворении, написанном в 1841 году в альбом С. Н. Карамзиной («Любил и я в былые годы...»). В этом смысле поэма «Демон», принявшая свой окончательный вид в 1838 году (позднее вносились только стилистические поправки), представляет собою завершение и итог юношеского периода.

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ

1829	Баллада («Над морем красавица-дева сидит...»)	5
	Война	6
	Перчатка	—
	Жалобы турка	9
	Эпиграммы	—
1830	Кавказ	10
	Баллада («В избушке позднею порою...»)	11
	Нищий	12
	К*** («Не думай, чтоб я был достоин сожаленья...»)	13
1831	1831-го июня 11 дня	—
	Желание («Зачем я не птица, не ворон степной...»)	22
	(Воля)	23
	Ангел	24
	«Ужасная судьба отца и сына...»	—
1830—1831	К*** («О, полно извинять разврат!..»)	27
1832	«Люблю я цепи синих гор...»	—
	«Нет, я не Байрон, я другой...»	28
	«Я жить хочу! хочу печали...»	29
	«Приветствую тебя, воинственных славян...»	30
	Два великана	—
	«Примите дивное посланье...»	31
	Парус	—
1833—1834	«На серебряные шпоры...»	32
	«Посреди небесных тел...»	33
	Юнкерская молитва	—

1836	Умиравший гладиатор	34
	Русалка	35
	Еврейская мелодия	36
1837	Бородино	—
	Смерть поэта	40
	Ветка Палестины	42
	Узник	43
	«Когда волнуется желтеющая нива...»	—
	Молитва	45
	«Гляжу на будущность с боязнию...»	—
	«Не смейся над моей пророческой тоскою...»	46
	«Слышу ли голос твой...»	—
	Кинжал	47
1838	Дума	—
	Поэт	48
1839	Три пальмы	50
	Памяти А. И. Одоевского	51
	[Э. К. Мусиной-Пушкиной]	54
1840	«Как часто, пестрою толпою окружен...»	—
	И скушно, и грустно	55
	[М. А. Щербатовой]	56
	Казачья колыбельная песня	58
	Соседка	59
	Журналист, читатель и писатель	60
	Воздушный корабль	65
	Отчего	67
	Благодарность	—
	Из Гёте	68
	Тучи	69
	«Прощай, немытая Россия...»	—
	«Я к вам пишу: случайно! право...»	—
1841	Родина	76
	[В альбом С. Н. Карамзиной]	77
	«На севере диком стоит одиноко...»	78
	Утес	—
	Спор	79
	Свиданье	82
	Сон	84
	«Дубовый листок оторвался от ветки родимой...»	85
	«Выхожу один я на дорогу...»	86
	Морская царевна	87
	Пророк	88

ПОЭМЫ

Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова	89
Беглец	104
Мцыри	108
Демон	128
Комментарии	160

ДЛЯ НЕПОЛНОЙ СРЕДНЕЙ И
СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Ответств. редактор *И. Воробьева*.
Подписано к печати 18/VII 1942 г.
11¹/₂ печ. л. (9,75 уч.-изд. л.).
35904 зн. в печ. л. Тираж 50 000 экз.
Л75147. Заказ № 2154.
Цена 2 р. 60 к.

Фабрика детской книги Детгиза
Нарксмпроса РСФСР. Москва,
Сушевский вл., 49.

1908. 1909

22661

~~НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОСА АКАДЕМИИ НАУК
ДЕУГИЗА~~

~~Цена 2 руб. 60 коп.~~

150=